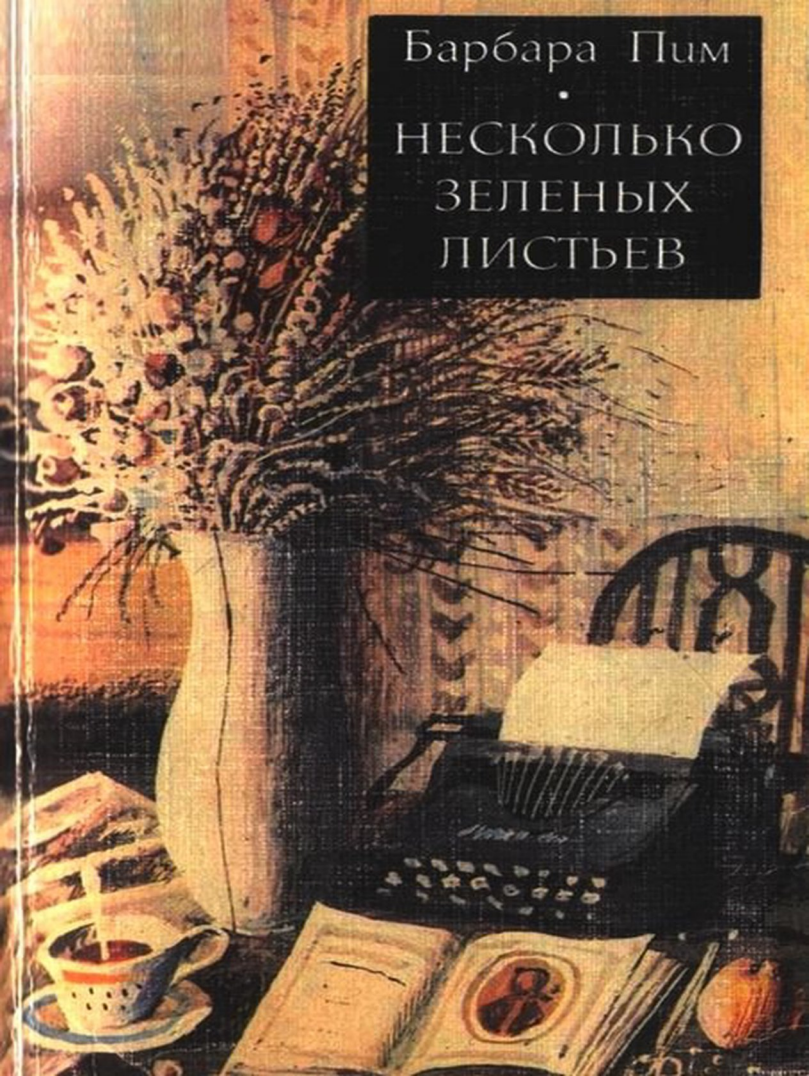
Барбара Пим

НЕСКОЛЬКО ЗЕЛЕНЫХ ЛИСТЬЕВ



Несколько зеленых листьев
Барбара Пим

Аннотация
Барбара Пим
Кто же она, Барбара Пим?
Несколько зеленых листьев. (Роман)
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18

19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31

Аннотация

Роман «Несколько зеленых листьев» современной английской писательницы Барбары Пим (1913–1980), продолжающей традиции английской классической литературы, — это рассказ об обитателях небольшого английского поселка, одиноких, неустроенных людях. С глубоким пониманием и тонкой иронией Б. Пим рисует жизнь английской провинции.

Барбара Пим

НЕСКОЛЬКО ЗЕЛЕНЫХ ЛИСТЬЕВ

Кто же она, Барбара Пим?

Фотоискусство честно смотрит вдаль,
День тусклый тусклым запечатлевая;
Улыбки фальшь, натянутость любая
Сейчас видна; не спрячется деталь:
Рекламный щит, веревка бельевая.

Филип Ларкин
Стихи в фотоальбом молодой леди[1]

Сейчас трудно себе представить, что еще десять лет назад мало кто знал Барбару Пим. И если бы не случайность, «открытие» этой писательницы могло бы так и не состояться.

В 1977 году литературное приложение к «Таймс», отмечая свой 75-летний юбилей, решило провести анкету. Ее участникам: видным романистам, критикам, литературоведам, издателям — было предложено ответить на вопрос — кто, по их мнению, наиболее незаслуженно недооцененный и, напротив, незаслуженно превознесенный автор, появившийся в английской литературе

---

[1] Примечания: 1
Перевод А. Кушнера.

за последние 75 лет. Ответы пестрели именами, и только одна писательница — Барбара Пим — была упомянута дважды. Причем назвали ее авторитеты столь высокие, что не посчитаться с их суждениями было просто невозможно. Одним оказался выдающийся английский поэт Филип Ларкин, другим — Дэвид Сесил, писатель, крупнейший специалист по классической литературе XIX столетия.

Обосновывая свой выбор, Филип Ларкин писал: «В книгах Барбары Пим нарисована непревзойденная по точности и проницательности картина жизни английского среднего класса в послевоенную пору. Эта писательница наделена редким талантом — видеть трагизм и одновременно комические стороны нашего каждодневного бытия». Примерно такую же оценку Барбаре Пим дал и Дэвид Сесил. Комедийный дар Барбары Пим, ее умение различать скрытые мотивы поведения людей, подмечать неважные на первый взгляд черты психологического облика — все это, писал Дэвид Сесил, свидетельство самобытного, незаслуженно обойденного славой таланта. Барбара Пим, добавили Филип Ларкин и Дэвид Сесил, вовсе не новичок в литературе. Между 1950 и 1961 годами она написала шесть романов,

которые выходили в издательстве «Кейп».

Филип Ларкин и Дэвид Сесил — исключения; остальные участники анкеты, как, впрочем, и ее организаторы, с трудом припоминали, кого же имеют в виду мэтры. За разъяснениями обратились к главному редактору издательства «Кейп».

Однако вопрос: «Что Вы можете сказать о вашем авторе Барбаре Пим?» — поверг его в полное недоумение. «Право, не знаю, жива ли она. Мы ведь ее давно не печатаем. Книги ее успеха не имели, приносили лишь убыток. И потому, когда она в 1961 году предложила нам рукопись нового романа, мы решили больше не рисковать». В самом деле, продолжал он, что может привлечь читателя в этой старомодной, чуть ли не по-викториански пуристской прозе — ни злободневных вопросов, ни захватывающего сюжета, ни откровенных интимных сцен. А ведь именно этого по большей части требует читатель.

В оправдание главы издательства «Кейп» надо сказать, что, действительно, в 1961 году, когда литературную сцену Англии продолжали занимать «сердитые молодые люди» с их бурными отрицаниями всего и вся, а им на смену шли жаждущие перемен рабочие романисты, рассказы Барбары Пим о старых девах, коротающих свои дни в

провинции, о незадачливых священниках, об эгоистах и эгоистках, несостоявшихся любовных романах, бесконечных чаепитиях, благотворительных базарах, что и говорить, мало кого могли увлечь.

Получив отказ издательства, Барбара Пим, однако, не сдалась. Убежденная, что ее внешне камерная, даже старомодная проза имеет право на существование, она предложила рукопись еще двадцати четырем английским издательствам. Но повсюду слышала один и тот же приговор: «Скучно, устарело». Вот тут Барбара Пим пала духом и приняла решение оставить творчество.

Ее молчание длилось шестнадцать лет и, если бы не благоприятное стечение обстоятельств, длилось бы и дольше — до ее смерти, наступившей всего лишь через три года после ее шумного, но запоздалого признания.

Мода капризна: по иронии судьбы те самые издательства, которые без тени сомнения объясняли Барбаре Пим, что ее «муза» изъедена молью и насквозь пропахла нафталином, теперь, после анкеты литературного приложения к «Таймс», наперебой предлагали ей свои услуги. Издательство «Кейп», которое еще недавно с трудом припоминало, кто же она, Барбара Пим, теперь

заговорило о ней как о «своем авторе» и мгновенно переиздало все ее романы: «Превосходные женщины», «Ручная газель», «Джейн и Пруденс», «Совсем не ангелы», «Сосуд, полный благословений», «Любовь не возвращается». Однако Барбара Пим не захотела остаться «автором „Кейпа“»: перед ней гостеприимно распахнуло двери старейшее, освященное традициями английское издательство «Макмиллан», где и были опубликованы ее новые романы: «Осенний квартет», «Голубка умерла», «Несколько зеленых листьев». «Макмиллан» и после смерти писательницы продолжает публиковать ее незаконченные произведения: «Неподходящая привязанность», «Академические проблемы» и другие.

Нельзя сказать, что эти извлеченные на свет божий рукописи, которые теперь редакторы почитают за честь «причесать», равноценны лучшему, что было создано Барбарой Пим — ее романам «Превосходные женщины», «Сосуд, полный благословений», «Осенний квартет», «Несколько зеленых листьев». Недавно опубликованный роман «Академические проблемы», даже при самом благосклонном и снисходительном отношении, трудно назвать удачей Барбары Пим.

«Университетский роман» не тот жанр, в кото-

ром Барбара Пим чувствовала себя уверенно. Она дважды откладывала работу над книгой, вероятно, понимая, что тема не по ней и она вряд ли сможет сказать новое слово о жизни провинциального университета. Трудно сказать, хорошую или, напротив, плохую услугу оказала Барбаре Пим ее редактор Хейзел Холт, которая «довела» роман и даже придумала ему заглавие.

Но тем загадочнее интерес к этой книге: все ведущие английские газеты и журналы откликнулись рецензиями, преимущественно хвалебными. Сдержанные суждения потонули в хоре восторженных восклицаний: «Еще одна настоящая Барбара Пим. Еще одна встреча с современной Джейн Остен».

Вот этот интерес ко всему, что выходит из-под пера Барбары Пим — будь то шедевр типа «Осеннего квартета» или только заготовка будущей вещи, как «Академические вопросы», — и заслуживает отдельного разговора. Показательно, что популярность Барбары Пим переросла границы Великобритании. В Соединенных Штатах, где еще недавно при одном упоминании Барбары Пим губы складывались в презрительную гримасу, где ее окрестили «стопроцентной английской писательницей», подразумевая под этим, что она

слишком чопорна и сдержанна в изображении интимной жизни героев, теперь ее издают огромными тиражами, называют «выразительницей английского духа», пишут диссертации, посвящают ей критические исследования, в которых иногда приписывают Барбаре Пим достоинства, которыми она не обладает. Трудно согласиться с Робертом Эмметом Лонгом, американским литературоведом, автором недавно вышедшей солидной монографии о Барбаре Пим, когда он заявляет, что на страницах ее книг запечатлена жизнь английского общества XX века.

Хотя соперничать с американским размахом непросто, не отстают и англичане. Фотографы и корреспонденты осаждают тихий домик Барбары Пим в Оксфордшире и требуют от сестры писательницы интервью, новых, свежих сведений. В Оксфорде проведена весьма представительная конференция по творчеству Барбары Пим, в которой участвовали видные филологи страны. Подготовлена к печати солидная библиография, насчитывающая более 1000 записей. И это при том, что прижизненная слава Барбары Пим была столь кратковременна — всего три года.

Вряд ли в истории Барбары Пим повинны только капризы моды. Интерес к ее творчеству,

безусловно, знак более серьезных процессов, происходящих не только в английской и американской литературах, но и в социологии и психологии.

Можно было бы объяснить взлет интереса к творчеству Барбары Пим особенной популярностью в последнее десятилетие «женской литературы». Причем в данном случае это понятие пришлось бы трактовать широко, не сводя его только к творчеству писательниц-феминисток, отстаивающих право женщин на равенство с мужчинами.

Английская литература издавна славится своими женщинами-писательницами. В свое время Вирджиния Вулф, критик тонкий и проницательный, посвятила английским женщинам замечательное эссе «Своя комната», в котором показала, что в английской словесности испокон века существовала традиция особого женского творчества: Мери Шелли, «несравненная Джейн», как назвал Вальтер Скотт автора «Гордости и предубеждения» Джейн Остен, сестры Бронте — Шарлотта, Эмили и Энн, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот, Вирджиния Вулф. Не оскудел женскими писательскими именами и XX век — Мюриэл Спарк, Айрис Мердок, Дорис Лессинг,

Оливия Мэннинг, Сьюзен Хилл, Маргарет Дрэббл, Фэй Уэлдон, Верил Бейнбридж, Агата Кристи. Это таланты разные, самобытные, а некоторые, например Мюриэл Спарк, вписали своим творчеством значительную страницу в историю не только английской словесности, но и мировой.

Барбара Пим непохожа на Мюриэл Спарк. Она не обладает метафизическим взглядом на мир, присущим этой писательнице, не свойственна ей и убийственная, разящая наповал сатира и ирония Мюриэл Спарк. Нет у Барбары Пим безжалостной логики и непроницаемой отстраненности Фэй Уэлдон; усложненный философичный мир романов Айрис Мердок также ей далек.

«Компания» Барбары Пим иная. Ее «сестры по перу» — Анита Брукнер, Пенелопа Фицджеральд, Пенелопа Лайвли, отчасти Сьюзен Хилл, особенно когда она выступает автором романа-пастиша «Женщина в черном». Иными словами, те писательницы, которые в своем творчестве «реанимируют» викторианскую прозу, хотя многим недавно казалось, что по ней давно уже справили поминки. Но реальность упрямо доказывает, что эта литература и, главное, традиция классического искусства XIX века живы, более того, с каждым годом вербуют в свои ряды все

новых и новых приверженцев.

Начиная с 70-х годов английскую литературу захлестнул невиданный до того интерес к XIX веку. Сколько сил потратила в 20-е годы Вирджиния Вулф, чтобы доказать, что Арнольд Беннетт — никудышный бытописатель, что тайны человеческой психологии ему недоступны. Однако Маргарет Дрэббл, по своим идейным убеждениям феминистка, не раз в своем творчестве восставшая против ригоризма викторианской морали, в 70-е годы пишет обстоятельную монографию о Беннетте, восторгается его мастерством и предлагает современным романистам учиться у Арнольда Беннетта умению воскрешать на страницах книг жизнь в богатстве деталей и подробностей. Дрэббл не исключение: Чарльз Перси Сноу предлагает в надежные учителя Энтони Троллопа, Энгус Уилсон — Редьярда Киплинга, и все они вместе не устают повторять — учитесь описывать жизнь у Джейн Остен.

Интерес к XIX веку, не только к его литературе, но и к быту, морали, психологии, получил определение «викторианского возрождения». Оно условно: жизнь и творчество Джейн Остен хронологически не укладывается в рамки викторианского периода. Но дело, конечно же, не в

точности дат, а в сути.

Только тот, у кого сердце из камня, иронизировал Оскар Уайльд, будет лить слезы над маленькой Нелл из «Лавки древностей». Сколько раз в начале века да и после второй мировой войны повторялось это суждение великого парадоксалиста. С каким презрением говорили о Голсуорси и его «Саге о Форсайтах». Однако сейчас Диккенс вновь любим и почитаем, а английский телефильм по роману «Сага о Форсайтах» стал первой ласточкой «викторианского возрождения».

К полному недоумению социологов, психологов, кинокритиков, литературоведов этот многосерийный фильм вызвал к себе бурный интерес. В те дни, когда по британскому телевидению демонстрировалась очередная серия «Саги о Форсайтах», английские кинотеатры, зазывно предлагающие фильмы ужасов, порнопродукцию, детективы и вообще всяческую массовую дребедень пустовали. Загадка да и только, разводили руками специалисты.

Впрочем, недоумевать могли и их американские коллеги, столкнувшиеся с необъяснимым успехом книги Эрика Сигала «История любви». Безусловно, нельзя поставить на одну доску знаменитый роман Голсуорси и книгу, о которой

уже через десять лет будут помнить только специалисты. Но они, как это ни парадоксально, знаки одного и того же явления в культуре и социологии.

История двух молодых людей, их любви, смерти молодой женщины от лейкемии, история достаточно банальная, написанная без модного в американской литературе натурализма, напротив, с неприкрытым пафосом, тронула сердца миллионов американцев. Среди них были не только средние читатели и зрители, падкие на сенсацию, — над книгой Эрика Сигала рыдали искушенные и прожженные главы видных американских издательств. Получается, что и в Америке есть свое «викторианское возрождение», а если внимательно приглядеться к литературе других стран, то черты или ростки явления, для обозначения которого, наверное, наиболее подходит понятие «ретро», обнаружатся и там.

Энгус Уилсон, известный романист, литературовед, автор изданной в нашей стране монографии «Мир Чарльза Диккенса», считает, что «викторианское возрождение» — форма эскепизма, стремление уйти от социальных и технологических потрясений наших дней. Читатели ищут в книгах Троллопа и Джейн Остен

«крепость моральных устоев, которая сегодня утрачена». «Я читаю романы XIX века, — пишет Маргарет Дрэббл, — потому что ощущаю в них широту и правдивость, порожденные самой жизнью. В них есть длинноты, но этих длиннот очень много и в самой жизни, и викторианцы — Джордж Элиот, миссис Гаскелл, Диккенс, а позже такой социальный романист, как Арнольд Беннетт, — привлекают меня именно сочетанием скуки и драматизма — тем самым, что составляет удел каждого обыкновенного человека... Мы восхищаемся в викторианцах тем, что сами утратили...»[2]

На гребне этого интереса и была «открыта» Барбара Пим.

Биография Барбары Пим столь же скупа событиями, как бедны происшествиями ее книги. Мэри Крэмптон — таково настоящее имя писательницы — родилась в 1913 году в Оксфордшире. Мать — помощница органиста в местной церкви; об отце известно меньше. Возможно, он был видным государственным служащим, но что заставило его сменить оффис на церковный хор, где он пел

[2] Примечания: 2

Цит. по кн.: *Ивашева В.* Английский реалистический роман XIX в. в его современном звучании. М., 1974, с. 12.

до конца своих дней, сказать трудно. Мэри Крэмптон и ее сестра Хилари избегали разговоров на эту тему.

Детство Мэри Крэмптон, прошедшее в патриархальной среде приходских священников, среди размеренных, неспешных чаепитий, благотворительных базаров, скромных, но исполненных достоинства церковных служб, в дружной, любящей семье, было счастливым и спокойным. Детские впечатления оказались очень стойкими: почти в каждой книге действие происходит в каком-нибудь провинциальном городке или деревушке Оксфордшира, а среди главных героев — почти всегда приходский священник.

В 1931 году Мэри Крэмптон поступила в Оксфорд, где занялась изучением английской литературы. Примерной студенткой она никогда не была, тем не менее университет дал ей вполне основательные знания, а главное — привил любовь к поэзии. Среди любимых авторов Барбары Пим — Шекспир, Мильтон, Поп, Ките, Вордсворт, Харди. Литературное, гуманитарное образование писательницы чувствуется уже в первом ее романе «Ручная газель», который был начат в 30-е годы в Оксфорде, а опубликован лишь в 1950-е годы. Цитаты, литературные аллюзии, парафразы

известных сюжетов — все это в изобилии, хотя и ненавязчиво, присутствует в прозе Барбары Пим.

Оксфордский период, по воспоминаниям Барбары Пим, был самым радостным в ее жизни. Впереди было еще столько надежд, интересных, обещающих встреч. Разочарование, грусть, болезни, одиночество, о которых с таким проникновением, в значительной степени основываясь на своем опыте, позже напишет Барбара Пим, казались пока что страницами чужой судьбы. Первой горькой страницей в ее собственной судьбе стало расставание с любимым человеком на последнем курсе университета, разлуку с которым, как показало время, она так никогда и не смогла пережить.

Начинается война. Несмотря на протесты близких, Барбара Пим записывается в ряды женской вспомогательной службы Военно-морских сил Великобритании. Просит отправить ее подальше от Англии, в Италию, надеясь, что там, вдалеке от дома, сумеет излечиться от грустных воспоминаний. Но все же тоска по родным местам пересиливает, и она возвращается в Лондон. Остальные военные годы она проработала цензором по ведомству гражданской переписки. Назвать это занятие увлекательным трудно, но

Барбаре Пим оно явно пошло на пользу. Обычная, тоскливо-безрадостная, будничная жизнь, смешная и жалкая, но и по-настоящему драматичная, лежала перед Барбарой Пим во всей ее обнаженности на страницах писем, которые она была обязана инспектировать и из которых почерпнула богатейший материал для своих будущих произведений. «Ведь правда диковинней вымысла», — эту пословицу любила повторять Барбара Пим.

Начиная с 1945 года Мэри Крэмптон — заместитель главного редактора солидного социологического журнала «Африка». С журналом связан наиболее долгий период ее жизни — вплоть до 1971 года, когда после тяжелой онкологической операции она была вынуждена уйти на пенсию.

Однажды Барбару Пим спросили, не мешала ли работа в журнале ее творчеству. «Нисколько, — уверенно ответила она. — И дело не только в том, что многолетнее общение с социологами помогло написать один из моих самых забавных романов „Совсем не ангелы“. Действие в нем как раз происходит в социологическом институте, похожем на тот, при котором существовал мой журнал. Среда это особая. Социология привлекает меня еще и потому, что по своим задачам она удиви-

тельно похожа на писательское ремесло — то же внимательное вглядывание в жизнь, неспешное изучение быта, нравов, характеров людей, та же неторопливость с выводами. Конечно, писатель свободнее социолога — в его распоряжении замечательный дар — воображение. Тогда как социолог — только ученый».

Последние годы жизни Барбара Пим провела вместе с сестрой в Оксфордшире. Здесь в одно прекрасное утро она узнала, что знаменита и что все английские издательства жаждут ее новых произведений. Правда, еще она знала, что смертельно больна, что дни ее сочтены. Переносила она свой недуг стоически и даже посмеивалась над своим плачевным состоянием: «Если бы у меня когда-нибудь были дети, я бы их назвала Терпение и Мужество. Довольно мрачная парочка». Конечно, успех вдохнул в нее силы. Но роман «Несколько зеленых листьев», вторая книга Барбары Пим, с которой познакомится наш читатель[3], вышел уже посмертно.

После 1977 года о Барбаре Пим писали немало. Постепенно, благодаря усилиям критиков и литературоведов, у английского читателя сло-

[3] Примечания: 3

В 1981 г. в издательстве «Прогресс» вышел роман Барбары Пим «Осенний квартет» в переводе Н. А. Волжиной.

жился образ автора «Превосходных женщин» и «Осеннего квартета» — суховатая, чопорная, ироничная, желчная старая дева, наделенная какой-то поистине фантастической способностью все подмечать, удалившаяся от мира и наблюдающая из своего уединения за слабостями и пороками человеческой натуры.

Такой образ кочевал из статьи в статью до 1984 года, иными словами, до того времени, когда сестра писательницы Хилари после долгих колебаний и раздумий решилась опубликовать письма, дневники и записные книжки Барбары Пим. В первую очередь ею руководило желание хотя бы до некоторой степени разрушить легенду о чопорной старой деве-затворнице из Оксфордшира.

Истины ради надо сказать, что этот миф был создан не без стараний самой Барбары Пим. Еще в 1940 году Мэри Крэмптон пришла в голову забавная мысль — а почему бы не придумать себе маску, не раздвоиться, как раздваивается, скажем, герой знаменитой повести Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»? И вот в ее письмах — а она была отменной корреспонденткой, как викторианские писательницы XIX века, — она нередко прини-

малась вести рассказ от лица ужасной зануды и злыдни Барбары Пим. Когда же стала печататься, то решила, что Барбара Пим не такой уж плохой псевдоним.

Подобная игра, конечно же, не только шалости пера, но знак того, что автор ищет особую, неодномерную, емкую повествовательную манеру. За маской, точнее за дюжиной масок, скрывался в свое время Уильям Мейкпис Теккерей. То он был пошловатым лакеем из богатого дома, то болтуном и вралем Фицбудлом, то недалеким полицейским, то честным и простодушным художником Микель Анджело Титмаршем, то Кукольником, дергающим своих марионеток за веревочки. Сам же он был каждым из своих повествователей и одновременно никем до конца. При такой игре возникает отстранение, ироническая дистанция, существующая между автором и повествователем, автором и героем; у писателя больше возможностей избежать прямолинейных лобовых оценок — открыто не сострадать и открыто не осуждать, но, всматриваясь в разнообразие типов, характеров, ситуаций, быть терпимым и понимающим.

Теперь, после публикации дневников, писем, записных книжек, мы знаем, что существуют

две Барбары Пим. Настоящую знали немногие — близкие, в первую очередь сестра, сотрудники по журналу «Африка», поэт Филип Ларкин, не только поклонник ее таланта, но и верный друг, ее давний корреспондент.

«Не надо думать, — говорит сестра писательницы, — будто Барбара Пим была тихоней, скромницей, словом, походила на благовоспитанную дочь приходского священника, которая проводит дни, предаваясь увлекательному занятию вышивкой». Барбара Пим, продолжает Хилари, страстно любила жизнь, хотя та ее не слишком баловала — личные трагедии, долгие годы непризнания, тяжелая болезнь. В молодости она была все время кем-то увлечена, любила наряды и понимала в них толк, любила путешествовать. Другое дело, что разочарование постепенно вытеснило надежды. Но даже в трудные времена ей не изменяло чувство юмора — поистине неисчерпаемое. Пим была настоящей труженицей: она с равным увлечением редактировала социологические тексты и работала над своими романами. Хотя в 1961 году она во всеуслышание объявила, что не напишет больше ни строчки, конечно же, она втайне от всех писала.

Огромный архив Барбары Пим после ее смерти

был передан в Бодлианскую библиотеку. Странно, но молодая, никому не ведомая Барбара Пим будто бы предчувствовала, что ее письма, дневники, записные книжки обретут пристанище в одном из старейших хранилищ страны. «Вот было бы замечательно, — писала она, — если бы мои письма, в том числе и любовные, осели бы в Бодлианской библиотеке и через тридцать лет можно было пойти и прочитать их».

Перечитать письма и дневники взялись сестра Барбары Пим, Хилари, и ее подруга и редактор Хейзел Холт, которые, сделав необходимые сокращения, подготовили их к печати.

Очень интересен и очень важен для понимания личности и творчества Барбары Пим ее дневник. Начала она его вести в 18 лет, еще в Оксфорде, последняя запись была сделана в больнице за несколько дней до смерти. Среди многочисленных писем выделяются адресованные Филипу Ларкину: в них она делится своими планами, обсуждает сюжеты романов, рассказывает о будущих героях. Но особенно глубокое впечатление производят 82 записные книжки с замыслами, набросками, бесчисленными зарисовками. Буквально воочию видишь, как Барбара Пим строила свои произведения, как отбирала материал для

диалогов, которые, в свою очередь, говорят о ее безупречном слухе — столь они естественны, бесхитростны и в то же время художественно совершенны. Если дневники и письма — автобиография писательницы, то записные книжки — ее творческая лаборатория.

По отдельным, вроде бы случайным, дневниковым записям можно составить представление — и довольно полное — об эстетических воззрениях Барбары Пим — специальных эстетических сочинений писательница не оставила. «Мои уважаемые критики, — писала она после выхода в свет романа „Осенний квартет“, — упрекают меня, что я излишне увлечена обыденным. А почему, собственно, нельзя быть этим увлеченной? Какие высокие проблемы занимают умы моих рецензентов? Не могу взять в толк, почему им не по душе мистер С. Вот он завтракает с аппетитом, орудуя ножом и вилкой, ест сандвич. Около него стоит стакан с молоком. Нет, я решительно не могу понять, почему об этом не надо писать, почему теперь эти темы считаются недостойными внимания?»

Читая дневники, лишний раз убеждаешься, какой страстный интерес вызывала у Барбары Пим жизнь: ей было важно узнать, как люди ведут

себя, как улыбаются, одеваются, ходят, острят. При этом ее занимал вопрос — а как изобразить эту «обыденность», сделать ее фактом искусства? «Очень важно, — замечает Барбара Пим, — описывая что-нибудь смешное, неприглядное или же невероятное в обычаях, обрядах, наконец, в образе жизни людей, не позволить себе хотя бы намеком выразить свое отношение к этому, а уж тем более неодобрение или досаду».

Из литературных жанров любимым для Барбары Пим был роман. Ему в 1978 году, уже после шумного успеха «Осеннего квартета», она посвятила статью с неожиданным, прямо-таки легкомысленным заглавием: «И вовсе не обязательно ждать до вечера». Вспоминая дни своей молодости, Барбара Пим пишет, что в начале века чтение романов по утрам считалось мало подходящим занятием для девушки из хорошей семьи. Другое дело — мемуары: из них можно почерпнуть немало знаний, особенно если герой какой-нибудь замечательный человек. Ну, а чему может научить роман? Роман — это чистое развлечение. Вечер, пора отдыха — вот время для чтения романов или же болезнь, когда ты прикован к постели и надо как-то убить время. «До сих пор, хотя моя молодость в далеком прошлом,

я чувствую неловкость, когда открываю роман утром. Вдруг кто-нибудь войдет и застанет меня за этим недозволенным занятием. Ну, а писать романы, — не без иронии спрашивает Барбара Пим, — можно по утрам?»

«Для меня, — продолжает уже серьезно Барбара Пим, — роман такое же средство познания жизни, как для ученого-социолога обобщение, сделанное на основе кропотливо собранных фактов. Романы помогают понять жизнь...» Но лучше всего о романе сказала в «Нортенгерском аббатстве» Джейн Остен: «...произведение, в котором выражены сильнейшие стороны человеческого ума, в котором проникновеннейшее знание человеческой природы, удачнейшая зарисовка ее образцов и живейшие проявления веселости преподнесены миру наиболее отточенным языком»[4]. Эти слова Джейн Остен, писательницы, столь высоко почитаемой Барбарой Пим, могли бы стать эпиграфом ко всему творчеству самой Барбары Пим.

Удивительно, что судьба — личная и творческая — этих писательниц, которых разделяет более, чем век, оказалась так похожа. Неудачная любовная история Джейн Остен, оставившая

---

[4] Примечания: 4
Перевод И. Маршака.

глубокий след на всей ее судьбе, одинокая жизнь подле сестры в провинции. В XIX веке мало кто знал о существовании писательницы. Что там обычные читатели — Диккенс и Теккерей не «заметили» автора «Гордости и предубеждения». Те же, кто обратил внимание, например Шарлотта Бронте, высказались довольно-таки сдержанно. В ее книгах, писала создательница «Джейн Эйр», все так размеренно, ходишь, будто по дорожкам парка, нет ни бурных страстей, ни волнующих душу сцен. Но зато после ее смерти, особенно в XX веке, Джейн Остен было воздано сполна. Близки они и по эстетическим взглядам. Как и Джейн Остен, Барбара Пим бралась писать только о том, что основательно знала. Ей была известна жизнь небольших английских городков и деревушек, и она, как Остен, всегда рассказывавшая в своих романах «о двух-трех семьях в провинции», упрямо держалась этой территории. Как-то один журналист, бравший интервью у Барбары Пим, спросил, почему она никогда не пишет о молодых людях, почему ее герои все больше старые девы. «Неужели Вам никогда не хотелось помериться силами с Маргарет Дрэббл или Дорис Лессинг?» — «Почему же, — ответила Барбара Пим, — хотелось, но опыта и нужных для этого знаний у меня

нет. Я могу писать о чувствах молодых людей 30–40-х годов, современного же поколения я не знаю. А вот чувства одиноких немолодых женщин, похожих на меня, мне понятны. Кто знает, не замолчи я на шестнадцать лет, — с горечью добавила она, — может быть, и я бы писала о молодых женщинах 60–70-х годов».

Отповедь Барбары Пим незадачливому журналисту вызывает в памяти ответ Джейн Остен принцу-регенту. Будущий король Англии, Георг IV, предложил Джейн Остен прославить царствующий дом в историческом сочинении. «Я должна придерживаться своего собственного стиля, — писала Остен, — и идти по собственному пути. Даже если я на этом пути никогда не достигну удачи, то твердо уверена в том, что, измени я самой себе, я была бы бессильна создать что-либо достойное внимания».

Читая книги Барбары Пим, понимаешь, что о своих героях она знает гораздо больше, чем написано. Для нее они близкие люди, и в их жизни ей важно все — привычки, манеры, причуды. Часто случайно оброненная фраза или поза говорят ей о характере и внутреннем мире человека больше, чем его поступки. Повествование у Барбары Пим, как и у Остен, подчеркнуто бесфабульно. В сущ-

ности, ничего не происходит. В лучшем случае герой или героиня примут участие в благотворительном базаре, или выступят с сообщением на заседании местного исторического общества, или нанесут визит давнему знакомому, поселившемуся поблизости, или отправятся на панихиду по умершей преподавательнице. Очень важен в этой прозе подтекст. Часто Барбара Пим предлагает читателю додумать то, что сознательно не договорила: что будет с ее героями, есть ли у них хотя бы малейшие надежды на счастье или почему все же их жизни не задались? Особое место отведено в ее поэтике заглавиям. Нередко это скрытые цитаты из любимых Барбарой Пим поэтов: «Совсем не ангелы» — строчка из Александра Попа, «Голубка умерла» — из Джона Китса, «Несколько зеленых листьев» — из Томаса Харди. Эти заглавия, невольно отсылающие читателя к более широкому литературному контексту, вводят в прозу Барбары Пим иронию, которая в творчестве этой писательницы столь же важна, как у ее великой предшественницы.

Тонкая ирония пронизывает всю прозу Барбары Пим. Впрочем, не слишком внимательный читатель может ее не заметить, но тогда многое в романах писательницы: психологическая глу-

бина, определенность нравственных критериев, этически проблематика — также ускользнут от его взгляда. Но вместе с ними пропадет и особое очарование этой изящной, очень человечной прозы, откроется лишь остов классической нравоописательной традиции, которая во все века процветала в английской словесности.

На страницах романа «Несколько зеленых листьев» возникает мир, хорошо знакомый по другим книгам Барбары Пим, — мир обездоленных, одиноких, эгоистичных людей. Ее герои настолько свыклись со своей долей, что даже в тех случаях, когда судьба предоставляет им благословенную возможность изменить ход их грустно текущей жизни, они не в состоянии решиться на такой шаг. Слишком опасен, слишком тлетворен яд психологической рутины, парализовавшей их души.

Именно о таком нравственном и психологическом состоянии души и ума последний роман Барбары Пим. Героиня, тридцатилетняя Эмма Ховик, личная жизнь которой не сложилась, приезжает в небольшой поселок, где живет ее мать. По профессии Эмма — социолог, собирается написать книгу о специфике характера и особенностях личности в провинции. Поселок и люди,

живущие в нем, открывают перед ней огромные возможности. Перед глазами Эммы проходит жизнь ректора, настоятеля местной церкви Томаса Дэгнелла, которого все, в том числе и его прихожане, зовут «бедный Том». «Бедный Том» рано овдовел, живет теперь с сестрой Дафной, безраздельно посвятившей себя уходу за братом. Сразу после похорон жены Тома Дафна появилась в огромном ректорском доме, взяла на себя заботы по хозяйству. Так она понимала свой сестринский долг. Но, кто знает, может быть, Том был бы счастливее, если бы не находился под опекой Дафны. Не исключено, что он, робкий, деликатный человек, пережив постигшую его утрату, все же женился бы, вместо того чтобы влачить свое существование с Дафной, которая в душе ненавидит и Тома, и его огромный дом, и весь этот уклад жизни еще больше от того, что сама добровольно взвалила на себя это родственное бремя.

В мыслях она постоянно устремляется в далекую Грецию, где каждый год отдыхает со своей подругой. Вот там экзотика, настоящая жизнь, не то что подле Тома, который занят, с ее точки зрения, совершенно бессмысленным делом — пытается обнаружить средневековое поселение и понять, почему в старые времена у местного

населения существовал обычай хоронить покойников в шерстяной одежде. Ненавязчиво в романе сопрягаются детали: жаркое солнце далекой Греции и холод могилы, от которого, конечно же, не спасет никакая шерстяная ткань. Детали, конечно, не случайные; они как бы высвечивают облики героев. Помешанная на жарком греческом солнце Дафна не в состоянии внести хотя бы каплю тепла в могильный холод дома Тома. А мертвецы, похороненные в шерстяной одежде, о которых постоянно думает Том, только усиливают холод и мрак, сопровождающие его одинокую жизнь.

Английская критика как-то назвала Барбару Пим «специалистом по одиночеству». Что и говорить, определение по-газетному хлесткое, но — справедливое. С удивительным проникновением пишет Барбара Пим об одиночестве, его разнообразных формах и всегда одной и той же сути, об обстоятельствах, которые привели ее героев и героинь к такому состоянию.

В романе «Осенний квартет» Барбара Пим писала о четырех одиноких судьбах, о людях, закосневших в этом, по сути своей противоестественном для человека, состоянии. Неверно было бы думать, что в одинокой судьбе виноваты

только ее герои. Хотя внешне проза Барбары Пим лишена выраженного социального звучания, судьбы ее персонажей нередко производное процессов, происходящих в обществе, и яркий пример того, какие проблемы стоят перед английским обществом «всеобщего благосостояния», в котором, как оказывается, нет места старикам, больным, обездоленным. Даже если у них приличная пенсия или их удается устроить в дома престарелых, внутренних проблем это не разрешает.

В романе «Несколько зеленых листьев» Барбара Пим пишет еще об одной разновидности одиночества — об одиночестве вдвоем. Чужие друг другу Эмма и ее мать Беатрис. Беатрис замечательно разбирается в английской литературе. Даже свою дочь она назвала в честь Эммы, героини одноименного романа Джейн Остен. Впрочем, сама законченная эгоистка, она не может себе представить, что выбрала персонаж, который вряд ли может стать образцом для ее Эммы. Впрочем, хотя об этом в романе ничего не сказано, возможно, что она воспитывала свою дочь с оглядкой на Эмму Джейн Остен и получила существо, столь же эгоистичное, как она сама и как классическая героиня Остен.

Эмма Вудхаус обаятельна, жива, остроумна, но она, сосредоточенная только на себе, никогда не задумывается над чувствами близких ей людей. Убеждение, что она родовитее, умнее, дальновиднее, чем многие ее подруги, породило в ней непоколебимую уверенность, что она может распоряжаться их судьбами. Эмму не слишком смущает, что ее советы не всегда приносят счастье, как не смущает и то, что она оказывается повинной в горестях своих подруг. Эмоциональная глухота — черта характера Эммы. По сравнению с героиней Джейн Остен современная Эмма, конечно, сильно проигрывает. Лишь поначалу кажется, что она так же собрана, знает, что хочет получить от жизни, как Эмма Вудхаус. Пороки и добродетели Эммы Джейн Остен куда более выражены, тогда как характер современной Эммы стерт. Ей не хватает активности, жизненной силы, задора, да и уверенности в себе у нее гораздо меньше.

Очень важно, что Эмма Ховик — социолог. Обращаясь к этой профессии, Барбара Пим преследует две задачи. Одна из них повествовательная: удобно и естественно передоверить рассказ человеку, который в силу своих профессиональных задатков и интересов будет наблюдать за про-

исходящим и тем самым как бы избавит саму писательницу от необходимости вести рассказ. С другой стороны, сколько же авторской иронии в том, что героиня — социолог. Известно, с каким почтением Барбара Пим всегда отзывалась об этой специальности, тогда как социолог Эмма Ховик производит жалковатое впечатление. Хотя профессия предполагает умение разбираться в людях, чувствовать их, Эмма лишена этих качеств. Напротив, она постоянно демонстрирует растерянность перед жизнью. В сущности, все ее знания сводятся к тому, что она умеет красиво накрыть на стол и сносно приготовить обед или, не нарушив приличий и не вызвав особенных кривотолков у местных жителей, навестить поселившегося неподалеку друга ее молодости, с которым у нее когда-то было что-то вроде романа. Но про «главное» в жизни она ничего не знает.

Эта растерянность свойственна практически всем персонажам романа, даже тем, кто на первый взгляд кажется устроенным и благополучным. Удивительную метаморфозу претерпел Адам Принс, в прошлом священник, ныне преуспевающий инспектор ресторанов и кафе. Оставив духовное поприще, он теперь с утра до вечера занят тем, что пробует пищу. Трудно себе

представить занятие более материальное и более бездуховное. Но зато как немногословно и как красноречиво показана эволюция и драма Адама Принса. Эта драма тем более пронзительна, что сам Принс, возможно, ее не ощущает, напротив, считает, что у него все в порядке.

Хотя задачи Барбары Пим в первую очередь нравственно-этические, на страницах ее книг и, в частности, романа «Несколько зеленых листьев» возникает довольно полная картина существования английского среднего класса, причем его разных прослоек — нижней (мисс Ли, мисс Гранди, миссис Дайер), средней (Том, Эмма), высшей (доктор Геллибранд, Петтифер). Снобизм, делячество, пошлость, мещанство — черты представителей этого разношерстного и многоликого английского сословия. Жена преуспевающего молодого доктора Шрабсоула своего ни в чем не упустит. Святого у нее ничего нет, но ближнего, если представится случай, обязательно обведет вокруг пальца. Ей, жене модного врача, тесно да и «непристижно» в маленьком домике, и потому всеми правдами-неправдами она будет добиваться ректорских покоев. О традициях, приличиях она слушать не желает и знает только один закон потребительской психологии: «Мне надо!»

Мартин Шрабсоул — врач. Но, как и в случае с Эммой, профессия становится средством иронического комментария характера. Мартин начитан, образован, разбирается в последних медицинских теориях, считает себя специалистом по гериатрии. Но, к сожалению, старики его интересуют сугубо профессионально; людей он в них не видит, да и помочь им он, в сущности, хочет лишь формально. Недаром так холодно и неуютно теще Мартина Шрабсоула. На что бы ей жаловаться — живет в семье, накормлена, зять заботится о ее здоровье, требует неукоснительного соблюдения диеты, подсчитывает количество потребляемых пожилой женщиной калорий и, если норма превышена, строго ей за это выговаривает. Вот от этой заботы и тошно. Хочется тепла, участия — ведь «не хлебом единым жив человек». Она помогает по хозяйству, вроде бы всем нужна в доме, но ощущение, что живет здесь из милости, не покидает ее.

Из милости живет у племянника в Лондоне и легендарная мисс Верикер, бывшая воспитательница девочек в поместье по соседству. В разговорах персонажи постоянно вспоминают мисс Верикер. Она — это целая безвозвратно ушедшая эпоха, она — символ благовоспитан-

ности, образец хороших манер и безупречного вкуса. Но вот в конце романа легендарная мисс Веникер появляется на сцене — жалкая, немощная, никому не нужная старуха. Чувствуя приближение смерти, она душой потянулась к местам своей молодости.

Близость смерти постоянно ощущается в романе. О смерти напоминает мавзолей, фамильная усыпальница хозяев поместья, правда давно заброшенная; действие нередко происходит на кладбище. Умирает одна из прихожанок Тома, умирает университетская наставница Эммы, умерла задолго до описываемых событий жена Тома, а он сам немало размышляет о похоронных обрядах прошлого. Смерть лишь усиливает ощущение конечного одиночества в романах Барбары Пим.

Одиночество, разобщенность героев передает и своеобразная форма романа. Повествование состоит из маленьких главок-зарисовок, в которых, как в сценарии, рассказывается о параллельно происходящих событиях в жизни различных персонажей книги: посещение врача, заседание исторического общества в доме ректора, приезд в поселок бывшего возлюбленного Эммы Грэма Петтифера, похороны, прогулки по лесу, бессмыс-

ленный завтрак Эммы с женой Грэма…

Не случайно в заглавие романа вынесен взятый из стихотворения Томаса Харди образ «зеленых листьев»:

> *Коль врата этой жизни бренной судьба сомкнет*
>
> *предо мной*
>
> *Майским днем, когда листьев зеленых свеж и*
>
> *прозрачен шелк,*
>
> *Шелестящих, как крылья. Простившись с красой*
>
> *земной,*
>
> *О себе я услышу: «Красоты почитатель умолк».*[5]

Жизнь героев Барбары Пим — это гонимый ветром лист, который с приходом осени — старости пожухнет и пожелтеет, — образ, встречавшийся уже и в других романах Барбары Пим.

Но в последней книге вслед за Харди Барбара Пим все же говорит о зеленых листьях, тем самым давая своим героям пусть слабую, но надежду на

---

[5] Примечания: 5
Перевод М. Макаровой.

перемену к лучшему. Роман кончается на мажорной ноте — есть основания полагать, что наконец Тому «блеснет любовь улыбкою прощальной», что в Эмме, перефразируя название одного из романов Барбары Пим, он найдет «подходящую привязанность».

В сочувствии и сострадании своим героям Барбара Пим столь же сдержанна, как и в своем осуждении и неприятии. Пафос, сентиментальность — всего этого нет в ее прозе. Но эмоциональная сдержанность только усиливает искренность сочувствия.

Ее закоренелые эгоисты, неудачники, старые девы — люди, и им, если воспользоваться эпиграфом к первому роману Барбары Пим «Ручная газель», «надо что-то любить». Ведь это их беда, что *кого-то* им не довелось полюбить или же любили они так недолго. Поэтому присмотр за цветами в церкви и на кладбище, полировка деревянной птицы на аналое, обеды, которые они готовят своим бывшим возлюбленным, становятся для них делом, и за него они цепляются, как за спасительную соломинку. Дафна мечтает завести собаку, Том с головой уходит в довольно бессмысленное историческое исследование. И все потому, что так они надеются заполнить пустоту

— ведь даже религия, для Тома скорее привычка, обязанность, не спасает и не утешает.

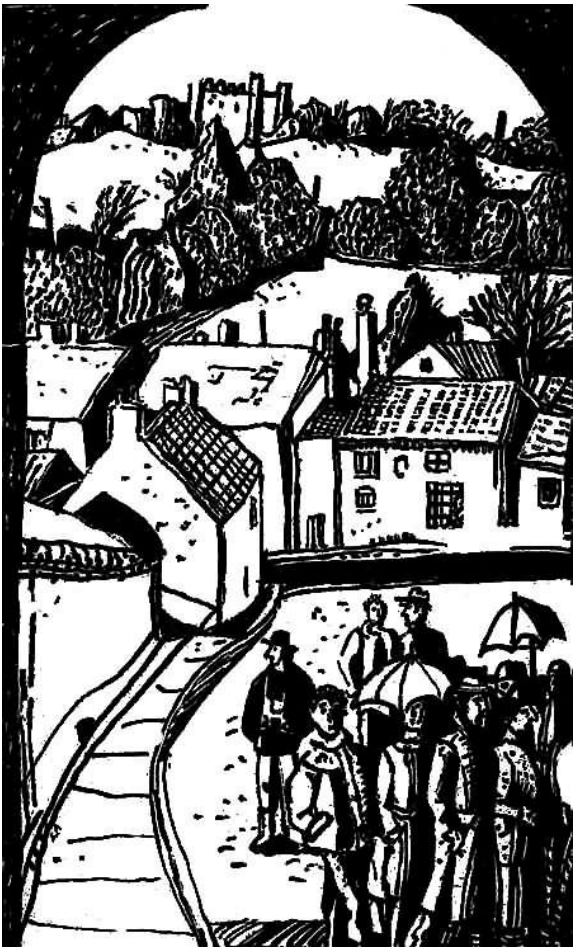
Барбара Пим пишет об обычных людях и обычных чувствах — любви, часто неудачной, ревности, нередко нелепой, одиночестве, к сожалению по большей части непреодолимом, о разочаровании, которое, как капкан, подстерегает ее героев уже в начале жизненного пути. Радости в ее мире немногочисленны, страданий немало, хотя подчас в них в первую очередь повинны сами герои — их эгоизм, черствость, душевная глухота.

Проза этой писательницы камерна, но «человеческая комедия» представлена в ней богатством типов, характеров, ситуаций. Рассказ ее правдив, естествен, ироничен; при этом она, как английские классики XIX века, ни на минуту не выпускает из поля зрения нравственный аспект бытия человека. И читатель невольно проникается искренней симпатией к этой внешне незамысловатой, но такой человечной прозе и, знакомясь с каждой новой книгой писательницы, появляющейся на русском языке, все отчетливее понимает секрет ее удивительного обаяния.

Е. Гениева

Несколько зеленых листьев (Роман)

Моей сестре Хилари и Роберту Лиделлу
посвящается этот рассказ,
в котором все персонажи вымышлены



Перевод Н. Емельянниковой (главы с первой по пятнадцатую)
Перевод Е. Осеневой (главы с шестнадцатой по тридцать первую)

1

В первое воскресенье после пасхи — называется оно, кажется, «фомино воскресенье», — местным жителям позволялось гулять в окружающих особняк рощах и парке. Эмма никак не могла решить, принять ей участие в этой прогулке или нет. Первые субботу и воскресенье после переезда в поселок она намеревалась провести не выходя из дома и из-за занавесок, укрытия, освященного веками, наблюдать, как ведут себя его обитатели. Но когда увидела, как возле бара собирается публика, одетая в твид и удобную обувь — у некоторых в руках были трости, — не удержалась от искушения присоединиться к ним.

Право на эту ежегодную прогулку было даровано в семнадцатом столетии, объяснил ей священник местного прихода Том Дэгнелл. Это был высокий, обладающий аскетически приятной внешностью человек, однако в его карих глазах отсутствовало то трогательно-собачье выражение, что так часто связывается с этим цветом. Поскольку он был вдовцом, то старался поменьше общаться с одинокими женщинами, но Эмма была дочерью его давнего друга

Беатрис Ховик и принадлежала к тому типу женщин, которые, по мнению дамских журналов, «начали пользоваться успехом», о чем Том, разумеется, и не подозревал. Он видел в ней лишь здравомыслящую тридцати с лишним лет особу, темноволосую, худенькую, с кем, наверное, можно поделиться мыслями о местной истории, предмете его глубокого интереса и страсти. Кроме того, она совсем недавно поселилась в принадлежащем ее матери доме, и он, как местный ректор, счел своей прямой обязанностью проявить к ней особое внимание.

— Деревенские жители до сих пор имеют право «собирать хворост для растопки собственных печей», как было сформулировано в старинном указе, но в наши дни они почему-то не проявляют энтузиазма на сей счет, — усмехнулся он.

— У большинства в домах центральное отопление, либо, когда становится холодно, включаются электрокамины, — сказала старшая сестра ректора Дафна, женщина пятидесяти пяти лет с красновато-обветренной кожей лица и седыми растрепанными волосами. Произнесла она эти слова со значением, ибо в доме приходского священника не было центрального отопления, но не только поэтому ежегодная поездка в Грецию

была наиболее привлекательным времяпровождением в ее жизни. Она догнала Эмму и брата и принялась расспрашивать Эмму, хорошо ли та устроилась и нравится ли ей сельская жизнь. Эмма сказала, что на эти вопросы пока трудно ответить.

Позади них шагал светловолосый, похожий на плюшевого медвежонка, с доброжелательным выражением на лице Мартин Шрабсоул, младший в медицинском тандеме, возглавляемом старым доктором Геллибрандом, который уже не участвовал в таких мероприятиях, как прогулка по окрестностям, хотя часто рекомендовал их своим пациентам. Жена Мартина Эвис шла на несколько шагов впереди него, что было, по мнению некоторых, весьма характерно для их брака. Высокая интересная молодая женщина, она посвятила себя общественной деятельности, любила делать добро и даже сейчас решительно расправлялась палкой с лезущими на тропинку сорняками.

— Дороге полагается быть чистой, — горячо уверяла она. — А она вот-вот зарастет крапивой.

— Крапива, между прочим, весьма полезна, — возразила мисс Оливия Ли, одна из самых давних жительниц поселка, о чем она не уставала на-

поминать, заставших прежние времена, когда в усадьбе обитала еще семья де Тэнкервиллов и гувернанткой у девочек была мисс Верикер. С тех пор поместье несколько раз переходило из рук в руки, а поскольку его нынешний владелец почти не имел влияния на жизнь в поселке, то, естественно, интерес к усадьбе был сосредоточен на прошлом.

— Крапива? Пожалуй, да, — учтиво обернулась к ней Эмма. Ей еще не довелось разговаривать с мисс Ли, она только слышала, как та пела в церкви; голос ее то взвивался, то падал, ухая на манер совы или какой-нибудь другой ночной птицы. — Если ее сварить, наверное, она похожа на шпинат, да? — неуверенно добавила она: какие еще сюрпризы преподнесет ей жизнь в провинции? — О, это и есть усадьба? — Она остановилась и принялась разглядывать вдруг открывшееся взору строение из серого камня. В окнах не было ни малейшего признака жизни, а ей так хотелось увидеть что-нибудь, принадлежащее владельцам, пусть хоть вывешенное для просушки белье. Но окна были неприветливы, как закрытые глаза.

— Сэр Майлс в отсутствии, — объяснил Том. — Он обычно старается не бывать здесь во время

ежегодной прогулки. Во всяком случае, он больше интересуется охотой.

— Он избегает нас? — поразилась Эмма.

— Ну, не нас лично, но ведь сюда скоро явится толпа деревенских, они тоже приходят гулять.

В эту минуту на террасе возникла фигура, но это был всего лишь мистер Суэйн, управляющий, который явно обрадовался, различив в группе гуляющих таких чрезвычайно уважаемых людей да еще в сопровождении приходского священника и одного из врачей, которые ни в коем случае не сделают шага дальше; чем положено, и не позволят себе ничего лишнего.

— Отличный день для прогулки, — крикнул Том.

— Еще бы, ведь пасха нынче была поздней, — откликнулся мистер Суэйн таким тоном, словно поздний приход пасхи был заслугой Тома, а может и на самом деле думая, что Том волен устанавливать дату праздника.

— Чудесные у вас нарциссы в этом году, — заметила мисс Ли тоже таким тоном, словно дар природы был заслугой управляющего.

— Да, нам, пожалуй, есть, чем гордиться, — согласился мистер Суэйн.

Эмма бросила на цветы беглый взгляд. Ей на-

чали надоедать нарциссы. Вордсвортовским восхищением перед ними злоупотребляют, казалось ей; мало того что ими набиты битком сады при коттеджах, теперь целые полчища желтых цветов атаковали рощи и парки. Куда больше по душе ей был зимний пейзаж, когда в рощах были лишь застывшие силуэты деревьев с облетевшей листвой… Но тут ход ее мыслей перебила сестра ректора:

— Человек живет в надежде на встречу с грядущей весной, — мечтательно произнесла Дафна. — А это что, фиалки? — И она указала на какой-то скрученный фиолетовый комочек на земле, но оказалось, как тотчас рассмотрел Том, что это не редкий весенний цветок, даже не самая скромнейшая из фиалок, а выброшенная кем-то обертка от шоколада.

— Зато в наших рощах скоро появятся колокольчики, ради них тоже стоит пережить зиму, — продолжала Дафна. Крик осла ранним утром напомнил ей Дельфы и стук копытцев по булыжной мостовой, вот она и шла в мечтах о Метеоре, Пелопонессе и дальних греческих островах, еще ею неизведанных.

Этот душевный всплеск побудил молодого доктора Шрабсоула отстать от нее в надежде, что

она не заметит его исчезновения. Хотя он был по натуре человеком добрым, особенно к людям пожилого возраста и старикам, его интерес к ним был исключительно профессиональным. Ему нравилось измерять кровяное давление, и даже сейчас он испытывал желание опробовать на группе пожилых дам, окружавших местного ректора, действие своего сфигмоманометра, но зато ко всему прочему в их жизни он был совершенно равнодушен. Он был убежден, что лекарства, предназначенные для нормализации кровяного давления, должны также предупреждать эмоциональные вспышки и те пароксизмы молодости, которым, к сожалению, все еще подвержены увядшие сердца тех, кто приближается к старости. Высказывание Дафны, что стоит жить ради встречи с грядущей весной, вывело его из равновесия и заставило по примеру жены поднять свою трость на сорняки, словно физическое усилие могло каким-то образом помочь Дафне сдерживать свои чувства.

— Эта тропинка — достояние общественности, и ей полагается быть чистой, — повторила Эвис. — А что это за нагромождение камней?

— Скорее всего, ОСП, остатки средневекового поселения, — объяснил Том. — Насколько извест-

но, оно было где-то здесь.

Эмма задумалась над термином «ОСП», который напомнил ей о мясных субпродуктах, купленных ею в супермаркете как-то раз, когда она переживала период жестокой экономии. ОМС, отечественные мясные субпродукты, вроде так? Она улыбнулась, но обнародовать свои ассоциации не решилась.

— Между прочим, и этот кустарник нуждается в расчистке, — заметила мисс Ли.

— Несомненно. Виноват, — добавил Том, как будто помешать его росту было в его власти, — но именно этот кустарник как раз признак того, что в древности здесь существовало поселение.

Присутствующие переварили это сообщение в полном молчании. Они уже отошли от особняка на некоторое расстояние и теперь шагали мимо чего-то похожего на полуразрушенную сторожку. Домик весь зарос кустарником и явно требовал ухода, но Эмме казалось, что он вполне пригоден для жилья. От него веяло той романтикой, которой начисто был лишен особняк. Она принялась расспрашивать про сторожку, но никто не мог ей ответить ничего вразумительного.

— Может, кто-нибудь из этих людей знает? — наивно спросила она, когда звуки транзистора

возвестили о появлении в лесу группы деревенских жителей.

— Сомневаюсь, — засмеялся Том, испытывая радость, даже ликование при одной только мысли о том, что они используют право войти на территорию парка и рощи, как, должно быть, это делалось еще в семнадцатом веке. Мешало только бессмысленное бормотание радио, которое его владелец не счел нужным выключить. Он сказал об этом Эмме, и она согласилась с ним: приятно убедиться, что дарованная когда-то привилегия по-прежнему сохраняется. Правда, она заметила, что различие между происходящим сейчас и эпохой трехсотлетней давности не только в радио. Бросалось в глаза, что вся молодежь была в джинсах, а люди постарше одеты в более новую, более модную и яркую одежду, нежели ректор и его группа.

Обмен приветствиями состоялся, так сказать, на равных. Том не сделал попытки завязать разговор о здоровье родственников, детей, внуков и скота, как этого можно было ожидать от владельца поместья или его собственных предшественников. Он заметил среди деревенских миссис Дайер, женщину, которая приходила убирать у них в доме, и ее присутствие подавило

в нем всякое желание завязать беседу. Он знал, что лишь немногие из них придут на вечернюю службу. Из его собственной группы в этот вечер он мог рассчитывать лишь на свою сестру, мисс Ли и, возможно, мисс Флавию Гранди, женщину несколько моложе, чем мисс Ли, то есть возраста, так сказать, неопределенного. Мисс Ли и она жили вместе в одном доме. Но Том подозревал, что мисс Гранди предпочитает скромной сельской службе — а это было все, что он мог предложить, — торжественное богослужение в соборе. Молодой доктор и его жена редко ходили в церковь, а Эмма, хоть она однажды из любопытства и побывала там, была непредсказуема. Ее мать говорила ему, что Эмма занимается наукой и приехала в поселок подвести итог каких-то изысканий. Даже если она и не явится на вечернюю службу, подумал он, она может оказаться полезной в чем-нибудь еще. Вполне возможно, она хорошо печатает, хотя он вряд ли осмелится обратиться к ней с подобной просьбой, а то и сумеет расшифровать рукопись елизаветинской эпохи, на что не была способна ни одна из жаждущих оказать ему помощь дам.

2

После прогулки Эмма вернулась в «Дом малиновки», названный так бывшим его владельцем, потому что однажды, когда он вскапывал грядку для посадки овощей, откуда ни возьмись, прилетела малиновка и села на черенок лопаты. Теперь дом принадлежал матери Эммы Беатрис, которая преподавала английскую литературу в женском колледже, специализируясь по роману восемнадцатого и девятнадцатого веков. Этим, вероятно, и объяснялось, почему она дала дочери имя Эмма, ибо Беатрис казалось несправедливым назвать ее Эмили, именем, вызывавшим ассоциацию скорее со служанками ее бабушки, нежели с автором «Грозового перевала»[6]. Поэтому она предпочла имя Эмма, быть может, в надежде, что некоторые черты героини одноименного романа передадутся ее тезке. Пока Эмма не оправдала материнских ожиданий, но стала — одному богу известно почему — социологом. Она не вышла замуж и даже не заимела какой-либо постоянной привязанности. Беатрис хотелось бы, чтобы

---

[6] Примечания: 6
Имеется в виду английская писательница Эмили Бронте (1818–1848).

Эмма обзавелась семьей — это было бы весьма кстати, — хотя она сама отнюдь не придавала большого значения пребыванию в браке. Ее собственный муж — отец Эммы — погиб на войне, и, выполнив, так сказать, обязанности женщины, Беатрис с чистой совестью вернулась к своей преподавательской деятельности.

Эмма же, если и задумывалась когда-нибудь над своим именем, вспоминала не героиню Джейн Остен, а скорей первую жену Томаса Харди — женщину, в жизни которой ощущалась некая неудовлетворенность. А сейчас она налила себе чашку чая, думая, что должна была бы пригласить в гости ректора с сестрой. Но тут же вспомнила, что у нее нет никакого торта, есть лишь остатки довольно черствой булки и, кроме того, ректору еще предстоит вечерняя служба. Она знала расписание служб и один раз побывала в местной церкви, но пока регулярно ходить туда не собиралась. Все в свое время, сначала она постарается изучить провинциальную жизнь, «определить», какой материал сумеет здесь собрать. Ей еще предстоит продолжить обработку сведений, собранных до переезда в поселок и имеющих отношение к восприятию того, с чем сталкиваешься в новом городе. Здесь же, в этом

почти идиллическом мире чуть подернутого мягкой дымкой ландшафта, таинственных рощ и старинных каменных строений, она сможет отгородиться от суровой действительности своих прежних заметок, а то и обрести вдохновение для изучения чего-то нового и необычного.

Довольно скоро, ибо она так и не приступила к работе, Эмма начала думать об ужине. Интересно, что едят люди в этом поселке? Воскресный ужин, разумеется, должен быть менее обильным, чем обычная будничная трапеза, когда мужья возвращаются домой с работы. Картофельная запеканка с мясом, состряпанная из оставшейся от воскресного обеда говядины, превратится в доме приходского священника, фантазировала она, в некоторое подобие муссаки, если принять во внимание страстную привязанность Дафны к Греции. В других домах достанут из морозильников полуфабрикаты или куски мяса, а то и просто воспользуются купленными в супермаркете готовыми ужинами в алюминиевых судках с заманчивыми названиями и яркими привлекательными картинками на крышках. Кое-где подадут рыбу, ибо довольно часто по улицам проезжает человек, торгуя прямо из машины свежей рыбой и напоминая о добром старом времени,

когда по пятницам многие, по крайней мере в солидных домах, ели рыбу. Жили ли когда-нибудь здесь католики? Еще есть люди одинокие, вроде нее, которые довольствуются куском сыра или открывают баночку каких-нибудь консервов.

Придется сделать омлет — блюдо, которое способна изготовить любая женщина, но в этот вечер даже омлет у Эммы не получился как следует: то ли яйца мало взбиты, то ли воды недостаточно, одним словом, что-то не так. Но ей хотелось есть, а не выискивать причину неудачи. Ни к чему, особенно когда живешь одна, быть чересчур привередливой, как, например, Адам Принс из дома напротив, который повсюду ездил, выполняя работу «инспектора» для гастрономического журнала, и целые дни проводил за едой, пробуя, проверяя, критикуя (особенно критикуя), взвешивая и почти всегда выявляя недовес. Беатрис сообщила Эмме, что до его нынешнего занятия он был англиканским священником, а потом, по ее словам, «переметнулся к римлянам», но в подробности вдаваться не стала. Сейчас он опять куда-то уехал, ибо Эмма заметила на хитроумно прикрепленной к дверям планке из пластика, на которой он обычно писал, сколько молока ему требуется, подробные инструкции молоч-

нику, когда следует снова доставлять молочные продукты.

К омлету Эмма налила стакан красного вина из уже початой бутылки, которая, начиная с вечера в пятницу, грелась возле калорифера. Адам Принс ни в коем случае не одобрил бы этого, не сомневалась она, но испытывала, пока пила и ела, умиротворение и спокойствие. Пора включить телевизор и бездумно наблюдать за тем, что происходит на экране.

По-видимому, шла какая-то дискуссия: двое мужчин и женщина нападали на политического деятеля из какой-то африканской республики, черное лицо которого было сердитым. Спор разгорелся вовсю, потому что его участники тревожно заерзали в своих чересчур низких креслах и потянулись к еще более низкому столику с намерением освежиться каким-то напитком — возможно, это была всего лишь вода — из приземистых стаканов темного стекла. Кресла были, по-видимому, обиты каким-то пушистым материалом, который Эмма, смотревшая черно-белый телевизор, приняла за шкуру тюленя или выдры. Она была очарована этим и заворожена запутанностью дискуссии, за которой ей нелегко было следить, поскольку она включилась в самый ее

разгар. Председательствующий, кроткий человек, испытывающий, по всей вероятности, трепет перед злоязыкой участницей спора, старался изо всех сил, чтобы каждый из мужчин получил, так сказать, по крепкому удару кнутом. Но только когда Эмма услышала, как он, обращаясь к одному из участников, назвал его «доктором Петтифером», она сообразила, что это Грэм Петтифер, с которым у нее когда-то был мимолетный роман. Сказать, что он был ее любовником, было бы явным преувеличением; да и слово «роман» тоже не совсем подходило, ибо никакой романтики в их отношениях не существовало. Скорее, близость и легкая влюбленность. Тем не менее не было бы ложью заявить, что когда-то она знала Грэма Петтифера «довольно хорошо», хотя уже много лет с ним не встречалась. Он уехал в одну из африканских стран, чтобы преподавать в местном университете нечто под названием «социальные науки», а теперь, по всей вероятности, вернулся, возможно, даже с намерением получить пост в Англии.

Ему, должно быть, уже около сорока, подсчитала она, и выглядит он лучше, поправился, что ли? Размышляя на этот счет, она допила свой стакан. Затем, заметив, что в бутылке осталось кое-что,

налила еще. Вино явно было теплое, пожалуй, даже сверхchambré[7], как выразился бы Адам Принс, но оно успокоило ее и даже придало ей известную смелость. Вряд ли сознавая, что она делает, а также мало отличая действительность от вымысла, она вставила в пишущую машинку лист бумаги и принялась сочинять письмо.

«Дорогой Грэм! — писала она. — Только что видела тебя в телевизионной передаче. Подумать только, как это средство массовой информации умеет сводить людей, которые расстались давным-давно! Я живу (временно) в доме, принадлежащем моей матери, поэтому если вы, — она остановилась, забыв, как зовут его жену, — окажетесь в наших краях, милости прошу». Под словом «вы» можно подразумевать и жену, и любое число детей, думала она, представляя себе, как в один прекрасный день к ее дому подъезжает большая семейная машина, а в ней Грэм Петтифер и вся его семья. Она не написала, понравилась ли ей дискуссия, сообразила она, но хватит и того, что его она узнала.

Уже поздно вечером в постели она вспомнила, что его жену зовут Клодия, — теперь она, если

---

[7] Примечания: 7
chambré — комнатной температуры (*фр.*).

представится случай, не попадет впросак. Если представится.

3

Понедельник был всегда хлопотливым днем в больнице, совсем новом помещении рядом с общинным Залом собраний. «Они» — пациенты — далеко не все были накануне в церкви, но зато искупили свою вину обязательным присутствием в этом месте, куда они приходили не столько ради поклонения, хотя кое для кого и это было существенно, сколько за советом и утешением. Пожаловаться ректору можно, но ведь рецепта-то он не выпишет. В церковной службе не было ничего подобного тому торжественному моменту, когда выходишь из больницы, сжимая в руке священный клочок бумаги.

Мартин Шрабсоул, нагнув голову, словно в ожидании удара, быстрым шагом прошел через приемную. Он не желал знать заранее, кто его ждет, предпочитая быть застигнутым врасплох, но тем не менее заметил двух пациенток, которых ему не особенно хотелось видеть: сестру священника и старую мисс Ликериш, считавшуюся в поселке чудаковатой. Разумеется, они могли ждать и доктора Геллибранда, но Мартин не слышал, приехал ли он, а поэтому, похоже, их

обеих суждено принять ему.

Он вошел в кабинет, сел и настроился на прием пациентов — весь внимание и утешение. История болезни мисс Ликериш лежала на самом верху стопки; значит, она войдет первой. Он нажал кнопку, и она вошла.

— Доброе утро, мисс Ликериш! — обратился он к маленькой сгорбленной женщине в вязаной шапочке и старом, дурно пахнущем пальто из твида.

— Доброе утро, доктор… — Казалось, будто она сомневается в его праве на это звание, но, хотя ему было немногим больше тридцати, он имел не меньшую квалификацию, чем доктор Геллибранд, и был гораздо больше осведомлен о передовых методах лечения и новейших медикаментах.

— Как поживаете? — спросил он больше из любопытства, чем из участия, ибо, хотя ей наверняка за восемьдесят, вместе с тем в ней было что-то такое, что резко отличало ее от лежавших на аккуратных рядах кроватей кротких старых людей в той больнице, где у него возник интерес к гериатрии. Правда, ни для кого не было тайной, что деревенские жители очень отличаются от городских. Эти яркие глаза-бусинки были полны

такой жизненной энергии, что вопрос, как она поживает, казался вполне уместным.

— Ничего, кабы не блохи, — ответила она. — Не дают спать. Мне требуется снотворное.

— Что ж, посмотрим, чем мы сумеем вам помочь, — оживленно откликнулся он. Какой смысл объяснять ей, что он не может давать снотворное любому, кто пожелает? Какой толк объяснять, что если держишь в доме ежей, то обязательно заведутся блохи? По правде говоря, он никак не ожидал, что с подобной проблемой ему придется столкнуться в понедельник утром, когда пациенты более склонны придумывать себе страдания от болезней, о которых начитались в воскресных газетах, но Мартин был готов принять вызов.

— Давайте сначала избавимся от блох, ладно? — предложил он. Патронажная сестра, участковый фельдшер, представитель общественности, кто-нибудь из любителей творить добрые дела, даже его собственная жена Эвис — их всех можно позвать на помощь, да и записка о разрешении на покупку соответствующего инсектицида в порошке — вот и все, что требуется.

— Следующий, пожалуйста, — пригласил он, довольный в душе тем, что так легко отделался от мисс Ликериш.

Очередные три пациента были самыми обычными и сравнительно приятными: юноша с лицом в угрях, молодая замужняя женщина, интересующаяся предупреждением беременности, и пожилой мужчина, которому следовало измерить кровяное давление. Четвертой в кабинет вошла, виновато улыбаясь, словно заранее знала, что попусту занимает его время, сестра священника Дафна.

— Доброе утро, мисс Дэгнелл, — постарался как можно веселее улыбнуться он, — как вам живется-можется? — Глупо выдавать такие пошлые фразы, тут же укорил он себя. — Садитесь, побеседуем, — продолжал он. Доктору не меньше, чем пациентке, требовалось расслабиться, хотя он помнил, что в приемной его ждет еще немало народу.

Дафна, по правде говоря, сама не знала, что с ней. Она пребывала в угнетенном состоянии, или «в депрессии», ей хотелось уехать из поселка, убежать от сырой весны Уэст-Оксфордшира, пожить в побеленном известкой домике на берегу Эгейского моря.

— У них там такие же дома, как у нас? — спросил Мартин, оттягивая время. Почему, черт побери, она не обратилась к доктору Геллибранду? Она

ведь, наверное, была его пациенткой задолго до того, как он, Мартин, начал здесь свою практику. Он не мог знать, что Дафна намеренно пришла к нему, потому что заранее знала, что скажет ей доктор Геллибранд. («Мы все немного не в себе, зима была долгой, поэтому вполне естественно, что вы плохо себя чувствуете. Идите и купите себе новую шляпку, дорогуша», — его панацея от всех женских недомоганий, хотя женщины уже много лет не носят шляп. Такой старомодный совет и никаких таблеток.) От Мартина Шрабсоула она ожидала большего.

— Я не могу оставить брата, вот в чем беда, — сказала она.

— Вам не нравится ваш дом? — Если так, то это забавно, потому что красивый старый дом из серого камня был единственным домом в поселке, на который они с женой заглядывались. «Вот дом, в котором я хотела бы жить», — говорила Эвис.

— Он такой большой и нескладный, — мрачно ответила Дафна. — Вы себе не представляете, как трудно его натопить.

Эвис заметила, что в ректорском доме нет даже радиаторов, которые включались бы на ночь, вспомнил Мартин, а всего лишь несколько керосиновых обогревателей, причем довольно

маломощных. Интересно, имеют ли они право на дополнительные средства для отопления? Вероятно, нет, потому что ни Том, ни Дафна еще не достигли пенсионного возраста. Достаточно ли теплые платья носит мисс Дэгнелл? Не в слишком ли легкой она блузке для такого прохладного весеннего дня?

— Я бы рекомендовал вам носить шерстяное белье, — улыбнулся он, надеясь вывести ее из мрачного состояния!

— Не напоминайте мне про шерсть, — откликнулась она. — Мой брат, как вам известно, увлекается местной историей и недавно обнаружил, что в восьмидесятых годах семнадцатого столетия людей было приказано класть в гроб обязательно обряженными в шерсть.

— Вы всегда жили вместе с братом? — поинтересовался Мартин.

— О нет, только после смерти его жены, хотя с тех пор прошло уже немало лет. Я взялась вести его хозяйство — это было единственное, самое малое, по мнению наших знакомых, чем я могла ему помочь.

— А чем вы занимались до этого?

— Я работала, не бог весть кем разумеется, была на побегушках в туристическом агентстве. И

снимала квартиру вместе с приятельницей.

Вполне возможно, лесбийские наклонности, рассуждал Мартин, мысля общепринятыми современными понятиями. Если она раньше снимала квартиру на паях с приятельницей, то подобная мысль имеет право на существование. Однако сейчас Дафна уже в преклонных летах. Он бросил взгляд на ее обветренное лицо и неряшливую гриву седых волос. Ей, наверное, могла бы помочь новая прическа — Мартин был куда более современным, нежели доктор Геллибранд с его новой шляпкой, — но предложить этого не осмелился.

— Давайте-ка померяем ваше давление, — сказал он, прибегая к более традиционному методу лечения. Рука у нее была худой, кожа сухая, то ли от избытка греческого солнца, то ли от приближения старости. — Неплохо бы чуть-чуть прибавить в весе, — посоветовал он. — Как у вас с аппетитом?

Когда Дафна выходила из кабинета, держа в руке клочок бумаги — рецепт на какое-то лекарство, ей, по крайней мере, казалось, что визит к «новому доктору», как называли Мартина в поселке, оправдал себя. Доктор выслушал ее, был полон участия, и она уже чувствовала себя

лучше. Куда лучше, чем если бы пошла к доктору Геллибранду — тот даже не удосужился бы измерить у нее давление.

Второй кабинет был по размерам больше того, где вел прием Мартин Шрабсоул, но доктор Геллибранд все еще с тоской вспоминал прежние дни, когда осматривал больных в более уютной обстановке собственного дома. Сейчас он с удовольствием подтвердил беременность молодой деревенской женщины, которой наверняка было суждено стать матерью многочисленного здорового потомства. Она была небольшого роста, коренастой, с толстыми ляжками, открытыми постороннему взору короткой юбкой, давно вышедшей из моды. Удивительно уместным был тот факт, что доктору Геллибранду, которому было уже далеко за шестьдесят, приходилось иметь дело с молодежью, в то время как Мартин с его интересом к гериатрии, занимался людьми пожилыми. Доктор Геллибранд не очень жаловал стариков, он предпочитал наблюдать за зарождением и течением жизни. Он был рад избавиться от некоторых пациентов-стариков — Мартин с его молодой, веселой физиономией принесет им только пользу. Ибо доктор Геллибранд, хотя в поселке его любили и уважали, выглядел человеком

довольно мрачным — про него часто говорили, что он больше похож на священника, чем сам ректор, но этому не стоило удивляться, ибо он был сыном священника, а его младший брат — викарием в одном из лондонских приходов.

После ухода молодой беременной женщины наступила передышка, и сестра, ведавшая приемом посетителей, принесла кофе. Забыв про своих пациентов, доктор Геллибранд принялся думать о визите, который нанес брату в минувший уик-энд. «Перемена обстановки — уже отдых», — любил говорить он и нередко так и поступал, извлекая пользу из разлуки со своей женой Кристабел, большой охотницей командовать. Приход, где служил викарием его брат, был бедным и захудалым, и состоял, по его мнению, не совсем справедливому, целиком из «иммигрантов, живущих в трущобах», но церковь, хотя и не из особенно преуспевающих, произвела на него большое впечатление, вызвав даже чувство зависти, когда он присутствовал на целом «шоу», в которое его брат Гарри превратил торжественную мессу. Оно напомнило ему времена пятидесятилетней давности, когда он сам носился с мыслью принять духовный сан. Он видел себя отправляющим службу во время

различных религиозных праздников, читающим блестящие проповеди и возглавляющим пышные процессии, но тут же припомнил все прочие обязанности, соблюдать которые надлежало приходскому священнику, в том числе и потребление бесчисленного количества чашек сладкого чая с печеньем, о чем никогда не переставал напоминать ему брат. Затем, может быть потому, что при крещении его назвали Льюком, он видел себя известным хирургом, с успехом выполняющим самые сложные операции, вроде тех, за которыми мы теперь можем наблюдать на телевизионных экранах в посвященных медицине американских программах. А кончилось все тем, что он стал практикующим врачом, столь любимым всеми терапевтом, старым семейным доктором, скорее героем «Записной книжки доктора Финлея», нежели участником более занимательных сериалов…

В дверях стояла сестра. Не задремал ли доктор над своим кофе? Очередной пациент ждет, а он почему-то не нажимает кнопку.

— Можно войти следующему, доктор Гелибранд? — оживленно и ласково спросила она. — Это мисс Гранди, — добавила она, словно предлагая ему отведать какое-то заманчивое

блюдо.

Но он уже заранее знал, что мисс Гранди ничем не отличается от прочих пожилых пациенток, одиноких женщин неопределенного возраста, тех самых, каких он был рад передать Мартину Шрабсоулу. Сестра священника, по-видимому, передала себя сама, с удовольствием констатировал он.

Именно в этот понедельник Эмма, покупая батон хлеба в лавке миссис Блэнд, поинтересовалась, что находится в здании, примыкающем к Залу собраний.

— Больница, — сказали ей. — Прием ведется по понедельникам и четвергам.

— Разве в деревне много больных? — наивно удивилась Эмма.

Миссис Блэнд, казалось, пришла в замешательство, даже несколько возмутилась вопросом, поэтому Эмма не стала настаивать на ответе. Конечно, больные есть, всегда и везде.

Заглянув в полуоткрытую дверь больницы, она решила было зайти и принять посильное участие в таком приятном действии, из которого до сих пор была исключена. Но, припомнив свои обязанности социолога-наблюдателя — необходимость смотреть на все со стороны, не вмешиваясь, —

ушла, размышляя над тем, что увидела. Здесь явно есть материал, который следовало бы взять на заметку.

4

«Август 1678 года, — читал Том Дэгнелл в дневниках Энтони à Вуда. — Первого числа этого месяца принят указ о захоронении покойников в шерстяной одежде».

От одной только мысли быть похороненным в августе в шерстяной одежде становилось как-то не по себе, но весенним утром в холодной комнате, окно которой смотрело на заброшенные могилы, она вызывала весьма приятное чувство. Дафна поставила рядом с окном керосиновый обогреватель, но от него больше исходило запаха, чем тепла. Интересно, подумал Том, сколькие из его прихожан были похоронены в шерстяном? Не так уж трудно выяснить это из записей в приходских книгах, разумеется. Такого рода дело он мог поручить одной из своих энергичных помощниц из соседнего поселка, а то и мисс Ли и мисс Гранди. Небольшое приятное поручение. Нынче, конечно, этого правила не придерживались — хоронили, скорей всего, в одежде из искусственных тканей — акрила, куртеля, терилена или нейлона, но только не из простого хлопка или шерсти. Тут напрашивается сравнение. За-

тем он вспомнил, что мисс Ликериш, выкопав могилу для мертвого ежа, закутала его тельце в ручной вязки шерстяной свитер, купленный на распродаже. В эту минуту в комнату вошла Дафна. Она принесла кофе и сказала, что утром видела в больнице мисс Ликериш.

Зачем это Дафна ходила к врачу? — мелькнула у него мысль. Следует ли выказать братскую озабоченность? Лучше, пожалуй, не спрашивать, вдруг это какое-нибудь женское недомогание, и вопрос только приведет обоих в смущение. Больной она вроде не выглядит, и сейчас смотрится весьма неплохо, оживленно повествуя о новом молодом докторе, которого находит просто очаровательным.

— Гораздо лучше доктора Геллибранда, — добавила она.

— Не может быть, — возразил Том. Он был уверен, что старый доктор должен по-прежнему занимать в их общине ведущее положение, равное с ним или даже выше его собственного.

— Доктор Шрабсоул спросил меня, не хочу ли я попробовать транквилизаторы, — с гордостью сообщила Дафна.

— И что ты ответила?

— Извини, не могу сказать. Беседа между вра-

чом и пациентом носит конфиденциальный характер. Как исповедь.

— Разумеется. Прости, что спросил. — Тома, как младшего брата, поставили на место, а сравнение с исповедью было напоминанием о том времени, когда Том пытался — весьма неудачно — приобщить своих прихожан к посещению исповедальни.

Дафна, конечно, не могла заменить ему его жену Лору, но он был женат так недолго, что его брак был похож на сон. Он редко вспоминал о ней, не помнил даже цвета ее глаз. Теперь он понимал, что после смерти Лоры ему следовало жениться, но не успел он, оставшись одиноким и совершенно беспомощным, оглядеться и решить, что нужно делать, как явилась Дафна с явным намерением выполнить свой долг. Она попыталась наладить хозяйство в приходе, предоставив ему возможность продолжать занятия историей, которые, как выяснилось, ничего значительного из себя не представляли. Когда он гулял по рощам с Лорой, то едва замечал и мало интересовался остатками средневекового поселения… Теперь же он был одинок да еще мучим чувством, что испортил жизнь Дафне, ибо, хотя она и ездила ежегодно в Грецию, оставить его насовсем и не

помышляла.

— Он измерил мне кровяное давление, — продолжала Дафна.

— Да? — Том не знал, выразить ли ему озабоченность или поздравить Дафну, ибо доктор Геллибранд обычно давления не мерил.

За дверью кабинета послышался какой-то стук. Миссис Дайер, которая ежедневно приходила к ним убираться, явно была чем-то недовольна. «Не женщина, а мегера», — подумал Том, набираясь мужества перед ее появлением.

В комнату вошла миссис Дайер, мрачного вида особа в брюках и шляпе, которую снимала только либо на торжественных мероприятиях в общинном Зале собраний, либо — надо полагать — когда ложилась спать, либо под воздействием особенно сильного чувства. Тому виделось нечто несообразное в сочетании шляпы с брюками, по крайней мере шляпы именно такого фасона, но в чем состояла эта несообразность, он определить не мог.

— Доброе утро, миссис Дайер, — поздоровался он, как ему казалось, приятным, ободряющим голосом. — Я только что прочел, что в старое время людей следовало хоронить в шерстяной одежде.

— Ничего про это не знаю, — отрезала она. —

Сроду такого не слышала.

— Конечно, конечно. Это было в семнадцатом веке, а точнее, в конце семнадцатого века, — продолжал Том. — Энтони à Вуд говорит об этом в своих дневниках.

Она подозрительно оглядела лежащую на столе у Тома книгу.

— Если вы готовы, миссис Дайер, — сказала Дафна, — я помогу вам передвинуть мебель.

Ее возмущало, что Том впустую тратит время миссис Дайер, да и свое собственное, ибо только тратой времени можно назвать эти беседы с ней о прежних временах, записывавшиеся им на магнитофон в надежде вынести что-то интересное из ее рассуждений и болтовни. Миссис Дайер довольно часто высказывалась, даже разражалась речами о «прежних временах», о том, как люди жили тогда, выдавая одну глупость за другой. Но под «прежними временами» она подразумевала не далее, как конец тридцатых годов нынешнего столетия, что ничуть Тома не интересовало.

— Ты не забыл, Том, что сегодня нам предстоит уборка твоего кабинета? — еле сдерживаясь, спросила Дафна. — Я ведь тебя предупреждала.

— О, господи... — Том вдруг почему-то заволновался, причем так нелепо, как это обычно

демонстрирует на сцене какой-нибудь комический персонаж или рассеянный профессор, и начал перекладывать бумаги у себя на столе, роняя страницы в попытке собрать их воедино. — Неужели сегодня? Тогда мне придется уйти.

— Да, лучше уйди, если не хочешь прятаться от пыли под простыней. Тебе есть куда пойти, не так ли? Сходи, например, к кому-нибудь в гости.

— Утром? — Том был в нерешительности, поскольку ходить по гостям и в положенное-то время большой радости ему не доставляло. Утром же это было просто немыслимо, хотя и меньше вероятность отвлечь людей от телевизора.

— Пойди к мисс Ховик. Она ведь не работает, — раздраженно бросила Дафна, которой не терпелось выдворить брата из дома.

— Она занята какими-то изысканиями, — продолжал сомневаться Том. — По утрам, наверное, работает, пишет…

— Если это можно назвать работой, — фыркнула Дафна. — Тогда сходи в «Дом с яблонями». — В ее голосе явно звучал вызов, и Том отлично понимал, чем это объясняется. Обитатели «Дома с яблонями», недавно туда переехавшие сравнительно молодые супруги-ученые, казались жителям поселка пришельцами с другой плане-

ты. На вид — типичные представители богемы, сад их — в запустении, ленч проводят в баре и в церковь ни ногой… Том выстроил эти фразы так, как они до него доходили, и решил, что утренний визит к этой паре — не слишком удачная идея.

— Ну ладно, — согласился он, поднимаясь из-за стола. — Пойду. — Его, приходского священника, увидят в поселке, когда он будет шагать по главной улице.

Адам Принс, вернувшись из исключительно напряженной инспекционной поездки, нашел у порога пинту молока. На сей раз молочник, по крайней мере, соблаговолил прочитать оставленную ему записку, хотя — тень неудовольствия скользнула по лицу Адама — молоко было не цельное, а явно снятое, в котором гораздо меньше сливок. Кроме того, у него из головы не выходили два-три пустячных обстоятельства, касающиеся ресторанов, которые он только что посетил и о которых следовало доложить в отчете начальству. Сельдерей, ловко припрятанный под густым соусом, консервированный он или натуральный? И действительно ли домашнего приготовления майонез, поданный к первому блюду в весьма привлекательном горшочке из португальской керамики? Телячья вырезка, замаринованная в

перно с гарниром из грибов, миндаля и ананасов в сметанном соусе, оказалась чересчур сытной, и теперь он начинает жалеть, что выбрал именно это блюдо. Правда, по долгу службы очень часто выбора у него не было. И что теперь? Кофе пить уже поздно, а что-нибудь из алкогольных напитков еще рано. Хотя когда это рано для стакана чуть охлажденного «Тио-Пепе»? А вот и священник — и тут мысли Адама обратились к мадере с куском тминного кекса или с печеньем. Старая добрая еда, не говоря уж о питье.

— Доброе утро! — крикнул он Тому. — Входите, выпьем по стаканчику мадеры.

Том вздрогнул, не видя, кто его окликнул, но, услышав слова «по стаканчику мадеры», сразу догадался, что приглашение исходит от Адама Принса. В его присутствии Том чувствовал некоторую неловкость, ибо он не мог забыть о том, что Адам был священником англиканской церкви, прежде чем сомнения в истинности англиканских догматов побудили его принять католичество. А это означало, что порой он был склонен порассуждать о положении дел в приходе, о том, что он мог бы сделать или сделал бы, таким тоном, который смущал Тома своей наглостью. Кроме того, его познания в гастрономии

и умение ценить вкусную еду представлялись Тому неуместными и от этого ему тоже становилось не по себе. Поэтому принять приглашение Адама никак не входило в его намерения, особенно сейчас, когда он собрался было с силами нанести визит своим прихожанам. Тем не менее куда приятнее сидеть у Адама в его изысканно обставленной гостиной, держа подле себя стакан мадеры, нежели выполнять обязанности приходского священника. Он даже испытывал определенное удовольствие, слушая рассказ Адама о ресторанах, где тот только что побывал, о чересчур сытных или дурно приготовленных блюдах, которые тому довелось отведать, о винах, поданных либо слишком теплыми, либо слишком охлажденными, которые тот обязан был дегустировать.

— Нынче вечером, — говорил Адам, — я способен съесть лишь тарелку спагетти, — он произнес это слово на утрированно итальянский манер, — спагетти на скорую руку — по моему рецепту варить двенадцать с половиной минут, посыпать пармезаном и положить кусочек масла.

— Масла? — ухватился Том за то, что было знакомо. — Какого масла? — решился он спросить, ибо знал, что существует много разновидностей

масла.

— В спагетти я предпочитаю датское или нормандское.

— А что вы будете пить? — спросил Том, представляя себе чай в пакетиках, растворимый кофе или просто воду.

— Что пить, когда ешь спагетти, не имеет значения, поэтому я сделаю себе сюрприз. Я спущусь в погреб и, закрыв глаза, схвачу первую попавшуюся под руку бутылку, и кто знает, чем она окажется? — Бесцветные глазки Адама, похожие на отмытые морем камешки, засияли, а мягкое, пухлое тело, казалось, раздулось от нетерпения. — Вы когда-нибудь так поступаете? — спросил он у Тома. — Спускаетесь в погреб и, не глядя, берете бутылку?

— К сожалению, такого погреба у меня нет, — ответил Том, ибо, естественно, в доме приходского священника был погреб, занимающий весь подпол.

— Но разве вы в вашей работе не пользуетесь вином? — удивился Адам.

— Нет, конечно, пользуюсь, — согласился Том, который никогда не ставил свою деятельность в зависимость от наличия или отсутствия вина. Да и представление о полном бутылок погребе

как-то не вязалось с полдюжиной бутылок вина для причастия, хранящихся в сейфе в ризнице. — Боюсь, приходский совет стал бы категорически возражать, если бы это вино оказалось не из самых дешевых, — добавил он.

— Неужели? А в мое время, — Адам не мог удержаться от воспоминаний о своем прежнем положении, намекая при этом, что в своей церкви совет он держал в руках куда крепче, чем Том, — нам удавалось пользоваться довольно приятным на вкус Vino Sacro, а один раз мы даже попробовали белое вино — ничего страшного, поскольку, как вам известно, это всего лишь перебродивший виноградный сок.

В римско-католической церкви, припомнилось Тому, миряне во время причастия к чаше не прикладывались, а Адам был теперь «мирянином». Потому, наверное, и вспоминал свою службу в англиканской церкви с известной долей сожаления. В поселке римско-католической церкви не было, поэтому Адаму и приходилось в своем ярко-красном «рено» совершать довольно длительное путешествие, чтобы попасть на убогую провинциальную мессу, которая едва ли могла служить утешением человеку, воспитанному на

англокатолическом возрождении[8] девятнадцатого века с его яркой обрядностью. Том позволил себе чуть заметно улыбнуться:

— Посмотрим, не удастся ли мне заказать вино получше, — сказал он.

— Наверное, не так уж трудно обвести вокруг пальца вашего казначея, — усмехнулся Адам.

— Да, тем более что она очень милая женщина. Попробовать, во всяком случае, не возбраняется.

— Дам в некоторых вопросах легко обмануть, — сказал Адам. — Я убедился в этом на личном опыте.

Том почувствовал, что наступила та минута, когда пора уходить, и встал с мыслью о том, каким образом Адам Принс обманывал дам.

— Мне еще предстоит навестить Бэрраклоу, — объяснил он.

— С утра? — удивился Адам. — Хотите приостановить стук пишущей машинки?

— Они работают по утрам? Вы, наверное, знаете, раз живете так близко?

Адам посмотрел на часы.

— В двенадцать они пойдут в бар, — сказал он. — А сейчас вы застанете их дома.

---

[8] Примечания: 8

Течение внутри англиканской церкви за возвращение к католицизму, но без слияния с римско-католической церковью.

В таком освещении идея навестить Бэрраклоу показалась Тому еще менее удачной, чем когда она пришла ему в голову. Скоро уже можно возвращаться домой к ленчу. Даже занятая весенней уборкой Дафна найдет время организовать «завтрак землепашца» или его греческий вариант: кусок черствого хлеба, несколько твердых маслин — большие и сочные в поселке не продавались — и что-то, похожее на козий сыр. Масла, конечно, не будет — подобное упадничество чуждо аттическим трапезам.

Он не спеша прошел мимо дома Бэрраклоу. В гостиной на первом этаже занавесок не существовало, поэтому все происходящее в доме было как на сцене. За большим из неотесанных досок столом сидели супруги Бэрраклоу: Робби и Тэмсин; он — с рыжеватой бородой, настоящее викторианское изображение одного из апостолов, она — с темными, мелко завитыми волосами и в круглых очках в металлической оправе. Она сидела за машинкой, держа руки на клавишах, а он рядом, диктуя что-то из блокнота. «Мужчина и женщина — их создал господь», — подумал Том. Стол был завален бумагами, но в одном углу лежала на дощечке буханка черного хлеба, большой кусок сыра и стояли две бутылки пива.

Бэрраклоу, вероятно, и не собирались в бар, им предстояло то, что политические деятели именуют «рабочим завтраком». Совершенно очевидно, сейчас не время им мешать. Том быстро двинулся дальше, надеясь, что они не заметили, как он их рассматривал.

Теперь он очутился возле дома Эммы Ховик, ожидая и здесь услышать стук пишущей машинки. Но кругом царила тишина. Наверное, ушла куда-нибудь, решил Том, и поэтому не постеснялся приглядеться, как ни за что не осмелился бы сделать при иных обстоятельствах. И к своему смущению оказался лицом к лицу с Эммой. Словно на очной ставке, сказал бы он. Она стояла возле окна, держа в руках блюдо с чем-то съестным. Сначала Том подумал, что это бланманже его детства, но он явно ошибся. Люди вроде Эммы в наше время не едят подобных вещей, скорее, это мусс из яиц и сливок.

Том улыбнулся и приветливо помахал рукой, чувствуя, что только это ему и остается, раз его застали заглядывающим в чужое окно. Эмма, у которой руки были заняты, помахать в ответ не могла, но улыбнулась, как показалось ему, ласково, и Том пошел дальше, направляясь к себе домой.

5

Эмма надеялась, что смятение, которое она испытала при виде Тома, посмотревшего в ее окно, не отразилось на ее лице. Она была занята тем, что переносила блюдо со свиным холодцом из холодильника в менее холодное, но все же прохладное место, когда увидела, как он приближается к ее дому с очевидным намерением зайти. И кто, если не местный ректор, имеет на это право?

Не выпуская блюда из рук, она улыбнулась в ответ, и к ее облегчению он зашагал дальше. Она поставила холодец на полку в кладовой рядом с приготовленными уже салатами. Она понятия не имела, когда могут явиться Грэм и Клодия Петтифер, поэтому ленч, начиная с супа и кончая сыром, должен состоять из холодных блюд. Можно было, конечно, пригласить для компании и священника — был бы, между прочим, для ровного счета еще один мужчина, — но беседа явно приняла бы неловкий оборот, поскольку она давно не видела Грэма, ни разу не встречалась с его женой и была еле знакома с ректором. Кроме того, его, наверное, ждет к ленчу сестра.

Письмо, написанное после того, как она увидела Грэма по телевизору, и под влиянием бутылки вина, было отправлено, о чем потом она пожалела, а затем и думать забыла. Она почти не помнила о письме и уж подавно о его содержании, когда вдруг пришел ответ в виде почтовой открытки с изображением картины Коро — серо-зеленые деревья и под ними какая-то расплывчатая фигура. «Помнишь, как тебе нравилась эта картина?» — писал он. Она совершенно не помнила, что говорила что-либо подобное — возможно, он ошибся и спутал ее с кем-то еще. Такого рода ошибки нередки в отношениях между мужчинами и женщинами… «Не исключается пребывание в твоих краях в понедельник, — говорилось дальше, — вероятнее всего, в середине дня, в зависимости от обстоятельств». Интересно, от каких «обстоятельств»? Возможно, назначена с кем-то встреча. О жене он не упоминает, нигде не сказано «мы», но подготовиться необходимо, поэтому она накрыла стол на троих. Еще она вспомнила, что его жена была студенткой в колледже у Беатрис — надо при случае расспросить маму про Клодию.

По улице медленно ехала машина, водитель напряженно смотрел по сторонам, остановился,

вылез и направился к дому Эммы.

— Эмма!

— Грэм… — Эмма, прислонившись к калитке, протянула руку, тут же возник вопрос, где припарковать машину, и она сначала была слишком занята, предлагая различные варианты решения этой проблемы, чтобы заметить, что он приехал один.

— А где же твоя жена? — спросила она, когда они вошли в дом.

— Я, как видишь, явился один. По-моему, так лучше.

— Лучше? — В этом слове ей почудилось нечто зловещее. Чем это может быть лучше? Она провела Грэма в гостиную, разлила по стаканам шерри. Они сидели лицом к лицу.

— Ну что ж, за тебя, — сказала она с наигранной веселостью. Она собралась с силами для этой встречи и сейчас испытывала некоторую расслабленность. — Я увидела тебя в воскресенье вечером, ты участвовал в дискуссии, и я сразу решила написать тебе письмо. Я подумала, что если ты окажешься где-то поблизости, будешь проезжать мимо — люди часто бывают в Оксфорде или рядом, и, по правде говоря, это не так уж далеко от Лондона — мимо нас много ездят…

Она чувствовала, что несет чепуху, ибо теперь, когда Грэм на самом деле был здесь — материализовался, так сказать, — стало ясно, что разговор с ним будет не из легких. Даже упоминание о прежних временах в Лондонском экономическом училище не прояснило атмосферы. Ей никогда раньше не доводилось испытывать нелепую неловкость от встречи с человеком, которого когда-то любила, а теперь совсем выкинула из памяти.

— Так, так, — не совсем к месту вставил Грэм, откидываясь на спинку кресла. Его следующий вопрос был немногим лучше. — Что же все-таки заставило тебя написать мне? — спросил он.

— Порыв, — ответила Эмма. — Я включилась в дискуссию уже на середине и очень удивилась, увидев тебя, — понимаешь, когда видишь на экране человека, которого знала когда-то, это вызывает...

— Особое чувство? — не без самодовольства подсказал он.

Эмма наполнила снова его стакан и добавила буквально каплю в свой. Они сидели, разглядывая друг друга. Он все еще красивый, думала Эмма, только чуть растолстел, а темные густые волосы носит длиннее, чем когда она виделась с

ним в последний раз. Она, думал Грэм, похудела еще больше, чем ему помнилось, а он не любил костлявых женщин. И одевалась она в те дни куда более привлекательно. Сейчас на ней была темно-коричневая юбка явно не модной длины, хотя он не мог определить, чем именно эта юбка ему не нравилась. А тесно облегающий маленький синий свитер делал особенно очевидным то, что жалкие бутоны ее грудей — он усмехнулся про себя за эту фразу — следовало бы либо раскрыть, либо припрятать подальше. Это была перевалившая за тридцать не слишком привлекательная женщина, с которой у него когда-то был недолгий роман — не более того, — и она написала ему, явно ища встречи. Что заставило его откликнуться, когда он чувствовал, что его здесь и не накормят как следует? В доме не было никаких признаков еды да и не пахло съедобным.

— Я решила устроить холодный ленч. Только пойду подогрею суп. Я накрыла в кухне — надеюсь, ты не возражаешь?

— Возражаешь? Конечно, нет! — Настроение Грэма явно улучшилось при виде стола возле окна в кухне, накрытого скатертью в красно-белую клетку, на котором уже были ваза с тюльпанами, несколько сортов сыра, длинный французский

батон и бутылка вина. Затем он заметил, что стол накрыт на троих. Эмма, конечно, и понятия не имела, как обстоят дела.

— Когда ты написала, — начал он, — я решил, что ты, наверное, слышала, хотя, очевидно, ты не могла слышать, если только…

— Слышала, что? — С ложкой в руках Эмма нагнулась над салатницей. Второй раз за этот день она была захвачена врасплох: сначала священником, смотревшим в окно, когда она держала блюдо с холодцом, а теперь вот так.

— Что мы с Клодией разошлись, — ответил Грэм.

— Конечно, нет! Не слышала. — Эмма была в явном замешательстве. — Иначе я никогда бы не написала. — Хорошо бы вспомнить, что она написала, если бы у нее осталась копия! Но письма, сочиненные под влиянием момента, несдержанный поток одолевающих душу чувств, никогда не пишутся под копирку. — Очень жаль, — сказала она, не зная, подходит ли в данном случае слово «жаль».

— Жалеть не о чем, — отозвался Грэм, откусывая хлеб. — Быть может, событие это всего лишь временное, и теперь я, по крайней мере, смогу дописать свою книгу. Не возражаешь, если я

расскажу тебе все?

Конечно, она не возражала, а если бы и возражала, то вряд ли сказала бы об этом. Но она была вознаграждена тем, что, несмотря на горькую историю, которую он поведал ей, ел он с большим аппетитом, а потом даже поздравил с превосходно сделанным холодцом.

— Ленч еще не готов? — несколько нетактично, как он тут же сообразил, спросил Том, но это было первое, что пришло ему в голову.

Увидев хлеб и сыр на столе у Бэрраклоу и блюдо с чем-то в руках у Эммы, он, естественно, ни о чем другом, кроме еды, и думать не мог.

— Дело не в том, готов или не готов, — тон Дафны был мрачным, — а в том, что готовить нечего. У меня не было ни единой свободной минуты. Миссис Дайер ушла полчаса назад обедать, и мне пришлось самой все заканчивать.

— Может, не стоило делать так много за одно утро, — возразил Том. — Ты ходила к доктору, а потом принялась за уборку. — Лучше бы женщины работали поменьше, пожалели себя немного! — Меня устроил бы хлеб с сыром, — пробормотал он. Возможно, Бэрраклоу и поделились бы с ним своими запасами, но он хорошо знал, что заходить к прихожанам во время еды не полагается.

Он вернулся к себе в кабинет и вскоре настолько погрузился в Энтони à Вуда, что когда Дафна через двадцать минут позвала его, он ее не услышал, из-за чего она еще больше разозлилась.

6

Не слишком удачно все получилось, думала Эмма, глядя вслед отъезжавшей от ее дома машине Грэма Петтифера, хотя угощение ему явно пришлось по душе. Уже у дверей он повернулся к ней, словно с намерением поцеловать ее на прощанье, но, по-видимому, передумал и отступил. Однако возможностью рассказать свою семейную историю, найдя в ней сочувствующую слушательницу, он воспользовался, и, вполне вероятно, это пошло им обоим на пользу.

Будь я романисткой, — размышляла Эмма, перемывая грязную посуду, — я могла бы использовать материал из его истории, а в социологическом обзоре современного брака, под каким заголовком его ни напечатай, все происшедшее предстанет как нечто банальное и прогнозируемое, нечто такое, что происходит постоянно и повсеместно. Интересно, вяло подумала она, суждено ли мне когда-нибудь еще его увидеть? В этом году он не едет в Африку, значит, будет вращаться в научном мире, работая над книгой, о которой упомянул. Вполне возможно, что он снова появится на экране либо в какой-нибудь

дискуссии, либо в качестве «эксперта» по тому или иному разделу последних известий. Но на этот раз она уже не напишет…

Выпив чашку чая, она снова села за письменный стол. В пишущую машинку уже был вложен лист бумаги, но она не испытывала желания продолжать начатую работу. Сидя у стола и глядя в окно, она смотрела, как по поселку взад и вперед снуют люди — у каждого свои заботы, — и начала жалеть, что предметом для своих исследований выбрала не сельскую местность, а скучный новый город с его многочисленными проблемами и трудностями. Она вытащила наполовину отпечатанную страницу из машинки и вставила чистый лист. «Отдельные наблюдения над общественной структурой Уэст-Оксфордширского поселка» — напечатала она заголовок. Нельзя ли сделать этот заголовок более приемлемым и более привлекательным? Слово «поселок» здесь не подходит — слишком уж оно бытовое, более подходящим было бы старое слово «община». Или, снова напечатала она, «Роль женщин в общине Уэст-Оксфордшира». Может, из этого что-нибудь да получится? Воодушевленная этой идеей, она начала разбирать каждого из обитателей поселка, разумеется, из числа тех, с кем была знакома,

и записывать то, что ей было о них известно.

Начинать, естественно, приходится с церкви. *Ректор — преподобный Томас Дэгнелл.* «Бедный Том. Тому холодно»[9] — из «Короля Лира» вроде? Интересно, почему именно это пришло ей в голову, когда она стала думать о ректоре? Наверное, потому, что он вдовец и живет вместе с сестрой. Дом у них, по-видимому, слишком большой и холодный. Сестра (Дафна) — энергичная старая дева, ездит на отдых в Грецию с приятельницей.

После церкви — медицина. *Доктор Льюк Гелибранд.* «Старый доктор» — «любимец» округи, но не очень деятельный. Неохотно выписывает не только новые, но и вообще медикаменты, предпочитает лечение домашними средствами. Живет в большом красивом старом доме, в таком же, как у ректора, но у него всегда тепло и дом превосходно обставлен. Все отличается безупречным вкусом — величественная жена (Кристабел) — утренний кофе, приемы с тщательно обдуманным составом гостей, которых угощают превосходным шерри, изящная аранжировка цветов в церкви (так говорят) — почти как владелица поместья. Эксперт по заморозке

[9] Примечания: 9
Шекспир. Король Лир, III, 4.

продуктов — в гараже большой морозильник. Взрослые дети живут отдельно.

Затем другой доктор — *Мартин Шрабсоул и его жена Эвис.* Приятный молодой человек, не блещет умом, но благожелательный, добрый и современный — по-модному интересуется «гериатрией». Живет в надстроенном доме семнадцатого века со всеми удобствами, несколько тесном для их семьи (трое детей и мать миссис Ш., недавно переехавшая к ним). Жена Эвис, бывшая сотрудница системы социального обеспечения, довольно пробивная особа, но умеет быть полезной, вероятно, мечтает о более престижном доме (возможно, даже о доме приходского священника).

На этом с врачами покончено. Кто следующий? Наверное, *Адам Принс,* ресторанный инспектор и бывший священник англиканской церкви. Самый красивый дом в поселке (хотя Эмма еще не была внутри, она представляет себе тщательно отобранные антикварные вещи, журнальные столики с книгами и образцовую кухню).

Робин и Тэмсин Бэрраклоу. Живут в старом, довольно запущенном доме рядом с Адамом Принсом. Сад зарос. Оба ведут научную работу, часто бывают в баре. Робби Б. — высокий, до-

вольно интересный. Говорит с шотландским акцентом. Тэмсин Б. похожа на хиппи. Еще достаточно молода, чтобы носить платья модели Лоры Эшли и покупать вещи на распродажах. (Чего Эмма по причине своего возраста позволить себе уже не могла.)

Мисс Ли (Оливия). Живет в «Доме под тисом». Солидная, пожилая, типичная сельская жительница, из тех, кого называют «опорой Англии». Довольно хорошо одета, обычно носит шляпу. Регулярно посещает церковь, занимается уборкой и расставлением цветов, но не на столь высоком уровне, как Кристабел Г. Интересуется местной историей — помогает ректору снимать копии с приходских документов и т. д. Член «Женского института»[10]. Красивый дом с прелестным садом. Вполне возможно, не слишком жалует вновь прибывших. Живет вместе со своей приятельницей мисс Гранди.

Мисс Флавия Гранди. Ходят слухи (Эмме сказала это мать), что мисс Г. когда-то написала сентиментальный исторический роман, но об этом никогда вслух не говорится. Довольно меланхоличная особа. В Лондоне посещала «высокую»

[10] Примечания: 10

Организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности.

церковь[11], но уехала в деревню и тоскует по ладану. Под пятой у мисс Ли.

Джеффри Пур, церковный органист. Живет рядом с мисс Ли и мисс Гранди. Эмма ничего не знала об органисте, кроме того, что он школьный учитель, носит довольно длинные волосы и часто бывает в баре.

Она принялась думать о жителях поселка в целом. Большинство из первоначальных обитателей теперь жили в домах общественной застройки на окраине поселка и с ними мало общались. Существовала пивная «Колокол» и ее владелец, имени которого Эмма не знала, но слышала, что он иногда косит траву на церковном дворе. И конечно, была миссис Дайер, которая приходила убирать в доме священника и еще в одном-двух домах, — острая на язык, не шибко сговорчивая особа, старающаяся подметить, где что происходит, и злонамеренно распространяющая сплетни. У нее было несколько взрослых детей, и прежде всего сын Джейсон, который открыл лавку, торгующую тем, что он выдавал за антиквариат. Он сунул Эмме под дверь карточку с довольно омерзительным извещением: «Одеж-

[11] Примечания: 11

Направление англиканской церкви, тяготеющее к католицизму и придающее большое значение обрядности.

да усопших принимается в чистом виде». Самое интересное в Джейсоне Дайере было то, что в одном ухе у него болталась золотая серьга в виде крошечного распятия.

Мисс Ликериш. Эмма начала новый параграф, чтобы описать мисс Ликериш, которая принадлежала к тем людям, которых нелегко классифицировать. В юности она, по-видимому, была в услужении в какой-то знатной семье. А теперь жила в развалюхе, населенной животными и отапливаемой старым керосиновым обогревателем (с опасно взвивающимся желтым пламенем, по поводу чего Дафна сказала Эмме: «Я пыталась объяснить ей, что пламя должно быть синим и что фитиль нужно время от времени чистить…»). Высказывается невпопад. Своеобразная личность — вот что, пожалуй, следует про нее сказать.

Мысль, что мисс Ликериш могла когда-то быть в услужении в знатной семье, напомнила Эмме, что она ничего не написала про джентри, то есть про людей, которые жили в усадьбе. Строго говоря, ей следовало бы начать с них, но кем или чем были эти джентри в наши дни? Она ни разу не видела ни сэра Майлса, ни членов его семьи и едва разглядела их управляющего мистера Суэйна на прогулке после пасхи. *Требуется*

дополнительное расследование — вот чем завершаются записи, которые зашли в тупик. История поместья уходит в далекое прошлое, в настенные мемориальные доски и памятники в церкви и в мавзолей, который был воздвигнут в память семьи де Тэнкервиллов еще в прошлом веке. Не так трудно разыскать там кое-что интересное…

Эмма вытащила листок из машинки и отложила его в сторону. Вряд ли можно считать подобные заметки о жителях поселка «работой». Требуются дальнейшие исследования в самых разных направлениях, и кто знает, что из этого получится?

7

Каждое утро теперь, когда лето было уже не за горами, Дафна просыпалась с мыслью о том, как в один прекрасный день она распрощается с поселком. Она, сестра ректора, бросит все и отправится либо на какой-нибудь из греческих островов, либо в Дельфы, а то и просто на один из маяков на побережье. Чепуха, конечно, особенно эта мысль — жить на маяке, но в такой летний день в Англии, когда весна уже позади, а солнце скрылось за серыми облаками, только мечты и помогают ей выполнять все ее хозяйственные обязанности.

Сегодня она была занята приемом вещей для благотворительного базара, который состоится в очередную субботу. Была объявлена просьба оставлять узлы в одной из пристроек, но некоторые люди предпочитали зайти в дом, словно вместо того чтобы, естественно, испытывать чувство стыда за свои убогие пожертвования, они гордились ими и хотели, чтобы о них было известно всем и каждому.

Тэмсин Бэрраклоу, явившись первой, притащила несколько помятых папок, дюжину книг в

бумажных обложках и два поношенных платья. Она сложила все это на крыльце и тут же скрылась, будто умилостивила языческое божество. Дафна успела лишь заметить, как она мчалась по дорожке, подметая гравий длинной ситцевой юбкой, ее мелко завитые волосы были влажными от дождя.

Следующим оказался Адам Принс. Обычно вещи приносили женщины, если только среди вещей не было особенно тяжелых предметов или того, что следовало подвезти на машине, но Принса не причисляли к обычным мужчинам, которые ходят на работу, занимаясь «достойным» делом. В это утро он принес уже ставший ему ненужным костюм такого хорошего качества, что считал необходимым привлечь к нему внимание, например вывесив его на всеобщее обозрение, как вывешивают самые лучшие товары, а потому пожелал удостовериться в реакции сестры ректора. В принесенном им же узле из старых гардин и потерявшей цвет плюшевой скатерти были еще и джинсы, чересчур узкие и явно молодежные, — «неудачная покупка», сказал бы журналист, пишущий о людской психологии, — но к этому узлу он не хотел привлекать внимания и постарался засунуть его под другой, пока Дафна

не видит.

— Как это любезно с вашей стороны, — восхищалась она костюмом. — У нас обычно так мало мужских вещей.

Адам улыбнулся, услышав, как она назвала его костюм «вещью». Возможно, это результат того, что на благотворительных базарах принято, говоря о костюмах, пальто и платьях, именовать их «носильные вещи».

— А вот и супруга доктора, — возвестил Адам уже на пороге. — Она, видать, не поскупилась.

Эвис Шрабсоул везла сумку на колесиках, битком набитую детскими и кое-какими собственными вещами, а сверху прикрытую твидовым пиджаком мужа. Считалось, что вещи, принадлежавшие врачам, обладают определенными чудодейственными свойствами — одно прикосновение к ним способно излечить от болезни, — поэтому Дафна была особенно благодарна Эвис. Но для нее не было секретом и то, что супруга доктора явилась с намерением лишний раз взглянуть на ректорский дом, намекнуть, что он слишком велик для ректора и его сестры, и ухитриться каким-нибудь образом подняться наверх и проникнуть в спальни, чего до сих пор ей сделать не удавалось.

— Вы не возражаете, если я зайду в туалет? — ничуть не смущаясь, спросила Эвис, уже приготовившись подняться по лестнице.

— У нас есть туалет слева от входной двери, — решительно загораживая ей дорогу, сказала Дафна. — Наверх подниматься не нужно.

Но тут в доме появилась миссис Дайер, и Эвис мгновенно испарилась. Миссис Дайер следовало тут же с утра приступить к работе, однако она добрых двадцать минут рассматривала и с пренебрежением отбрасывала принесенные вещи, стараясь отгадать, кто что принес. Джинсы Адама Принса вызвали у нее приступ пронзительного смеха, а все детские вещи были раскритикованы за неумение их выстирать: шерсть села, или сбилась в комок, или полиняла, по всей вероятности, пользовались не тем стиральным порошком, которым нужно, не обращают внимания на то, что говорится в рекламе по телевизору. Дафна все это уже не раз слышала и поэтому никак не отзывалась, предоставив миссис Дайер возможность выговориться до конца. Затем Дафна перетащила несколько коробок с вещами в гостиную, величественную, но скудно обставленную комнату, где вряд ли стоило заниматься разборкой всего этого хлама, однако в доме ректора благотво-

рительность ценилась превыше всего. Среди вещей могла оказаться хорошая твидовая юбка, пожертвованная миссис Геллибранд, и Дафна, не испытывая ни малейшего стыда, за тридцать пенсов с удовольствием носила бы ее осенью. Миссис Геллибранд и в голову бы не пришло, что сестра ректора в один прекрасный день появится в отвергнутой ею юбке — так по-разному они смотрелись. Кристабел Геллибранд порой могла заметить, что на Дафне одета юбка лучшего качества, чем обычно, могла даже припомнить, что и у нее была когда-то такая же твидовая юбка, но дальнейшими воспоминаниями она себя не утруждала.

Вещи из первой коробки ее разочаровали: мини, куртель, акрил и другие искусственные ткани, ничего солидного, достаточной длины или из чистой шерсти и хлопка. Дафна открыла вторую коробку: чашки со щербинками, самых разных рисунков, блюдца, подходящие разве что для кормежки кошек, пластмассовые серьги, нитка жемчуга, такого старого, что перламутр уже слез, потрепанный роман в бумажной обложке, на которой были изображены лежащие в постели мужчина и женщина с обнаженными плечами, пучок вязальных спиц, пластмассовая

масленка, треснувшая с одной стороны, старый молитвенник без обложки и без нескольких страниц, ржавая терка для мускатных орехов, неисправные ручные часы, какое-то фарфоровое животное неопределенного пола и без уха, такая же фигурка из стекла, но на сей раз без ноги, треснувшее ручное зеркальце, маленький транзистор, рамка с выцветшей фотографией, изображающей кого-то на морском пляже, брошь без булавки, художественно воспроизводящая слово «мама», пустой флакон из-под лака для волос, баночка с засохшим кремом для лица, красный ошейник не то для собаки, не то для кошки, вилка с загнутыми зубцами и старая мыльница… Ничего интересного, такие вещи, кроме ребенка, у которого окажется несколько пенсов и которому что-то из этого приглянется, никто не купит. Но тут внимание Дафны привлекла лежавшая на самом дне картинка в паспарту. Это была цветная гравюра с изображением скотчтерьера, просительно смотрящего на своего невидимого хозяина и с надписью: «Собака — слуга человека».

Взяв картинку в руки, Дафна встала и подошла к окну. Она вернулась на сорок лет назад, в дни своего первого причастия, когда ее подружка Хетер подарила ей точно такую же картинку. Для

обеих пятнадцатилетних девочек, которые обожали животных, такой подарок казался вполне к случаю, а у их классной наставницы хватило такта не сделать им замечания. Почему у меня сейчас нет собаки? — подумала Дафна, грустно глядя на полосу дождя за окном. Том не стал бы возражать против собаки, он бы даже не заметил ее появления, а на природе собаке раздолье. Она возьмет собаку — почему бы и нет? Будет водить ее на прогулку — почему эта мысль не приходила ей до сих пор? Когда умерла жена Тома, она кинулась ему на помощь, позабыв о себе. Все эти годы без собаки! «Собака — слуга человека», — тихо пробормотала она, собака — это не кошка с ее холодным, оценивающим, наглым взглядом. «Страстная любительница животных» — так могла сказать про себя Дафна, если бы кто-нибудь ее спросил, что она думает о себе, и так она действительно теперь думала. Во всяком случае животные лучше людей. Но если она возьмет собаку и, чему не миновать, привяжется к ней, что будет, когда она поедет в Грецию? Разрешат ли ей взять собаку с собой? Какие теперь карантинные правила? Не вызовет ли это осложнений? Лучше, пожалуй, не спешить и посмотреть, как будут развиваться события…

Подойти просто к дверям и позвонить? — думала Эмма. Или лучше постучать в окно, поскольку сестра ректора стояла у окна, глядя на улицу, а мысли ее, по-видимому, были чем-то заняты? Заметила ли она ее? Видела ли она, что Эмма поднялась на крыльцо с чемоданом, полным вещей?

И тут Дафна увидела ее. Она положила «Собаку — слугу человека» обратно в коробку и пошла открыть дверь.

— А! Вы принесли вещи, — деловым гоном заметила она. — Заходите, пожалуйста.

Эмма еще ни разу не была в доме ректора, поэтому, хотя она собиралась только оставить вещи и сразу уйти, решила не упускать возможности и посмотреть, что собой представляет дом.

— Я как раз была занята разбором вещей… — Дафна ничуть не огорчилась, что ее отвлекли, и кроме того, она всегда была рада компании другой женщины, испытывая то чувство уюта, которого не способно было дать ей присутствие мужчин, по крайней мере тех мужчин, которые ее окружали: ее брата Тома и соседних священников. Возможно, столь узкий круг знакомств не позволял сделать вывод…

Две женщины — одной было за пятьдесят, другой — за тридцать — настороженно оглядывали

друг друга. Они уже раза два-три встречались и даже беседовали во время прогулки, хотя Дафна чувствовала, что Эмма слишком молода и совсем не такая, как она, — вроде занимается наукой? — чтобы стать близким другом, но в это мрачное утро она искренно радовалась ее приходу.

— Всего несколько вещей, — сказала Эмма, вынимая содержимое своего чемодана. Было как-то неловко демонстрировать поношенную юбку, севшую от стирки вязаную кофту и старое белье, хотя и совершенно чистое. — Боюсь, никто не захочет этого купить, — виновато заключила она.

— Пожалуй, — согласилась Дафна. — Деревенские женщины теперь носят такие красивые вещи. На поношенные они и смотреть не хотят — это мы их покупаем. Разумеется, ничего плохого в этом нет, — добавила она, чувствуя, что должна чем-то утешить Эмму. — Теперь такой нищеты, как была когда-то, не существует.

Эмма надеялась, что они смогут поговорить о чем-нибудь другом, и мучительно подыскивала, что бы ей сказать. Она видела, что комната, в которой они находятся, хотя и была обезображена узлами вещей, предназначенных для благотворительного базара, и деревянным столом, на котором Дафна их сортировала, была по-насто-

ящему красивой с живописной лепниной на потолке.

— Это ваша гостиная? — спросила она. — Какая чудесная комната!

— Видите ли, гостиной как таковой у нас нет, но если бы была, то, наверное, в этой комнате. Когда не удается воспользоваться Залом собраний, прихожане собираются здесь. Даже благотворительный базар можно здесь провести, — засмеялась она.

Опять про благотворительный базар.

— Какой сегодня противный день, — заметила Эмма, глядя, как с листьев на дорожку капает вода.

— Да, правда. Было так чудесно, только зацвели нарциссы, казалось, будто… Подождите — как насчет стаканчика шерри? Я знаю, у Тома где-то есть бутылка.

Это трогательное уведомление о состоянии винных запасов ректора смутило Эмму. Бутылка может оказаться не совсем полной, когда Тому понадобится вино. Но Дафна настояла, и Эмма была вынуждена признать, что шерри может значительно улучшить настроение. В последний раз она пила шерри в компании тогда, когда ее навестил Грэм Петтифер, вспомнила она, недо-

умевая, почему припомнила об этом сейчас при совершенно иных обстоятельствах. Больше она с ним не увидится, а от их встречи ничего памятного не осталось. Только вот стол и два стула стояли так же, и двое людей пили шерри — вот ей и пришло в голову…

— …к новому доктору, как мы до сих пор его называем, — говорила Дафна, — к Мартину Шрабсоулу, — она с удовольствием произнесла его имя, — а не к доктору Геллибранду.

— О нет, я предпочла бы доктора Геллибранда, — сказала Эмма. — А почему бы нет? По словам мамы, он очень славный. Люди обычно больше доверяют пожилым врачам. К счастью, правда, мне не приходилось болеть.

— Доктор Шрабсоул проявил ко мне такое участие, — настаивала Дафна. — Он сразу понял, в чем моя беда. По-моему, так важно иметь хорошего доктора, которому веришь. У нас доктор — самая важная персона, разве не так?

Эмма удивилась. Если не считать владельца поместья, то самой важной персоной следует считать приходского священника, а не доктора.

— Видите ли, поскольку ректор мне брат, да к тому же я старше его, то вы сами понимаете, я так считать не могу. Когда мы были детьми и играли

в разные игры, у нас была присказка, которую я помню по сей день:

Груши, сливы,
Вишни ком,
И тогда выходит Том…

— А я такой считалочки не знаю, — засмеялась Эмма. И повторила: — И тогда выходит Том…

— Его жена умерла, знаете? — спросила Дафна таким тоном, будто что-то объясняла. — О, это было очень печальное событие — он так и не сумел забыть Лору. И мне пришлось, отказавшись от собственной жизни, взять на себя все обязанности по ведению его хозяйства. А я всегда хотела иметь собаку.

Эмма опять удивилась:

— А что вам мешает завести собаку? Живете за городом, проблем с прогулками нет, никто не смотрит жалобно из окна, когда уходишь на работу…

Теперь была очередь Дафны удивиться. Ее воображение не поспевало за воображением Эммы.

— И правда, запирать ее не нужно, — подхватила она. — Не могу понять, почему у меня до сих пор нет собаки… Ведь мне уже пятьдесят шестой год.

Поглядев на нее, Эмма заметила, что шерри заставило Дафну не только рассказать нечто сугубо личное, но и вогнало ее в краску. По-видимому, пожилым дамам не следует пить, подумала она, или, скажем, женщинам в возрасте. Но с каких лет начинается этот возраст?

— Я, наверное, заведу собаку, — сказала Дафна, когда Том вернулся к ленчу.

— Собаку? Зачем?

— Ты же знаешь, мне всегда хотелось иметь собаку, — выпалила она.

— Да? Первый раз слышу.

— О, Том, ты же знаешь, как страстно я люблю и любила животных.

Том выслушал ее молча, вспоминая домашних животных их детства: кроликов, морских свинок, и да, действительно, однажды у них была собака. Но считать, что ребенок, совавший листья салата сквозь решетку клеток, в которых содержались кролики, страстно любил животных?.. Забавно. И если ей верить, значит, все эти годы Дафна была лишена радости? Своим эгоизмом он мешал ей осуществить ее заветное желание!

Войдя в гостиную, где они иногда после ленча пили кофе, он натолкнулся на коробку с вещами, поверх которых лежала картинка с изображе-

нием «Собаки — слуги человека». Снова ему вспомнилось детство и очень смутно — первое причастие Дафны, хотя он не мог бы сказать, почему именно этот предмет вызывал у него подобные мысли. Зато он задумался о тех, кому в его приходе вскорости предстояло первое причастие, и решил, что пора договориться с викарием из соседнего прихода объединить — обе церемонии в одну. Том знал заранее, как все это произойдет: все обязанности будут на нем, потому что соседний викарий был очень ловок сваливать ответственность на других. Может, следует спросить совета у Адама Принса — его-то уж, не сомневался Том, никогда не заставишь делать то, чего он не захочет.

Он вытащил из коробки «Собаку — слугу человека» и стал ее рассматривать. Не было ли чего-либо подобного у Киплинга, и не у него ли взято это изречение? Но Дафна этого знать не могла, поэтому ей он только и сказал:

— Если хочешь взять собаку, возьми. Что тебя останавливает?

8

Мартин Шрабсоул наблюдал за своей тещей. Он сидел напротив нее, совершенно позабыв о телевизоре, ибо был целиком поглощен ею, но записей никаких не делал. Он не хотел беспокоить ее, хотя особой чувствительностью она, по его мнению, не отличалась.

Магдален Рейвен было далеко за шестьдесят. Небольшого роста, она была склонна к полноте, хотя Мартину и удалось отучить ее от употребления сахара с чаем и кофе, и теперь у нее в сумке в маленькой красивой коробочке, подаренной ей одним из внуков, всегда были с собой таблетки сахарина. Мартин запретил ей также сливочное масло, и теперь возле нее во время еды всегда стояла пластмассовая мисочка с каким-то сложным раствором, заменяющим масло. Эвис было дано распоряжение кормить мать свежими фруктами, а не пудингами, и отказывать в печенье во время второго завтрака. Таким образом, Мартин выполнял свои обязанности терапевта и рекомендовал теще именно то, что он рекомендовал своим пожилым пациентам. Но порой ему приходила в голову мысль: а действительно ли ему хочется,

чтобы его теща прожила как можно дольше? Она была вдовой, а Эвис — ее единственной дочерью, и сейчас, когда она перебралась жить к ним, дом стал явно мал для троих взрослых и троих детей. В данный момент думать о покупке большого дома не приходилось. Но если за матерью Эвис не присматривать и не ухаживать, если позволить ей есть белый хлеб, сахар, масло, пирожки и пудинги, которые ей были так по вкусу и которых ей так не хватало, тогда, если говорить откровенно, а не деликатничать, ей суждено умереть в одночасье, и у Шрабсоулов появились бы деньги купить новый дом. Эта мысль, в тот же миг подавленная, не раз посещала Мартина во время ночных бдений. И разумеется, после того как это случалось, он становился еще более внимательным к здоровью своей тещи. Сейчас он был несколько обеспокоен сообщением в одной из воскресных газет, что отдельные виды искусственных заменителей сахара (в США, конечно) вызывают у мышей, как доказано, рак. «Не могли бы вы пить чай или кофе совсем без сахара?» — по долгу врача спросил он, но Магдален ответила, что нет, не может. И ответила довольно решительно. Даже во время войны она не пила чай без сахара, что, кстати сказать, делали многие.

Наблюдая за ней, пока она, надев — наконец-то! — новые очки, смотрела телевизор, Мартин с удовольствием отметил, что волосы у нее аккуратно уложены, а сухие руки с короткими, покрытыми лаком ногтями заняты вязанием чего-то для одного из внуков.

— Привыкаете, мама, понемногу к этим бифокальным стеклам? — спросил он, будучи по природе человеком добрым. — По-моему, вам будет куда удобнее не снимать очков всякий раз, когда нужно взглянуть на рисунок для вязания.

Конечно, гораздо удобнее — все, что ни предлагал ей ее зять, было только на пользу, не сомневалась Магдален Рейвен. А самое лучшее было то, что Мартин ничуть не возражал, когда по истечении срока договора на аренду ее собственной квартиры она переехала жить к ним, «разделила с ними кров и стол», как выражались люди. Ей повезло, что у нее такой добрый зять, хоть он и не разрешает ей есть все, что хочется, — тут двух мнений быть не может. И если некоторые считают, что дочь превратила ее в бесплатную няню, что ж, она любит своих внуков, не так ли? Что еще может желать женщина, как не оказывать помощь в воспитании внуков, ее плоти и крови? Скольким вдовам так повезло? А сегодня вечером

ей даже не придется оставаться с детьми, потому что она приглашена в гости, «на выпивку», посмеялась Эвис. Кристабел Геллибранд, жена старого доктора, решила познакомить Магдален Рейвен кое с кем в поселке и пригласила ее без Эвис и Мартина.

— Она, наверное, пригласила и эту женщину-социолога — Эмму Ховик, — помнишь, мы видели ее в саду и ты спросила, кто это.

— А что она делала в саду? Я не помню.

— Ничего не делала, — несколько раздраженно ответила Эвис. — Стояла или что-то подбирала — какое это имеет значение? Она тоже недавно появилась в поселке, поэтому тебе будет приятно с ней познакомиться.

— И с другими тоже, — добавил Мартин, заметив на лице тещи тень сомнения. — С ректором и его сестрой, вероятно, и еще с несколькими дамами, интересующимися местной историей. Помните, мы решили, что вам может быть занятно присоединиться к ним? — с надеждой в голосе спросил он, потому что они с Эвис рассчитывали, что Магдален можно занять перепиской приходских документов или чем-то подобным, что, думалось, заставит ее мозг больше трудиться, ровнее пульсировать, чем в те минуты, когда

она занята своим нескончаемым вязанием или телевизором. Мартин считал очень важным культивировать какой-нибудь интеллектуальный интерес, о чем непрестанно напоминал своим преклонных лет пациентам.

— Что ж, хорошо, — отозвалась Магдален, рассматривая свои ногти. — Как ты считаешь, может, мне покрыть их лаком заново? — растопырив пальцы, спросила она.

— По-моему, все в порядке, — совершенно искренно ответил Мартин. — Лак нигде не слез.

— Мамочка, у тебя уже нет времени заниматься маникюром, — заметила Эвис. — Мартин, ты отвезешь мамочку на машине, да?

Мартин сказал, что отвезет, но называть Магдален Рейвен «мамочкой» он не мог и не хотел. Не в силах он был заставить себя называть ее «Магдален», что она бы предпочла. Чаще всего он просто начинал обращение со слова «вы», но если не получалось, то говорил «мама», что тоже казалось ему странным, ибо она не была и никогда не сможет стать ему «мамой».

Куда было бы лучше, казалось Эмме, не знать, как живет твой доктор, не ходить по прекрасным персидским коврам, не любоваться тонким фарфором и изысканным стеклом в угловом буфете

старинной работы. Но, войдя в величественно обставленный холл дома Геллибрандов — можно сказать, «резиденцию», — Эмма была удивлена, учуяв за запахом политуры с примесью лаванды слабый кошачий дух, слабый, разумеется, но отчетливый. Затем она вспомнила, что видела, как из кустов вылезла, держа в зубах птицу, большая черная с белым кошка. По-видимому, это была не кошка, а кот, да еще некастрированный, чем и объясняется запах в доме. Дафна, кажется, упоминала, что старый доктор интересуется только молодежью, детьми и жизнью в ее расцвете? Поэтому, вполне возможно, он возражает против любого вмешательства в природу…

Собравшимся в доме гостям было предложено через открытые французские окна в гостиной выйти на лужайку, где их скорее заставили или повели, нежели пригласили пройтись вдоль цветочного бордюра, которым им надлежало интересоваться, восхищаться и восторгаться. За бордюром начиналась та часть сада, которая усилиями садовника остается в девственном состоянии (весной высаживаются луковицы, из которых потом появляются колокольчики, кое-где еще сохранившиеся). Гости, надевшие на прием лучшие свои туфли, казалось, не испыты-

вали большого желания переходить с лужайки в девственную часть сада, но хозяйка осталась неумолимой и по выложенной из камня дорожке довела их до пруда, потребовав восхищения первым бутоном водяной лилии.

Эмма, которая не сумела заставить себя ахнуть при виде этого феномена, обрадовалась, когда ей пришлось отвлечься из-за чего-то, случившегося у нее за спиной. Мисс Гранди споткнулась и чуть не упала на каменную дорожку. Она, автор романтического произведения, очутилась в положении, которое могло бы послужить завязкой занимательного романа. Но на помощь ей пришел не сын владельцев дома или прекрасный незнакомец, а Эмма, социолог, занимающийся наблюдением за человеческим поведением. Ах, до чего скучна жизнь! — вздохнула она.

— Все в порядке, мисс Гранди? Я испугалась, что вы упадете.

— Это из-за туфель… Если бы я знала…

«Рюмочками» назывались эти каблуки, вспомнила Эмма, помогая мисс Гранди выбраться на дорожку, в конце которой их ждала Кристабел Геллибранд.

— Я говорила тебе не надевать этих туфель, — прошипела мисс Ли, и Эмма вспомнила, что она

уже не раз замечала, как мисс Ли командует бедной мисс Гранди. По-видимому, когда двое живут вместе, один командует другим: мисс Ли командует мисс Гранди, Дафна — Томом, Кристабел Геллибранд, по всей вероятности, — доктором Геллибрандом. Насчет Шрабсоулов и Бэрраклоу у нее такой уверенности не было; быть может, им удалось стать равными партнерами, хотя, подозревала она, Эвис наверняка командует мужем.

Гости с облегчением вздохнули, когда они благополучно возвратились в дом и начался прием «по всем правилам». Быстро оглядевшись, Эмма пришла к выводу, что все собравшиеся — люди малоинтересные, по крайней мере, так ей показалось, ибо большинство стоявших вокруг нее со стаканом шерри в руках или в ожидании, когда им предложат его, были людьми пожилыми и без намека на то, что когда-то жизнь их была чем-либо примечательной. Эмма слышала, что миссис Геллибранд ежегодно устраивает несколько приемов и соответственно делит своих гостей. Но даже, будучи социологом, она не могла разобраться, каким принципом руководствовалась миссис Геллибранд, собрав нынешних гостей. Вполне возможно, они должны были служить предупреждением молодым, вроде нее и Бэррак-

лоу, — Эмма увидела, что в комнату вошли Робби и Тэмсин, — что они должны знать свое место, не пытаться что-либо изменить и не вмешиваться в традиции сельской жизни, установленные людьми вроде миссис Геллибранд. А может, этот прием устроен просто чтобы сказать прибывшим: «Добро пожаловать!», ибо она заметила среди гостей тещу молодого доктора.

Эмма увидела, что гостей обслуживает миссис Дайер, разнося тарелки с печеньем и маленькими пряными закусками к коктейлям. Словно желая подчеркнуть свое появление в несколько иной роли, она применительно к случаю надела ярко-голубой нейлоновый халат и более симпатичную, чем обычно, шляпу — из темно-бордового фетра с украшением в виде якоря. «Яростно вздымался вал за валом, темнотой чернела ночь», — вспомнила Эмма гимн школьных дней. «Тяжело плескались весла, белую пену гнали прочь…»

Миссис Дайер сунула ей под нос тарелку, но Эмма не хотела приступать к еде, пока у нее в руках не окажется стакан с вином, а вина ей не предлагали. Однако стоять в неловком ожидании, потому что стоять без стакана во время приема еще труднее, чем с пустым стаканом, ей

пришлось всего мгновение, ибо ректор, «бедный Том», как она теперь почему-то стала его называть, подошел к ней и предложил шерри.

— Доктор Геллибранд занят по горло, — объяснил он, — а миссис Дайер понятия не имеет, с чего следует начинать на приеме.

Эмма была благодарна, но чувство это испарилось, как только он начал расспрашивать про ее «работу», и ей пришлось рассказывать про недавно завершенные исследования жизни в городе, что незамедлительно вызвало вопрос, собирается ли она теперь изучать сельскую жизнь, заданный шутливым тоном, — вопрос, какой обычно следовал, как только становилось известно, чем она занимается.

— Думаю, что займусь и этим, — ответила она, — но прежде всего мне хотелось бы знать, что представляет собой этот прием. Бывают ведь, наверное, самые разные приемы.

Тома несколько поразила ее откровенная манера разговора, и он не нашелся что ответить. Ему не хотелось сказать Эмме, что прием в данном случае был не столько ради вновь прибывших — хотя и это имелось в виду, — сколько ради того, чтобы отделить, так сказать, овец от козлищ и отобрать людей, способных что-то «делать» в

поселке, и прежде всего помочь на празднике цветов, который Кристабел решила организовать в церкви. Высокая, худая, в ярком платье из дорогого шелка, она угрожающе оглядывалась вокруг, как птица, готовая ринуться на выбранную ею жертву. И пока Кристабел надвигалась на Эмму, Том постарался раствориться в толпе.

— Скажите, пожалуйста, — властно зазвучал ее голос, — вы ведь учились в Самервилле, не так ли?

— Нет, — ответила Эмма. Она не очень хотела говорить, что получила степень в Лондонском экономическом, но зато поспешила добавить, что она социолог.

— О! — Кристабел отмахнулась от социологии и от всего, что за этим скрывается. — Вы умеете расставлять цветы? — спросила она.

— Наверное…

— По-моему, все дамы умеют расставлять цветы, — сказал неведомо откуда возникший Адам Принс.

— Я говорю о празднике цветов, — сказала Кристабел.

У нее тонкая кость, подумала Эмма, и когда-то она явно была красивой — червяк в бутоне, хотя это не та мысль, которую можно высказать на

приеме. Разговор о цветах подсказал сравнение с бутоном и сидящим в нем червяком…

— Во многих домах, — продолжал Адам Принс, — можно видеть букеты из полевых цветов в банках из-под джема.

— О, мистер Принс, нас интересует нечто более элегантное, — засмеялась Кристабел. — Теща доктора Шрабсоула обещает нам помочь — у нее, по-видимому, очень хороший вкус. Премилая дама, мы должны постараться вовлечь ее в нашу деятельность, раз она будет жить среди нас.

— Обязательно, — откликнулся Том, чувствуя, что эти слова предназначаются ему. Он не сказал, что надеется привлечь миссис Рейвен к изысканиям по местной истории. Скромная женщина пенсионного возраста может оказаться бесценной, и он был рад убедиться, что ее занимает разговор с мисс Ли и мисс Гранди. Возможно, они обсуждают одно из «поручений», которое будет выполнять миссис Рейвен.

— Мне никогда не забыть то воскресное утро, — говорила Магдален Рейвен. — Господин Чемберлен должен был выступить по радио, и мой муж — он был еще жив тогда — утверждал, что политика умиротворения себя не оправдает. Он всегда говорил, что Гитлеру нельзя доверять, и,

конечно, оказался прав.

— А эвакуированные! — с жаром вмешалась мисс Гранди. — Вы помните эвакуированных и ту мать, что курила в кровати?

— В те дни люди много курили, — виновато сказала Магдален. — Такие смешные сигареты у нас были, помните, «Тэннерс» в голубой пачке? — Ей очень хотелось курить, но и этого удовольствия ее лишил собственный зять. В доме даже пепельниц не было.

— Я помню, говорили, что Гитлеру долго не продержаться, — сказала мисс Ли, — а война тянулась и тянулась без конца. В особняке разместилась школа, никто из семьи здесь не жил.

— Из семьи? — спросила Магдален.

— Я имею в виду девочек и мисс Верикер, их гувернантку, пытавшуюся поддерживать мавзолей в порядке…

— Мавзолей? И гувернантка, поддерживавшая его в порядке?

— Да, мавзолей около церкви, вы, должно быть, его видели, где похоронены члены семьи.

— Надо мне как-нибудь туда сходить, — небрежно заметила Магдален. На мисс Ли, по-видимому, произвели впечатление ее воспоминания, поэтому она попыталась снова направить беседу на те

дни после войны, когда жизнь была ненамного лучше, хотя воевать кончили. — Помните, что мяса давали всего на восемь пенсов, и то баранины или как там оно называлось?

— Мисс Верикер очень вкусно готовила баранину, — отозвалась мисс Ли, вся в своих воспоминаниях. — Она умела готовить с выдумкой…

— Вы, я вижу, уже приняли миссис Рейвен в свою компанию, — заметил, подходя к ним, Том.

— Да, мы как раз беседовали о прошлом, — сказала мисс Ли, — о том, что мы все помним. — Но тон ее был несколько вызывающим, поэтому Том понял, что под «прошлым» она подразумевает вовсе не то, что он. Тем не менее начало положено.

Он огляделся в поисках мисс Ховик — Эммы, как он начал мысленно называть ее, — но она исчезла. Теперь ему предстояло провести вечер с сестрой, которой не было на приеме, и рассказать ей «все в подробностях».

9

Однажды утром Том вошел в церковь провести там с полчаса, но не для того, чтобы помолиться, а просто, как он часто делал, побродить наугад среди скамеек и поразмыслить о судьбе самых разных жителей поселка. Это была тоже своего род служба, в которой они, можно сказать, принимали самое деятельное участие, хотя в действительности лишь немногие из них посещали церковь, или, выражаясь высокопарно, редко преступали ее врата. Он разглядывал памятники и мемориальные доски, подмечая, где требуется реставрация, где потускнела медь (чья очередь убирать была на прошлой неделе?), порой жалея, что к когда-то простому, без притязаний зданию были добавлены викторианские пристройки.

Семье, которая раньше владела поместьем, принадлежали самые большие и самые привлекательные памятники с витиеватыми надписями, которые испытывали читателя на знание латыни. Жаль, что мы больше не увековечиваем память наших близких в таких выражениях, подумал Том, припомнив сухие и короткие надписи на могилах двадцатого века. И памятник

все чаще обретает либо форму ограды, похожей на церковную, — сущая находка для старческих негнущихся колен, — либо гладкой доски, отличающейся хорошим вкусом, но полным безразличием к покойнику. Мы более скромны нынче или более искренни — уповать только на искренность не хотелось, ибо в наши дни это качество в чересчур высокой цене. Например, невероятно, чтобы нынче кому-нибудь пришло в голову воздвигнуть нечто, подобное мавзолею де Тэнкервиллов, который был пристроен к церкви в начале девятнадцатого века, и с тех пор только в нем хоронили членов этой семьи. Теперь же, поскольку поместье им больше не принадлежит, мавзолей превратился в нелепый анахронизм при таком маленьком и скромном приходе.

Том думал об этом, как вдруг ему послышался какой-то шорох у входа в церковь. Кто-то вошел, но кто именно — случайный посетитель, прихожанин или женщина, явившаяся начистить медь, — разглядеть он не мог. Человек этот, — а в наши дни полового равенства, когда мужчины и женщины одинаково одеваются и носят одинаковую прическу, иначе, как человеком, посетителя назвать было нельзя, — вошел в часовню де Тэнкервиллов, как ее называли,

и принялся разглядывать памятник, изображающий поверженного крестоносца. Когда он подошел поближе, Том увидел молодого человека с золотистыми, коротко подстриженными волосами, одетого в майку и джинсы. На руках у него почему-то были розовые резиновые перчатки, что вызывало недоумение и слегка тревожило.

«Чем могу быть вам полезным?» — спросил Том, только мысленно произнося эту фразу, ибо она одновременно могла прозвучать и слишком банально, и слишком серьезно. Предложение быть полезным могло быть принято буквально, в то время как Том чувствовал себя способным в данном случае лишь поведать краткую историю церкви и поселка, приукрасив ее более подробными сведениями об отдельных памятниках, и уже был готов приступить к повествованию, как молодой человек опередил его.

— Вы, наверное, местный ректор? — спросил он таким торжественным тоном, будто поздравлял Тома с пребыванием на этом посту. — Я Терри Скейт. Приехал, чтобы посмотреть ваш мавзолей. Но решил сначала заглянуть в церковь, получить, так сказать, общее представление и составить собственное мнение, надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?

Они стояли, обратившись лицом к статуе сэра Хьюберта де Тэнкервилла. Том испытывал некоторую неловкость, словно мистер Скейт мог почему-либо поставить ему в вину отсутствие головы у одной из собачек, возлежащих у ног крестоносца. Созерцая безголовое животное, он задумался о пуританах и гражданской войне, но снова посетитель перебил его мысли замечанием о вандализме «даже в прежние времена».

— Вы бывали здесь прежде? — спросил Том, стараясь припомнить тех, кто регулярно заходил в мавзолей, обычно седых пожилых людей, не имеющих ничего общего с Терри Скейтом.

— Нет, я здесь в первый, но, надеюсь, не в последний раз. Мы с приятелем, знаете ли, открыли цветочный магазин. У нас, разумеется, масса заказов на оформление выставок цветов, не говоря уже о свадьбах и похоронах — кого ни назовете, именно мы их обслуживали, — но ни разу нам не доводилось работать в мавзолее.

— А что именно вы можете там сделать?

— Прежде всего просто привести его в порядок, разбить у входа клумбу, посадить новые цветы и растения, проследить, чтобы на пасху выросли нарциссы и тому подобное. Я человек верующий, поэтому все это делать буду я. Что же касается

моего приятеля, то он агностик.

— Понятно. Значит, вы… — Том хотел было сказать «один из нас», но остановился, уловив явную двусмысленность этой фразы. Кроме того, службы, посещаемые Терри Скейтом, вряд ли имели что-либо общее с простой сельской службой, к которой привыкли постоянные прихожане Тома.

— О, боже, конечно! Участник хора, прислужник, иногда даже церемониймейстер — все что угодно… Ведь чтобы оформить мавзолей, следует быть верующим, не так ли?

Том не мог не согласиться с этим доводом и принялся коротко излагать историю мавзолея — как его воздвигли в 1810 году для похорон одного из Тэнкервиллов, убитого во время войны с Испанией, и как потом всех членов семьи хоронили здесь, ставя им памятники.

— Можно заглянуть внутрь? — с интересом спросил Терри. — Очень хочется посмотреть.

Они вышли из церкви, сняли замок с ворот мавзолея и сложили решетку, запирающую вход. Тяжелый занавес красного бархата пришлось отодвинуть в сторону, чтобы стали видны похожие на сундуки гробницы и памятники. Хотя на улице было тепло, от ледяной белизны мрамора и слепых лиц классических скульптур веяло холодом,

и Тома пробрала дрожь. Он довольно редко бывал в мавзолее и не разделял восторгов Терри, отвергая в душе концепцию захоронения мертвых в усыпальнице и находя мраморные изображения претенциозными и антипатичными.

Терри согласился, что в мавзолее холодно.

— Сюда бы стоило поставить аккумуляторную батарею или керосиновый обогреватель, — предложил он.

— Не думаю, что это было бы уместным, — возразил Том. — По правде говоря, никто сюда не заходит, во всяком случае надолго, — добавил он, почувствовав, что его слова звучат кощунственно. — Из их семьи уже не осталось почти никого, кого бы интересовал этот музей. — Печально, разумеется, хотя больше с исторической, нежели с человеческой точки зрения. Многие документы навсегда утеряны. Если бы он был здесь в тридцатые годы, когда де Тэнкервиллы покидали поместье!

— Вся семья вымерла? — спросил Терри.

Последний наследник мужского пола, сказал Том, погиб во время второй мировой войны, не оставив детей, сестры вскоре после этого продали поместье, нынешний его владелец мало интересуется жизнью в поселке… От прохлады мавзолея

начало ломить в костях. Может, пригласить Терри Скейта на чашку кофе к себе домой?

Выйдя из мавзолея, они очутились в окружающем его небольшом саду, где было несколько надгробий с углублениями для цветочных ваз или горшков с цветами.

— Видно, кто-то недавно убрал засохшие цветы, — заметил Терри.

— Да, одна из женщин, в обязанности которых это входит.

— И что она делает, смею заметить, со значительно большим энтузиазмом, нежели внутри церкви, — засмеялся Терри.

— Да, там, к сожалению, кое-что запущено, — согласился Том. — Кроме того, к середине недели цветы обычно увядают.

— А увядшие в воде цветы страшно воняют.

— Причем лилии, когда они гниют, пахнут еще больше, чем полевые цветы, — заметил Том.

— Там были не лилии, а дельфиниумы. А для здешних могил можно было подыскать немного пеларгоний, — продолжал Терри. — Красочное пятно — вот что вам требуется.

— По-моему, это было бы превосходно, — отозвался Том.

— У меня в машине есть несколько ящиков

рассады. Между прочим, в поселке есть кафе или чайная?

Том пришел в замешательство, ибо ничего подобного в поселке не существовало, а пивная открывалась позже. Значит, надо пригласить Терри к себе. Он извинился за отсутствие кафе и чайной и предложил Терри зайти в ректорский дом.

— Большое спасибо. Я так надеялся, что вы меня пригласите. Прямо мечтал, чтобы в поселке не было кафе, тогда у меня будет возможность проникнуть в ваш прекрасный старинный дом.

— Ничего интересного в нем нет, — снова виноватым тоном отозвался Том, — хотя дом действительно старый.

— Там, наверное, жили монахи? — спросил Терри.

— Не думаю. Никаких свидетельств этому не имеется.

— И не надо. Зато здесь живет монастырский дух, — сказал Терри, с любопытством оглядывая холл и сразу примечая его убожество.

Холл был и вправду скудно обставлен, но присутствие Дафны и миссис Дайер сразу разрядило монастырскую атмосферу.

— Как насчет кофе? — спросил Том.

— Мы свое уже отпили, — твердо отозвалась миссис Дайер. — Сегодня у нас уборка гостиной.

— Может, тогда по стаканчику шерри? — обратился Том к Терри, который с интересом прислушивался к разговору. — Или еще слишком рано?

— Я сейчас сварю кофе, — заторопилась Дафна, но опоздала: шерри было предложено, отступать некуда.

Том представил сестре Терри Скейта и рассказал про мавзолей.

— О, как чудесно, если кто-нибудь возьмет мавзолей под свою опеку, особенно теперь, в преддверии праздника цветов. — Дафна была в восторге.

— Праздник цветов? У вас в церкви? Не может быть!

Не слишком ли нахально держит себя Терри, подумал Том, но решил, что молодой человек простодушен, а потому и говорит, что думает.

— Тогда придется выкинуть все засохшие цветы, — усмехнулся Терри.

— Обязательно. Чья очередь убирать была на прошлой неделе? — спросил Том, стараясь, чтобы в его голосе звучала строгость.

— В третье воскресенье? — задумалась Даф-

на. — Пожалуй, миссис Брум.

— Но… — заговорил было Том.

— Она в больнице. У нее был на прошлой неделе сердечный приступ. — Дафна вдруг расхохоталась. — Нечего удивляться, что цветы засохли.

— Понятно. Только я почему-то никогда не вижу миссис Брум в церкви.

— В церковь она не ходит, но в третье воскресенье каждого месяца всегда, с тех пор как мы переехали сюда, меняет цветы.

На это Том не нашел что ответить: по-видимому, он чего-то недопонимал в местных делах.

— Ваша церковь должна быть примером того, каким украшением служат цветы, — с надеждой на заказ заметил Терри.

— Но это могут быть цветы только из личных садов, — поспешил отозваться Том, боясь, что Терри рассчитывает на большой заказ. — В эту пору года у всех много цветов.

— Когда их принесут, — сказал Терри, — давайте я посмотрю. Можно отлично использовать крестоносца, жаль только, что у собачки отбита голова. Ничего, прикроем ее розами. — Он встал. — Спасибо за шерри, ректор. Должен признаться, что по утрам люблю сладкое шерри.

Том ничего не ответил. Во-первых, шерри было

не сладкое, а полусухое, хотя и не испанское, а во-вторых, в бутылке, когда он в последний раз пил, было значительно больше. Неужели Дафна порой позволяет себе эту слабость, так сказать, возмещая тем самым отсутствие собаки? Он поймал себя на мысли о том, не пропало ли у него утро, но затем решил, что нет. Неисповедимы пути твои, господи, и нынче и в любую минуту, как мог бы выразиться кое-кто из его прихожан.

10

«Утренний кофе и широкая распродажа принесенных вами съедобных вещей в 10.30 во вторник в „Доме под тисом“. Вход 15 пенсов».

Вспомнив записку, которая была засунута в щель ее почтового ящика, Эмма подумала о том, было ли когда-либо проделано серьезное социологическое исследование такого интересного момента в жизни поселка. Утренний кофе состоялся в доме, принадлежавшем мисс Ли и мисс Гранди (рядом действительно росло тисовое дерево). И священник в высоком клерикальном воротнике на фотографии, стоявшей на крышке рояля, был каноник Гранди, отец мисс Гранди, одно время англиканский капеллан на Ривьере. Это Эмма успела выяснить, как только вошла в гостиную, но затем на нее нахлынуло такое количество впечатлений, что она поймала себя на том, что мысленно делает заметки, да еще под заголовками, словно на самом деле готовит трактат для научного общества.

В помощь чему проводится данное мероприя-

тие? — был ее первый вопрос. В приглашении об этом не говорится, и поскольку никто не упомянул о каком-то определенном поводе, по-видимому, считается, что всем это известно. Возможно, в помощь старым людям (престарелым или пожилым, как угодно), или детям, или в помощь Лиге защиты кошек (вряд ли), а может, политической партии (консервативной или либеральной, но уж никак не лейбористской), или просто в помощь церкви? (А может, вообще никому не в помощь?)

Вход. За пятнадцать пенсов, которые платят при входе (их опускают в керамическую миску на столике у дверей), вы получаете чашку кофе и печенье, а кусочек торта домашнего приготовления стоит еще десять пенсов. Мисс Ли и мисс Гранди подавали кофе с помощью нескольких дам, действующих по доброй воле (их было больше, чем следовало), в основном пожилых и седых. (Гораздо больше, чем нужно, чтобы подать чашку некрепкого кофе.)

Участники, то есть те, кто не занят подачей кофе, а) Мужчины. Ни одного, б) Женщины. Дафна Дэгнелл; Эвис Шрабсоул и ее мать Магдален Рейвен; старая мисс Ликериш (не совсем вписывается в данное общество, но может, утренний

кофе устроен в защиту животных?); Тэмсин Бэрраклоу (тоже не вписывается; возможно, и она сочиняет какой-нибудь социологический обзор?); Кристабел Геллибранд (заглянула ненадолго, как бы удостоила своим королевским присутствием) и еще несколько незнакомых дам, вероятно, из соседних деревень.

Приносите и покупайте. Каждый принес что-нибудь съестное: в основном джем, маринады, пироги, печенье, все домашнего приготовления. Кто что принес, выяснить нельзя (заметила только, как мисс Ликериш ставила на стол банку печеных бобов). Приносили то, что приготовили сами, а покупали, что приготовили другие, — таким образом в поселке производился натуральный обмен, из которого некоторые выходили с определенной прибылью. Имели также место разного рода критические замечания, правда, без указания имен — например, кто принес мармелад, который переварили, поэтому он стал жидким? Тот, кто был в этом повинен, имел возможность избежать позора, купив мармелад обратно, и в общей суматохе такая уловка не замечалась. Кристабел Геллибранд, помимо обычного джема из слив с ревенем, принесла еще и горшочек айвового джема (с этикеткой «айвовое варенье»), Эмма

быстро купила его, выгадав при этом, потому что сама принесла лишь полдюжины испеченных ею изделий из песочного теста.

Вещевая лотерея. По-видимому, это было самым привлекательным для присутствующих моментом. («Мы всегда устраиваем лотерею».) На крышке рояля вокруг фотографии каноника Гранди были разложены самые разные предметы (или «призы»): большой свежезамороженный торт, полочка для туалета сиренево-розовой раскраски, небольшой поднос, украшенный изображением озера Комо (или Маджоре), набор керамических кружек, чайное полотенце, расписанное «скотчтерьерами». Билеты (10 пенсов за три штуки) были распроданы заранее.

Все приготовились тянуть жребий, в комнате, как и следовало ожидать, воцарилась тишина, ибо наступил кульминационный момент, как вдруг неожиданно и эффектно с бутылкой вина в руках возник Адам Принс.

Эмма была уверена, что ни один мужчина не решится посетить распродажу, но тут же сообразила, что, конечно, могут быть исключения. Бывший англиканский священник вполне мог обладать достаточной для подобного случая отвагой, и Адам, который вообще легко чувствовал

себя в дамском обществе, явно принадлежал к этой категории.

— Надеюсь, что не опоздал, — сказал он, — и что вы сочтете мое подношение вполне приемлемым для лотереи.

Он исчез прежде, чем его успели поблагодарить, оставив чуть ли не в объятиях мисс Ли почти черную бутылку вина.

— О, боже! — было ее первой реакцией.

— Красное вино, — сказала мисс Гранди. — Как это любезно с его стороны, — добавила она.

— Подумать только, он приехал на машине! — удивилась Дафна. — И что ему стоило пройти несколько шагов от его дверей до ваших?

— Нам, наверное, следует включить ее в лотерею, — предложила мисс Ли, все еще не выпуская бутылку из своих объятий.

— Разумеется, — согласилась Эвис, отодвигая кое-что из предметов на рояле, чтобы освободить место для бутылки. — И пожалуй, пора начинать, — распорядилась она. — Не все же могут потратить целое утро на болтовню.

Эмме стало неловко, будто упрек был адресован ей из-за ее расспросов. «Потратить целое утро на болтовню» вполне пристало социологу, который черпает большую часть своего материала имен-

но из бесед.

— Давайте, — согласилась мисс Ли. — Будем по очереди тащить билеты, и тот, кому достанется выигрышный, имеет право на выбор.

Первой выигрышный билет вытащила Дафна, и она забрала свежезамороженный торт. Затем наступила очередь матери Эвис, которая взяла поднос. Потом были разыграны остальные вещи, пока, к удивлению Эммы, не осталась только бутылка с вином. Счастливицу, которой достался последний билет, она не знала — худенькая, нервная на вид, средних лет женщина в светло-голубом платье из куртеля, она, казалось, даже отшатнулась от такого страшного приза.

— Вам повезло, — с завистью констатировала Эмма.

— Но я же не пью, — пробормотала женщина, — хотя ни в коем случае не осуждаю других…

— Почему бы нам не дать миссис Ферс что-нибудь еще, а бутылку разыграть снова, — предложила Эвис. Она оглядела комнату в поисках предмета, который мог бы вполне заменить бутылку, не обойдя взором и фотографию каноника Гранди в его высоком воротнике. — Мисс Ли, может?..

— Сейчас, — откликнулась мисс Ли. Она вы-

скользнула из комнаты, а когда появилась вновь, в руках у нее был предмет, завернутый в папиросную бумагу. — Быть может, миссис Ферс понравится вот это?

Это было маленькое зеркало в цветочном орнаменте.

— Керамика, да? — спросил кто-то.

Миссис Ферс взяла зеркальце, осмотрела его, осталась довольной, и лотерея возобновилась. Бутылку выиграла Эвис Шрабсоул, которая в восторге понесла ее домой: обмен себя оправдал. Ее матери это утро тоже доставило удовольствие, но к нему примешивалось легкое чувство вины, потому что она куда-то задевала свои сахариновые таблетки и положила в кофе два кусочка сахара, не отказавшись и от порции начиненного кремом и вареньем пирога.

Эмме хотелось бы выиграть вино, но она уже была обладательницей айвового варенья и целлофанового мешочка с шестью сдобными булочками с изюмом — значит, утро не потрачено впустую. Кроме того, она собрала представляющий интерес материал об особого рода деятельности в поселке. Сообразив, что следом за ней идет мисс Ликериш, она обернулась и попробовала втянуть ее в беседу, чувствуя, что

та может внести свой вклад исторического или социологического значения.

— Я заметила, что бутылку вина взяла жена молодого доктора, — проявила инициативу мисс Ликериш.

— Да, мистер Принс поступил крайне любезно, сделав нам такой подарок, — отозвалась Эмма.

— Еще бы! Такого случая он не упустит…

— Возможно, но тем не менее…

Некоторое время они шли молча, затем Эмма, не найдя ничего лучшего, помянула о том, какая стоит хорошая погода, в ответ на что мисс Ликериш принялась молоть бессвязную чепуху о лете вообще, о долгих светлых вечерах, о разрушенной сторожке в лесу и о прогулках туда когда-то в прошлом. По-видимому, бутылка вина в сочетании с теплой погодой вызвала в мыслях старухи такие ассоциации, за которыми Эмма была не в состоянии следовать.

Когда они дошли до дверей дома мисс Ликериш, Эмма, заглянув в окно, увидела на кухонном столе кошку, которая ела из тарелки что-то, возможно вовсе ей не предназначавшееся… Попрощавшись со старухой, она вернулась домой в состоянии некоторого смятения.

В «Доме под тисом» мисс Ли и мисс Гранди

принялись за уборку после утреннего кофе и распродажи, которые привели их гостиную в полный беспорядок. Они не обменялись ни словом, после того как мисс Ли предложила:

— Давай уберем, а?

Но в молчании мисс Гранди таилась обида: мисс Ли отдала керамическое зеркальце, не спросив ее позволения, хотя когда-то это был подарок им обеим. Еще одна причина чувствовать себя задетой.

11

Отношение жителей к празднику цветов было, по мнению Эммы, «амбивалентным», как любили говорить в науке. Все знали, что он должен состояться, трудно было не знать, поскольку по всему поселку были развешаны объявления, но в прежние времена ничего подобного не проводилось. Аранжировка цветов стала нынче модным занятием для определенного типа женщин, почти таким же увлечением, как совершенствование собственной внешности для молодой женщины викторианского периода, — и несмотря на то, что искусство аранжировки цветов зародилось, скорей всего, в Японии, теперь оно безусловно превратилось в чисто английское времяпровождение. Правда, встретить скромно стоящий в одиночестве цветок или ветку на восточный манер практически невозможно, ибо предпочтение отдается букетам. Эмме, например, нравилась темно-красная роза или пеон в керамическом сосуде на фоне церковной стены из серого камня, но она не осмеливалась даже заикнуться об этом. В ее собственном саду цвели дельфиниумы и люпины, а по стене дома вились светлые розы.

Только она собралась отрезать несколько штук, как увидела, что к дому приближается Том в сопровождении Адама Принса.

— Как чудесно вы смотритесь на фоне этих роз, — сказал Адам.

Не успела Эмма придумать, как бы полюбезнее откликнуться на этот комплимент, как Том вдруг разразился поэтическими строчками:

Две дивные вещи существуют на свете:
Красивая женщина и розы в букете.[12]

Воцарилось краткое молчание, вызванное удивлением и смущением, пока Эмма, рассмеявшись, не нарушила его. Эти мужчины не могли не видеть, что ее нельзя назвать не только красивой, но и миловидной.

— Ли Хант, — назвал Том поэта, спеша прикрыть свою неудачу. — Не самое хорошее стихотворение.

Вряд ли ему стоило это говорить: две строки не нуждались в подобном критическом замечании.

— Я хотела отнести несколько роз в церковь, — сказала Эмма. — Миссис Геллибранд ведь, наверное, нужны цветы и из чужих садов?

---

[12] Примечания: 12

Стихотворение английского поэта и публициста Ханта Ли Джеймса Генри (1784–1859) «История Римини».

— Обожаю смотреть, как дамы расставляют цветы, — заметил Адам. — Эта сторона бывшей моей профессии была мне особенно по душе.

Несколько странное отношение к обязанностям приходского священника, подумал Том, но ничего не сказал. В конце концов, его любимым занятием было рыться в приходских книгах, а чем это лучше, нежели наблюдать за тем, как женщины расставляют цветы?

— У вас в церкви когда-нибудь проводились праздники цветов? — спросил он у Адама.

— Пожалуй. Только летом я очень часто уезжал.

На лице Тома отразилось удивление.

— Да, я обычно старался избегать летних церковных праздников, не выношу этих увеселений, — твердо заявил Адам.

— Но как вам удавалось их «избегать», как вы изволили выразиться?

— Я брал отпуск и уезжал из Англии, чаще всего в Италию, — засмеялся Адам. — И вам советую поступать так же.

Том был в таком недоумении, что не нашел, как ответить. «Взять отпуск и уехать в Италию» во время праздника цветов! Если бы он посмел!

Все втроем они дошли до церкви, где командо-

вала миссис Геллибранд.

— А, мисс Хислоп! — поздоровалась она с Эммой, не утруждая себя припоминанием ее фамилии. — Спасибо за цветы. Так много дельфиниумов, что просто не знаешь…

«…Что с ними делать», — закончила про себя ее фразу Эмма. Она заглянула за спину Кристабел Геллибранд и увидела группу перебиравших цветы и ветки женщин, которых не сразу узнала. Потом она разглядела среди них мисс Ли, мисс Гранди, тещу доктора Шрабсоула и даже миссис Дайер, в обязанности которой входило наливать воду в вазы из крана в саду. «Интересно, разрешат ли мне расставлять цветы?» — подумала Эмма. Здесь тоже можно почерпнуть кое-какие сведения для статьи о сельской жизни. И нет ли здесь какой-либо связи со способностью к воспроизведению потомства? Но, бросив еще один взгляд на группу собравшихся дам, она засомневалась в своем предположении. Ошибочно думать, что любая человеческая деятельность имеет отношение к сексу, что бы ни утверждал Фрейд.

Увидев, как одна из докторских кошек скребет землю в кустах, Дафна вспомнила еще одну сценку из пребывания в Греции — раннее утро в Дельфах, когда, глядя вниз на Итею, она уви-

дела далеко внизу в поле маленькую кошечку, скребущую землю, как это делают кошки всегда и везде.

— Моя жена уже в церкви, — сказал доктор Геллибранд, появившись в дверях с черно-белым котом на плече. — А как вы себя чувствуете последнее время? — спросил он у Дафны таким тоном, словно они были в больнице и справиться о ее здоровье входило в его обязанности.

— Спасибо, неплохо, — смутилась Дафна, чувствуя себя дезертиром.

— Мартин к вам внимателен?

— Доктор Шрабсоул? О да, спасибо.

— Не утратили желания еще раз поехать в Грецию? — весело и в то же время насмешливо спросил доктор Геллибранд.

Дафна молча улыбнулась. Неужто ре заветная мечта перестала быть секретом и стала достоянием всего поселка?

— Пожалуй, мне тоже пора в церковь, — сказала она.

— Всего вам хорошего, дорогая, — сказал на прощанье доктор Геллибранд. — Мы все временами подвержены меланхолии, но беспокоиться по этому поводу не стоит. Купите себе новую шляпу — вот мой вам совет, — хохотнул он и нагнулся,

помогая коту спрыгнуть на землю.

Он и вправду считал, что они в больнице, сообразила Дафна. Как хорошо, что она перешла к Мартину Шрабсоулу, особенно теперь, когда дело идет к старости. Мартин — специалист по гериатрии, — противное слово, но никуда от него не денешься. Он займется ею, хотя она, Дафна, быть может, и не так скоро предоставит ему эту возможность, потому что постарается уехать. Ее приятельница Хетер Бленкинсоп наверняка явится полюбоваться праздником цветов, заодно они и обсудят окончательно план своей поездки. Пока она не знает, что они предпримут. Во всяком случае, хижина на берегу Миконоса, куда несколько лет назад устремились толпы, их с Хетер не устроит. Может, отправиться на один из более отдаленных островов, еще не совсем приобщенных к цивилизации?..

До чего же большая у нас церковь, подумала она, когда перед ее глазами появилось здание. Викторианцы с их разросшимися приходами окружили скромные старые церкви до нелепости громоздкими пристройками, которые ее брат Том презирал. В греческих селениях стояли крохотные, словно сложенные из детских кубиков, побеленные известкой церквушки…

— Мне что, убрать мое обычное окно? — спросила она у миссис Геллибранд.

— Ваше обычное окно… — В руках у миссис Геллибранд была охапка лилий, а говорила она так рассеянно, будто не могла вспомнить, кто такая Дафна. Подобное обращение обижало. И пока Дафна стояла в ожидании, что ей велят делать, глаза ее наполнились слезами.

— Думаю, на этот раз мы сделаем кое-что помимо наших обычных окон, — сказала Кристабел. — Ведь это все-таки праздник, не так ли?

Дафна пришла к выводу, что вообще ненавидит расставлять цветы. Порой она ненавидела и церковь, сомневалась, продолжает ли верить, хотя, разумеется, вести разговоры на эту тему не осмеливалась. И Кристабел Геллибранд так и не сказала ей, что делать, а только унизила ее, оставив без толку стоять возле кучи зелени. И снова Дафна вспомнила Грецию, старика на берегу моря, разбивающего о камень осьминога…

— Как вы думаете, правильно я делаю? — спросила у Дафны Магдален Рейвен. — Ветки длинные и свисают чересчур низко, но обрезать их не хочется. Миссис Геллибранд сказала, хорошо бы добиться эффекта высоты — что, если подложить снизу смятую проволочную сетку?

Тогда, наверное, получится… Будет очень красиво, правда? — Мартин посоветовал ей пойти в церковь и предложить там свою помощь, хотя ее и не включили еще в очередь украшать церковь цветами, и она в самом деле испытывала удовольствие от этого занятия, несмотря на то что ей никак не удавалось заставить ветки бука стоять так, как им следовало. «Найти себе увлечение» — излюбленное предписание Мартина против приближающейся старости, начала конца жизни. Но в каком-то смысле мы все чем-нибудь «увлечены», разве не так, да и раньше были. «Помните?» — хотелось ей спросить у Дафны в надежде поделиться воспоминаниями о пережитом в годы войны, но не успела она переложить свои мысли в слова, как кто-то принес для веток подставку из зеленого пластика, и ей пришлось снова взяться за работу.

И вправду выглядело все очень красиво, решила Эмма в день праздника, хотя на церковь и не похоже. Расставлены цветы были с таким вкусом, что храм божий больше напоминал либо приемную рекламного агентства, либо анфиладу комнат в богатой квартире, либо, наконец, оформление свадьбы. А что вообще-то нужно? Ромашки с васильками или опустившие головки

колокольчики в банке из-под джема? А может, и не цветы вовсе, а древний серый камень — воплощение строгости великого поста?

— Должен признаться, что все тут глядится куда лучше, чем когда я был здесь в прошлый раз. — Незнакомые Эмме Терри Скейт и его приятель вошли в боковую часовню и разглядывали крестоносца и безголовую собаку. — Так они и не послушались моего совета — я велел им закрыть этот дефект венком из мелких цветов — незабудок или мускусных роз вполне хватило бы, однако они не захотели понять…

Эмма заметила, что у собачки нет головы, но ей это показалось чем-то трогательным, даже романтичным и вовсе не требующим венка из цветов. Прежде всего следует помнить, что это исторический памятник. Она собралась было объяснить это молодому человеку, как вдруг заметила в одном из боковых проходов мужчину в длинном дождевике, который скорей рассматривал мемориальную доску, нежели любовался изысканно подобранным сочетанием из пеонов и дельфиниумов. Почему на нем в такой чудесный летний день дождевик? Ей припомнились первые строки шекспировского сонета:

Блистательный был мне обещан день,

И без плаща я свой покинул дом.[13]

Но на этот раз все было наоборот, ибо день стоял чудесный и никакой нужды в плаще, не говоря уж о дождевике, разумеется, не было. Она спряталась за дельфиниумами и пригляделась к незнакомцу. Он повернулся, и она увидела, что это Грэм Петтифер. Он почему-то сутулился, чем, по-видимому, и объяснялось, что она не сразу его узнала. Она не могла убежать и спрятаться или, если бы и хотела, сделать вид, что не заметила его, ибо в смятении сама не знала, чего хочет. По-видимому, ей суждено встретиться с ним лицом к лицу и выяснить, зачем он так неожиданно явился сюда.

— Грэм, это ты? — постаралась удивиться она.

— Эмма, я должен был приехать… — Он двинулся к ней, раскинув руки, словно собирался ее обнять.

Только не здесь, испугалась она, пятясь назад и чуть не уронив пеоны и дельфиниумы. В церкви полно людей, ходят, любуются цветами.

— Я, по-моему, со вчерашнего дня ничего не ел, — вдруг сказал он.

— Почему? — Это было уж чересчур.

---

[13] Примечания: 13
Шекспир. Сонет XXXIV. *Перевод С. Маршака.*

— Не мог. Одни неприятности. Противно было даже смотреть на еду.

— Может, ты сейчас хочешь поесть? — спросила Эмма. Чуть больше трех, вполне возможно, Дафна с помощью мисс Ли и мисс Гранди уже подала ранний чай в саду ректорского дома. Хотя, быть может, он бы предпочел поздний ленч? Если у Грэма «одни неприятности», вряд ли он в состоянии выбирать, а чай — везде чай, да еще с вареным яйцом и гренками, решила она, и именно это она и начала готовить, когда они вернулись к ней домой.

Грэм, тяжело опустившись на стул, молчал, не сводя сурового взгляда с каких-то предметов в комнате, словно заметил на них пыль или еще что-то малоприятное.

— Два яйца? — спросила Эмма. — Как варить?

— Как получится.

— Яйца варят по-разному. — Значит, в мешочке, решила она. Пять минут. С яйцом всмятку справиться трудно, оно растекается и не годится для человека, когда он в подавленном состоянии, хотя мистер Вудхаус в том романе, где героиней ее тезка, утверждал, что это даже полезно. — Я тоже съем пару гренок, чтобы составить тебе компанию, — сказала она. Погода, правда, не

располагала к гренкам, зато жарить их легко.

— А яйцо ты не будешь?

— Нет, я недавно поела. — Хорошо бы, если бы он подробнее объяснил, зачем появился, но что бы ни подвигло его искать ее общества, теперь импульс этот, казалось, испарился. — Что-нибудь случилось? — не выдержала она. — Клодия?..

— Скорей всего, именно так. А, вот это приятно! — Он разбил яйцо и, выбирая из него ложечкой ярко-желтый желток, размазал его по гренке.

Эмма с облегчением вздохнула. Яйцо сварено как раз в меру: твердый белок и чуть жидкий желток.

— Куры здесь, наверное, гуляют на свободе? — спросил он. — Ну конечно, ведь мы за городом. Как хорошо жить здесь, есть яйца, снесенные гуляющими на свободе курами, и все такое прочее — именно то, что мне нужно.

Приятельница Дафны Хетер Бленкинсоп прибыла в своей маленькой желтой машине, которую поставила возле церкви. Это была небольшого роста плотного сложения женщина пятидесяти девяти лет, но выглядела она в любимых ею брюках из уэльского твида и такой же накидке гораздо моложе и элегантнее Дафны. Ей нравился

Том, и потому хотелось подойти к нему и поцеловать, как было теперь в обычае у пожилых людей — новая мода, ничего, по-видимому, не значащая, но, по ее мнению, приятная. Однако Том стоял на паперти, здороваясь с посетителями, и, смущаясь, обращал их внимание на большую стеклянную бутыль у входа, куда опускались пожертвования. В бутыли уже было полно десяти- и пятидесятипенсовых монет, среди которых виднелось и несколько сложенных в квадратики купюр.

Том надеялся встретить в церкви Эмму — она обязательно появится на празднике цветов, хотя бы из профессионального интереса, — и был разочарован, узнав, что ее видели уходящей — должно быть, он с ней разминулся — в сопровождении какого-то мужчины. Интересно, кто этот мужчина? Разумеется, она имеет право причислять к своим друзьям мужчин, быть может, это ее брат, хотя ему было хорошо известно, что у Беатрис Ховик других детей нет…

— А, Хетер, рад вас видеть…

Том недолюбливал приятельницу своей сестры, хотя уважал ее как библиотекаря, несмотря на то что ее интерес к местной истории порой казался ему несколько неумеренным, а в ее частых упоминаниях об остатках средневекового посе-

ления и о появлении холмов и оврагов в местном ландшафте слышалось нечто принужденное и неестественное. Способна ли обычная женщина так этим интересоваться? — часто думал он, сознавая, что несправедлив по отношению к Хетер. Лучше бы Эмма проявила чуть-чуть побольше внимания к местной истории, выразив желание изучить договоры об аренде земельных участков либо оказав помощь в поисках остатков средневекового поселения. А вместо этого ее видят уходящей из церкви с каким-то незнакомцем, наверное тоже социологом.

— Пока я не забыла, Том, — говорила Хетер, — на днях я наткнулась на весьма занимательную новую книгу о датах разгораживания земельных участков — как раз то, что вас интересует, — совершенно новая теория…

Том пробормотал что-то в благодарность. Даты разгораживания земельных участков его не очень занимали.

Эмма обрадовалась, когда Грэм предложил ей зайти в бар, так как стремительность, с которой он примчался к ней, казалось, заставила его самого забыть, зачем он, собственно, приехал. Ему приятно побыть с ней, сказал он, но больше ничего не объяснил, а Эмма, не ощущая большого

прогресса в возобновившихся отношениях, не сочла возможным пуститься в расспросы. Поэтому за ритуальной чашкой чая последовал ритуальный поход в бар с его уютом, вином и приятным обществом.

Бар был, правда, далеко не уютным; в начале шестидесятых годов его обветшалый интерьер освежили, но так, что теперь он стал обветшалым в иной, менее привлекательной манере. Мистер Спирс, владелец пивной, стоял за стойкой, беседуя с Джеффри Пуром, который играл в местной церкви на органе, а по вечерам сидел в баре за стаканчиком «Гиннеса». В одном углу расположилась компания деревенских старцев, а в другом — сын миссис Дайер с девицей. Стоило Эмме с Грэмом войти и, подойдя к стойке, заказать джин с тоником для Эммы и пинту местного пива для Грэма, как в баре воцарилась тишина. Усевшись за свободный столик, они завели несколько принужденный разговор с присутствующими, интересуясь, были ли те на празднике цветов, понравилось ли им, и восторгаясь, что стоит такой отличный день. Отвечали им тоже неохотно и даже с некоторой, долей враждебности. Мистер Спирс рискнул заметить, что в прежнее время ничего подобного не устраивалось, на что орга-

нист не преминул высказать предположение, что все эти праздники затеваются лишь для того, чтобы дамам было чем себя занять. Сын миссис Дайер и его девица промолчали, ничем не откликнулись и деревенские. В эту минуту в бар вошли Робби и Тэмсин Бэрраклоу, и Эмма с Грэмом, облегченно вздохнув, пригласили их к себе за столик и принялись с ними беседовать. Тогда и все присутствующие заговорили между собой более непринужденно, и атмосфера заметно разрядилась.

— Интересно, какое влияние оказал праздник цветов на круговорот жизни в деревне? — спросила Эмма, бросив взгляд на стариков, сидящих в позах скульптур периода примитивизма.

— Такого воздействия, как западноафриканские празднества или даже европейская крестьянская фиеста, он, разумеется, иметь не может, — ответил Робби. — А на ту компанию, что восседает здесь, он никакого впечатления вообще не произвел.

— Зато у принадлежащих к среднему классу местных дам он вызвал дух соперничества, — заметила Тэмсин.

— Особенно в том, что касается церкви, — подчеркнул Грэм.

Он завел с супругами Бэрраклоу беседу на социологическую тему, в несколько кокетливом тоне поддразнивая Тэмсин, а Эмма задумалась о празднике и его значении в ином, менее научном свете. Красивые орнаменты из цветов и встреча с бывшим возлюбленным больше наводили на мысль о некоем романтическом произведении, нежели о статье для научного общества. Но она никогда не испытывала желания сочинять и, по правде говоря, с некоторым пренебрежением относилась к занятиям матери викторианским романом. Однако тут она поймала себя на том, что гадает, чем закончится сегодняшний вечер.

— Извини, — сказал Грэм, когда они вернулись к ней домой, — я слишком засиделся, чтобы сегодня же возвращаться.

Неужели он боится ехать в темноте?. Или считает неудобным уехать совсем по другой причине? Как понять его слова?

— Думаешь, пойдут по поселку сплетни, если я останусь ночевать у тебя? Наверное, следовало бы еще в баре спросить, нет ли поблизости свободной комнаты.

— Я не слышала, чтобы там кто-нибудь останавливался. И кроме того, у меня есть свободная комната.

— Чудесно! Если ты, конечно, не возражаешь.

— Конечно, нет. Хочешь выпить? — Эмма чуть не сказала «согреться», что предполагает более интимную атмосферу, чем та, которая воцарилась между ними в этот момент.

— Спасибо, нет.

Они стояли в этой самой свободной комнате, рядом, но не дотрагиваясь друг до друга. Эмма заметила, что Грэм ниже ее ростом, — интересно, и раньше так было или он уменьшился, усох, что ли?

Он не сделал к ней ни единого шага, но с восхищением провел рукой по покрывалу на диван-кровати.

— Уильям Моррис?

— Да. Называется, по-моему, «золотистая лилия». Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Вот и все, и когда она уже лежала у себя в постели, мысленно перебирая события дня, ей пришел в голову вопрос: а не придет ли он с просьбой о зубной щетке и пижаме?

На следующее утро, выпив кофе с гренками, он поспешил уехать, словно устыдившись вообще за свой приезд. Он поблагодарил Эмму за «гостеприимство», но не поцеловал ее на прощанье. Ни

слова не было сказано ни о его семейных неурядицах, ни об очередной встрече.

На вечерней службе в праздничное воскресенье Том читал проповедь о небесах, о том, как человек должен представлять себе небеса. Проповедь звучала четко и вдохновенно и была, пожалуй, если говорить о выборе темы, вполне уместной, поскольку цветочные орнаменты в церкви, казалось, переносили собрание в заоблачную высь.

Эмма заметила, что на скамье владельцев усадьбы, или, скорей, на скамье, которая могла бы им принадлежать, если бы они посещали церковь почаще, сидел сэр Майлс. С ним были две дамы в элегантных летних платьях из набивного шелка, девица в длинной белой с розовым рисунком юбке в стиле Лоры Эшли и молодой человек со светлыми волнистыми волосами, оглядывающийся вокруг с таким видом, будто впервые попал в церковь.

— У каждого из нас свое представление о царствии небесном, — вещал Том, и Эмме тотчас представился ее школьный рисунок: господь бог — размытая фигура, а справа от него — их директриса с горящими, но добрыми глазами за стеклами очков без оправы, которые в прежние времена считались бы пенсне. А это напомнило

ей, что приезжают и будут жить с ней всю следующую неделю ее мама со своей приятельницей еще по колледжу, а ныне школьной директрисой, поэтому вся идея «царствия небесного» приняла несколько иной аспект. Да и кто всерьез думает об этом в наши дни? Во всяком случае, события предыдущего вечера никак не содействовали обращению мыслей Эммы к этой теме.

— Как жаль, что у нас в церкви нет таких цветов всегда, — говорили Тому на прощание его прихожане, и в словах их слышался упрек, словно он был обязан заботиться и об этом.

Эмма проскользнула мимо, постаравшись уйти незамеченной, потому что ей не хотелось ни с кем разговаривать. Зачем вообще она опять пришла в церковь, раз не собиралась еще раз полюбоваться цветами?

12

Эмма никогда не чувствовала себя непринужденно с Изобел Маунд, приятельницей матери еще по колледжу, ибо, несмотря на дружеское обращение, что-то напоминало о строгих глазах за стеклами пенсне, хотя в действительности Изобел носила модной формы очки, светло-коричневая оправа которых гармонировала с ее мягкими, искусно крашенными волосами. Возможно, любая директриса по сей день неизбежно будет напоминать Эмме ее первую, сидящую по правую руку от господа бога в царствии небесном.

Изобел надлежало спать в той комнате, где провел ночь Грэм, с обоями и покрывалом по рисунку Уильяма Морриса (как оказалось, и обилие золотистых лилий не принесло успеха), с графином свежей воды на ночном столике и с полкой книг в бумажных обложках, но с весьма пристойными рисунками. Комната выходила в сад, позади которого простиралось поле, где в дни, когда никого подобные вещи не беспокоили, было воздвигнуто жалкое сооружение из рифленого железа для домашнего скота. Теперь оно,

конечно, портило пейзаж, хотя годы и ржавчина придали ему налет старины, превратив в реликвию тридцатых годов, когда деревня была бедной и невежественной.

Мать Эммы Беатрис заняла свою обычную комнату с книжными полками, набитыми романами Шарлотты М. Йонг и других малоизвестных викторианцев, и письменным столом у выходящего на сельскую улицу окна. Беатрис любила сидеть здесь, надеясь узреть события, которые могли иметь место лет сто назад, но большей частью этого не случалось.

На один из вечеров, пока Изобел гостила у них, был запланирован небольшой ужин, на который пригласили Тома и Дафну. Затем, решив, что Том будет чувствовать себя неловко в обществе четырех женщин, хоть он и священник, а одна из женщин его родная сестра, Эмма пригласила еще и Адама Принса. Но его присутствие означало, что теперь придется уделить больше внимания меню ужина, хотя она понятия не имела, относится ли он так же критически к еде в частном доме, как к тем блюдам, которые подаются ему во время «работы». Поскольку ужин был назначен на пятницу, то оставалась возможность достать рыбу. Интересно, по-прежнему ли духовенство

или миряне, принадлежащие к римско-католической церкви, обязаны есть по пятницам рыбу?

— Рыба теперь считается деликатесом, — заметила Беатрис. — Том, я уверена, ни в коем случае не ждет, что мы будем угощать его рыбой.

— Но Адам Принс перешел из англиканской веры в католическую, — не могла успокоиться Эмма, — и работает инспектором в первоклассных ресторанах, а потому вполне может рассчитывать на рыбу.

— А какое на этот счет в наши дни правило у католиков? — спросила Изобел. — А то неловко предстать невежественными, не знающими…

— Чего требует Рим, — досказала Эмма. — Хотя вряд ли от нас можно ожидать знания секретов кухни Ватикана.

— Тем не менее Адам, наверное, сочтет рыбное блюдо любезностью с нашей стороны, — заметила Беатрис.

Но какую рыбу? Запеченная в тесте треска вряд ли годится, хотя ее, конечно, можно замаскировать подходящим соусом, грибами и креветками. В конце концов Эмма приготовила заливное из тунца и тарталетки с луком и салатом внутри, за которыми должны были последовать различные сорта сыра и мороженое из местной лавки. Ведь

это всего лишь ужин, и омаров, которых Адаму, вероятно, подавали в посещаемых им заведениях, не так-то легко отыскать в Уэст-Оксфордшире.

Войдя в гостиную Эммы вслед за сестрой, Том очутился перед тремя женщинами, ни одна из которых на первый взгляд не выглядела привлекательной, хотя он, разумеется, понимал, что нельзя судить о человеке только по внешности. Он не принял во внимание различные подробности, на которые обязательно обратила бы внимание женщина, но общее впечатление было малоприятным.

Эмма была в тусклом одеянии из серого с черным ситца, которое напомнило ему одежду служанки прежних дней, когда она поутру разжигала огонь или подметала крыльцо. На Беатрис было платье из темно-коричневой с рисунком шелковистой ткани, на воротничке тяжелая викторианская брошь с уродливым, похожим на обычный голыш камнем. Изобел была в костюме из бежевого крепа, свидетельствовавшем о скучно-хорошем вкусе — наверное, купила его к началу учебного года или еще к какому-нибудь торжеству в школе, — в ожерелье из мелкого жемчуга и таких же жемчужных сережках и в новых туфлях, которые с виду казались очень

неудобными. Что же касается Дафны — Том давно перестал смотреть на сестру как на женщину, платья которой представляют какой-либо интерес, порой он забывал о ней как о человеке вообще, — то на ней было розовое в цветочках ситцевое платье, чересчур короткое по нынешней моде, но свои выходные платья она берегла для поездки в Грецию.

Шерри разлили еще до прихода Адама Принса, который, извиняясь за опоздание, добавил «если я на самом деле опоздал», чем заставил Тома почувствовать, что они с Дафной явились слишком рано, но он уже привык к эксцентричности Адама, а потому не удивился, что, когда сели за стол, Адам излишне восторженно для подобной мелочи принялся восхвалять Эмму за необыкновенно тонко нарезанный огурец, украшающий заливное из рыбы.

— Тонко нарезанный огурец — это искусство, с которым так редко встречаешься, — восхищался Адам. — В викторианские времена, по-моему, для этого даже существовал специальный инструмент.

— Я пользовалась острым ножом, — объяснила Эмма.

Том молчал, вспомнив, как глупо он, наверное,

выглядел, когда цитировал Эмме, срезающей розы для праздника цветов, Ли Ханта. Адам, как всегда, превзошел его.

— В Греции огурцы режут кусками, толстыми кусками, — сказала Дафна. — Огурцы, помидоры, много масла, и получается очень вкусный салат. — Она порылась в памяти, пытаясь отыскать название этого салата по-гречески, но так и не нашла, решив в конечном итоге, что присутствующим это в общем-то безразлично.

— Я не очень люблю греческую кухню, — улыбнулся Адам. — Ездить в Грецию ради кухни не стоит, как не стоит ходить в церковь, чтобы послушать музыку. Красивая страна, — он снова улыбнулся, будто припомнив какую-то шутку, — но не хранилище гастрономических ценностей.

— Да, пожалуй, верно, за этим в Грецию не ездят, — согласился Том. При виде заливного в блюде с цветочным рисунком ему вспомнилось, как несколько недель назад он заглянул в окно и увидел Эмму с этим самым блюдом в руках.

Продолжая развивать ту же гастрономическую тему, Адам предложил им угадать, где ему довелось отведать самую вкусную камбалу понантски.

Присутствующие отнюдь не были завсегдата-

ями знаменитых рыбных ресторанов, поэтому они решительно отказались угадывать. Только Беатрис рискнула предположить, что это, наверное, случилось где-нибудь во Франции, в самом неожиданном месте, в кафе на набережной или в каком-нибудь жалком бистро с клеенкой на столиках вместо скатерок, где останавливаются закусить водители грузовиков, ходящие в дальние рейсы.

— Декор и вправду был очень скромным, — сказал Адам, — да и вряд ли он мог быть иным, ибо событие это имело место в монастыре. — Он повернулся к Тому. — Не знаю, бывали ли вы когда-нибудь у Освальда Темса и его подопечных, у Святого Луки? У них одно время был превосходный эконом.

— Про монастырь-то я, разумеется, слышал, — довольно сухо ответил Том, — но ни разу там не был.

— Этот эконом Уилф Бейсон был отличным поваром, — Адам опять улыбнулся, по-видимому, вновь припомнив какую-то шутку. — Я в ту пору лишь начинал свою духовную карьеру, но вкус у меня уже сформировался.

— По-нантски, — повторила Изобел, твердо возвращая разговор к его началу, — это что, с

соусом?

— Да, с соусом, приготовленным из речных раков, — объяснил Адам. — С дюжину мелких раков варят в court-bouillon[14], а потом заправляют белым вином и травами.

— Мортлок с друзьями ловил речных раков в Сомерсете, — высказался Том, но его знание литературы осталось незамеченным, поскольку Адам тут же возразил, что для этого соуса сомерсетские раки никак не годятся.

Эмма подала очередное блюдо и разлила «Либфраумильх», надеясь, что Адам воздержится от комментариев о вине и происхождении его названия. Лучше бы она его не приглашала, не сообразила, что он никому не даст говорить. Даже когда с беседой о еде было покончено, Адам, обратившись к ней, с лукавым видом поинтересовался ее «гостем», джентльменом, которого видели с ней на празднике цветов.

Услышав это, Беатрис бросила на дочь быстрый взгляд, но тема эта развития не получила, ибо Эмма отмахнулась от вопроса, объяснив, что это был «один социолог», с которым она знакома уже много лет, словно отрицала даже намек на

---

[14] Примечания: 14
пряный отвар *(фр.)*.

какие-либо романтические отношения.

— Он, по-видимому, изучал сельскую жизнь и поведение жителей деревни во время праздника, — насмешливо заметил Адам. — Предмет, достойный изучения.

— Как жаль тратить на это время, — почему-то поддержала его Изобел. — Есть многое другое, что стоит изучать, историю например, — при этом она с надеждой взглянула на Тома, который инстинктивно отпрянул, — естественную историю, живую природу. Я всегда люблю гулять по лесу.

— Придется запомнить, — галантно отозвался Адам.

— У вас здесь водятся лисы? — спросила Изобел.

— О да, в роще часто можно видеть их следы, — поспешила ответить Дафна. — А известно ли вам, что лисий помет обычно серый и удлиненной формы?

Никто, по-видимому, этого не знал, ибо наступило молчание. По всей вероятности, на столь потрясающую осведомленность было не так-то легко отреагировать.

— Как интересно! — наконец произнес Адам. — А я об этом и понятия не имел. В следующий раз, когда пойду на прогулку, обязательно пригля-

жусь повнимательнее.

— А вы часто ходите? — спросил Том, потому что ему трудно было представить, как Адам гуляет по лесу.

— Когда есть настроение, да и работа моя требует хоть иногда двигаться.

— В следующий раз, когда пойдете, займитесь-ка поисками остатков средневекового поселения, — посоветовал Том. — Нагромождения камней, может быть, даже фундаменты бывших строений.

— По правде говоря, я предпочитаю, чтобы прошлое оставалось скрытым, — засмеялся Адам. — От всех этих раскопок нет никакого толку.

— Разрешите с вами не согласиться, — заметила Беатрис, и Изобел припомнила, что когда она в последний раз была в лесу, то в самом деле видела в одном месте разбросанные по земле камни. Может, Том объяснит, что это такое?

— Кому-то в голову пришла блажь разбросать камни, — засмеялся Адам. Местная история его не увлекала, он с пренебрежением относился к изысканиям Тома. Копаться в приходских книгах, сведенных практически к переписи населения, которое почти целиком, без исключения, рылось

в земле, представлялось ему, скучным и ограниченным занятием.

— А я собираюсь завести собаку, — вдруг объявила Дафна. — Собаки такие умные, когда нужно что-нибудь найти.

— Даже остатки средневекового поселения? — улыбнулась Эмма.

— Учат ведь собак искать наркотики? — защищалась Дафна. — Я читала об этом.

— Да, лучший друг человека, несомненно, имеет свои достоинства, — согласился Адам.

— Может, перейдем в гостиную пить кофе? — предложила Эмма. Если они намерены завести разговор про собак, то пусть уж встанут из-за стола и, кстати, окончательно забудут про упомянутого Адамом «гостя» Эммы. Только после того, как все ушли, а Эмма с матерью мыли посуду — Изобел легла спать, — Беатрис вернулась к этой теме.

— Значит, Грэм Петтифер был здесь, — сказала она.

Эмма знала, что когда мама хочет что-либо выведать, она, как правило, не задает вопросов, предпочитая им либо констатацию факта, либо косвенную ссылку на факт. Эмма призналась, что Грэм действительно приезжал, добавив:

— По правде говоря, он был здесь дважды.

Беатрис молчала. Она знала, что лучше не приставать к Эмме с расспросами. Вымыли и вытерли еще несколько тарелок, прежде чем Эмма сказала:

— У него какие-то сложности с Клодией, поэтому, мне кажется, он и приезжал сюда. — Она не собиралась признаться в том, что, увидев его по телевизору, сама написала ему. Клодию мать знала, когда та была еще студенткой.

— Ну да, ведь он был в Африке, — сказала Беатрис, — работал в одном из этих новых университетов — по крайней мере, нам они кажутся новыми. Не думаю, что Клодии там очень понравилось. Ты ведь ее никогда не видела? — Беатрис улыбнулась, припомнив, какой была Клодия в колледже. — Хорошенькая, легкомысленная молодая женщина. — Уже после короткого романа с Эммой Грэм женился на Клодии Дженкс, настолько не похожей на Эмму, что можно было заподозрить его в желании поступить назло себе и другим, но Беатрис знала, что дело вовсе не в этом. В глубине души — здесь, очевидно, сказывалось влияние ее занятий викторианским романом — Беатрис хотелось, чтобы Эмма вышла замуж. Вообще-то в наши дни не спешат

создавать семью, но Эмма давно уже вошла в тот возраст, когда грозит опасность навсегда остаться одинокой. Опасность? Припомнив других одиноких женщин из числа своих знакомых, хотя бы троих — Изобел, мисс Ли и мисс Гранди, — Беатрис решила, что слово «опасность» тут не подходит. И хотя ей претила роль свахи, тем не менее, презирая себя, она не удержалась спросить:

— А ты-то тут при чем?

Эмма ответила не сразу, представив ночь после праздника цветов, в которую ничего не случилось. Она понимала, что интересует мать, но вовсе не была намерена рассказывать ей всю историю того дня и вечера — про появление Грэма в церкви (впрочем, об этом, пожалуй, можно и упомянуть), про чай и вареные яйца, особенно про вареные яйца, про его желание остаться на ночь не потому, что ему очень хотелось быть с ней, а потому, что было слишком поздно возвращаться и он устал.

— Наверное, ему не терпелось с кем-нибудь поговорить, — ответила она.

— Он остался здесь на ночь?

— Да, но мы спали в разных комнатах. Он даже попытки не сделал, что, кстати сказать, довольно

оскорбительно! — Эмма чувствовала, что должна подшутить сама над собой.

— И разумеется, проведенная в обычном доме ночь не идет ни в какое сравнение с ночью в аристократической усадьбе времен Эдуардов с ее хитроумным расположением спален, — улыбнулась Беатрис.

— Именно! — засмеялась Эмма. — И у него не было с собой ни пижамы, ни зубной щетки. Странно, не правда ли?

— Что ж, отчасти это характеризует нынешние отношения между мужчиной и женщиной.

Недолгий опыт пребывания в браке вряд ли дал Беатрис право высказывать такую антиромантическую точку зрения на отношения между полами; Эмма, между прочим, и не верила, что ее мать так думает на самом деле. Слишком этому противоречили ее занятия художественной литературой викторианского периода. Только потому, что ей не хотелось выглядеть чересчур настойчивой в своем желании видеть Эмму замужем, она заняла такую позицию. Тем не менее ее высказывание было довольно определенным.

— Ему очень понравилось покрывало с золотистыми лилиями, а это уже кое-что значит.

— Как ты думаешь, он приедет еще?

— Не знаю, не сказал. Думаю, это будет зависеть от многих обстоятельств. — Эмма сама не понимала, хочется ей или нет, чтобы он приехал. — А что ты думаешь про сегодняшний вечер? — спросила она. — По-моему, он прошел довольно удачно, не правда ли?

Беатрис согласилась, что да, удачно, но при этом подумала, что Эмма могла бы постараться выглядеть более привлекательной. Она уже не в том возрасте, когда можно позволить себе столь модные нынче тусклые тона и растрепанные волосы. Наверняка вечер был бы куда более удачным, если бы она надела платье более привлекательного цвета и попыталась соорудить себе прическу, либо завив волосы, либо сделав аккуратную стрижку. За всю свою жизнь Эмма не написала ничего такого, что могло бы оправдать подобное пренебрежение к собственной внешности — Беатрис припомнила кое-кого из увенчанных славой современниц, — ни романа, ни томика стихов, ни двух-трех картин, ничего, кроме нескольких никем не читаемых статей по социологии. Неужели она не способна на что-либо большее?

Уже в постели в тот же вечер Беатрис занялась тем, что лучше всего помогало от бессонницы: пе-

ребирала в памяти своих сорокалетней давности соучениц по колледжу, припоминая их имена и внешность. Начав с Изобел Мерримен Маунд, которая и тогда выглядела, как сейчас, она перешла к студенткам, обладавшим более экзотическими именами. В голову ей пришли запечатленные на групповом снимке того времени, но теперь забытые, потому что они ни разу не появились на традиционных ежегодных встречах их выпуска, датчанка Ильзе Бенедикта Роелофсен и итальянка Алессандра Симонетта Бьянко. Почему-то Беатрис во всех подробностях припомнила, хотя зачем это помнить, понять невозможно, руки Ильзе с покрытыми красным лаком ногтями и ужас, отразившийся на лице мисс Биркиншоу при виде этой новой моды. Ильзе, вероятно, накрасила ногти ярким лаком, чтобы поразить подруг, но надо признать, что девушки в те дни заботились о своей внешности куда больше, чем нынче. Даже они с Изобел, скромные труженицы, и те старались выглядеть опрятными и аккуратными с завитыми волосами и робкими намеками на макияж. И кроме того, она, Беатрис, вышла замуж, как было засвидетельствовано в регистрационном журнале колледжа: «1939 год. Вступила в брак с Дадли Джорджем Ховиком»

и «1940 год. Родилась дочь Эмма». Дадли был ее ровесником, он тоже изучал английскую литературу, и до женитьбы в сентябре 1939 года они были знакомы несколько лет. Если бы не война, они, может, и не поженились бы, но в ту пору люди поступали только таким образом, а Беатрис всегда считала, что женщина должна либо выйти замуж, либо, по крайней мере, состоять в каких-то отношениях с мужчиной. Дадли погиб в сражении за Дюнкерк много лет назад, и с тех пор в ее женской судьбе почти ничего значительного не произошло. Молодая, склонная к научной деятельности вдова с ребенком, какой она была, не привлекала с первого взгляда внимания и не отличалась доступностью. Кроме того, она была занята работой, художественной литературой викторианского периода. В романах Шарлотты М. Йонг всегда присутствовали молодые привлекательные вдовы…

Эмма же — совершенно другая судьба, что с ней делать? Ничего, конечно. В семидесятые годы нашего столетия ничего не «сделаешь» с дочерью такого возраста. Этот Грэм Петтифер — между ними явно ничего нет, и жизнь в захолустье вряд ли обещает появление кого-то, достойного внимания. Адам Принс с его «самой вкусной камбалой

по-нантски»? Какой он кандидат в женихи? Смех один. И бедного овдовевшего Тома тоже едва ли можно считать подходящим женихом… Беатрис потянуло в сон, возможно, одна мысль о Томе навевала дремоту. «Неудачник» — вот слово, которое пришло ей на ум, когда она вспомнила о Томе, не способен даже разыскать в лесу остатков этого дурацкого средневекового поселения. И в своей церковной деятельности он тоже не отличается особой энергией. Беатрис вспомнились разного рода упущения (по-видимому, мисс Ли в это время в поселке не было): первое воскресенье после крещения, а рождественские украшения еще не сняты; в прощеное воскресенье на алтаре нарциссы — явная ошибка, которой Том даже не заметил. Конечно, следует помнить, что он потерял жену и на шее у него висит эта несчастная Дафна. Бедный Том и бедная Дафна, да, бедная Дафна… Беатрис уснула.

Том куда более славный, нежели Адам Принс, думала Эмма уже в постели, перебирая в памяти события ужина, перед тем как уснуть. И человек он хороший. Читая проповедь о царствии небесном, не забывал упомянуть и о помощи соседу, причем, не сомневалась она, говорил об этом от души. Но если рассуждать о делах практических,

способен ли Том, например, помочь ей, попроси она, помыть наверху окна, что и вправду пора сделать?

Изобел заснула быстро, и снилось ей, что они с Адамом Принсом гуляют по лесу из колокольчиков — крайне странная ситуация! Она проснулась среди ночи, и ей вспомнилось стихотворение Шелли:

Мне снился снег… Но, вьюгу
Развеяв, с юга брызнуло весной…

Все эти цветы — фиалки, астры, ландыши, розы и другие, названия которых она не могла припомнить (лисьего помета среди них не было), и букет из этих цветов, и последняя строка, которую она очень любила цитировать в юности:

Он другу собран в дар. — А кто мне друг?[15]

Подобно Беатрис, она тоже принялась вспоминать колледж и человека, который ничуть не был похож на Адама Принса.

---

[15] Примечания: 15
Стихотворение П.-Б. Шелли (1792–1822) «Вопрос». *Перевод В. Топорова.*

13

В тот год лето стояло сухое. Грязь на проселках превратилась в твердые борозды, а поля выгорели и стали белесыми, как в Италии или Греции.

Мартин Шрабсоул одобрительно закивал, узнав, что его теща отправляется на прогулку в лес с мисс Ли и мисс Гранди. Двигаться необходимо. Он и не подозревал, что главная цель их прогулки состояла в том, чтобы посмотреть на сэра Майлса и его гостей. И им повезло — если можно назвать это везеньем, — они были вознаграждены лицезрением стоящего на террасе сэра Майлса в окружении нескольких дам в летних платьях. Укрывшись за кустами, они в течение десяти минут наблюдали, как из дома выходили гости с бокалами в руках (наступало время ленча) и направлялись к белым столам в саду, на которых уже была расставлена еда. Сквозь деревья доносился смех.

— В прежние времена, — заметила мисс Ли, — ели и пили только в доме, хотя иногда и устраивали пикники. Мисс Верикер умела их устраивать.

— Мисс Верикер?.. — Магдален Рейвен забыла, кто такая мисс Верикер.

— Гувернантка девочек, — подсказала мисс Гранди. Разве можно забыть про мисс Верикер, когда Оливия то и дело талдычит о ней?

— Ах да, вспомнила. Она больше не живет в этом домике?

Они вышли из чащи и проходили мимо сторожки, которая под сенью деревьев в такой жаркий день выглядела очень привлекательно.

— Нет. После нее здесь жил один из домоправителей, но теперь они предпочитают жить на территории усадьбы.

— Здесь мог бы быть такой романтический уголок для молодой пары, не правда ли? — заметила мисс Гранди. — Сэр Майлс, наверное, ничуть бы не возражал.

— О да, жить тут, конечно, можно, — согласилась мисс Ли. — Вероятно, мисс Верикер предпочла бы жить здесь, а не в Уэст-Кенсингтоне, но остаться ей не предлагали.

— Моя дочь считает, что эту сторожку следует предоставить какой-нибудь бездомной семье, — сказала Магдален, — хотя вряд ли удобно жить так далеко от поселка. Помните, как во время войны эвакуированные ненавидели деревню?

— Люди боятся стихийных сил природы, — заметила мисс Гранди.

Ее спутницы не нашли чем отозваться на это замечание, и беседа переключилась на более приятные темы. Пора было возвращаться — можно поесть салат в саду по примеру сэра Майлса и его гостей. В Греции наверняка жарко, и Дафна, несомненно, ест в таверне, — так это там называется? Что же касается Тома, то они утром видели, как он бродил по кладбищу — как только Дафна уезжает, жизнь в приходе разлаживается.

Вокруг могильных плит трава засохла, да и вообще ее давно следовало скосить, подумал Том. Об этом говорилось на прошлом заседании приходского совета. И разве нельзя хоть как-то ограничить чрезмерную украшательскую деятельность родственников? Неужели нельзя развить их чудовищный вкус? На том же заседании Кристабел Геллибранд заявила, что чересчур вычурные бордюры, засыпанные осколками зеленого мрамора могилы и витиеватые надписи золотом опошляют общий вид кладбища. На некоторых могилах установили даже вазы с искусственными цветами — ну не позор ли это для сельской местности? Разве не существует определенных правил, выполнения которых приходский священник вправе требовать? Здесь присутствующие многозначительно посмотрели

на Тома, но он лишь улыбнулся, словно признавая, что да, такие правила существуют, но кто он такой, чтобы строго и бездушно требовать их выполнения от человека, горюющего об утрате близкого ему существа? В конце концов, не все одарены чувством прекрасного (как Кристабел Геллибранд). Нелегко ответить на эти неприятные обвинения, как нелегко считаться и с теми, кто засыпает могилы осколками зеленого мрамора, а то и водружает отвратительную абстрактную скульптуру, как в одном случае, который имел место еще в пятидесятые годы, то есть до назначения Тома в приход.

В дальнем углу под тисовыми деревьями стояли над мучительно неразборчивыми надписями и сердито смотрели на него херувимы работы семнадцатого века. Сахарная нежность их личиков с годами стерлась. Возможно, и они в ту пору, когда их только воздвигли, считались признаком дурного вкуса? Уже поздно менять что-либо на кладбище, запирать его на замок и все такое прочее — ничего не переделать. Только старые могилы и мавзолей с его строгим обелиском из гранита способны порадовать глаз тех, кто умеет замечать подобные вещи.

Внутри мавзолей Тому не нравился, тем не

менее в такой жаркий летний день было нечто привлекательное в мысли о прохладном мраморе, а потому он откинул бархатный занавес и вошел.

— А, ректор…

Том никак не ожидал встретить кого-нибудь в мавзолее и был поражен, увидев доктора Геллибранда. Иногда Том задумывался над тем, почему у доктора тоже есть ключ от мавзолея, обитатели которого уже явно не нуждались в его помощи.

Они оба были несколько смущены этой встречей и после слов доктора: «А, ректор…» и ответа Тома: «Добрый день, доктор Геллибранд» стояли и, улыбаясь, смотрели друг на друга. Рука Тома покоилась, словно благословляя, на прохладной мраморной голове, а доктор, казалось, ощупывал мраморную руку, словно отыскивая место перелома.

«Что вы здесь делаете?» — хотелось спросить Тому. В некотором смысле у них обоих было право находиться здесь, хотя после смерти ни тот, ни другой не могли претендовать на пребывание в мавзолее. Однако первым вопрос задал доктор Геллибранд, неожиданно нанеся противнику удар его же оружием.

— Что вы здесь делаете? — спросил он. — Вот уж никак не ожидал встретить тут кого-нибудь.

— А вы сюда часто заходите? — вырвался у Тома вопрос раньше, чем он успел подумать.

— О да, я захожу сюда довольно часто, — небрежным тоном ответил доктор.

— Тут бывает один молодой человек, который приходит наводить порядок, — сказал Том. — Я как-то встретил его здесь.

— Да, с ним договорились, чтобы он поддерживал здесь чистоту и порядок. Такому мавзолею нужен присмотр.

Как будто это касается его лично, подумал Том, которого раздражал тон доктора. Как будто мавзолей — его собственность! А что, собственно, он так разозлился? У доктора не меньше прав входить в мавзолей, чем у любого другого. Даже больше, если говорить честно, потому что он давно живет в поселке и, наверное, был знаком с последними из де Тэнкервиллов.

— Вы знали… — спросил было Том, указывая на окружающие их мраморные фигуры.

— Этих, конечно, нет. Но я знал девочек и мисс Верикер — она любила сюда приходить.

— Мисс Верикер? — не понял Том.

— Последняя гувернантка.

— А! — Мысли Тома вернулись к семнадцатому веку, где он не мог припомнить такой фамилии. — Мисс Верикер — последняя гувернантка, как грустно это звучит. Она учила девочек из усадьбы.

— Да, в те дни она была совсем молодой.

— И любила приходить сюда? Странно для молодой женщины.

— Видите ли, она принимала интересы семьи близко к сердцу. На пасху она обязательно приносила сюда цветы да и в другие праздники тоже… Я прогуливался по кладбищу и решил заглянуть в мавзолей. Забавно, что мы встретились здесь, — добавил доктор теперь уже более мягким тоном, — но в конце концов мы с вами, можно сказать, занимаемся одним и тем же делом, не правда ли?

— Пожалуй, да, — согласился Том, но в то время, как у доктора в приемной всегда толпился народ, кабинет ректора пустовал, очереди туда не было. Значит, разница существовала. Тем не менее возникла возможность объединить усилия, причем на деле и на пользу, ибо Тому пришло в голову попросить доктора Геллибранда выступить на одном из зимних заседаний их исторического общества. «Смерть в прежние времена» или

что-нибудь в этом роде? Доктор сумеет выбрать интересную тему, не сомневался он.

Конечно, сказал доктор Геллибранд, он сделает это с удовольствием, и они вместе вышли из мавзолея, испытывая удовлетворение, как будто их встреча оказалась полезной для общества. Значит, вопрос: «Вы часто сюда приходите?» — пришелся весьма кстати, решил Том.

Возвращаясь к своему, как он его называл, одинокому ленчу — и в самом деле, теперь, когда Дафна уехала, он был совсем одинок, — он бросил взгляд вдоль улицы и увидел, как Эмма входит в свой дом, держа в руках письмо, а может быть, открытку. Не будь она так, как ему показалось, увлечена теми новостями, что были в этом почтовом отправлении, он пригласил бы ее в бар. По крайней мере, ему представилось, что он поступил бы таким образом — на самом же деле он бы скорей всего промолчал и не воспользовался представившейся возможностью. Зато завтра их ждет интересный день — день летней экскурсии исторического общества, кстати, и погода обещает быть отличной. В наши дни духовенство в своих молитвах редко поминает о погоде, ибо есть о чем просить, кроме яркого солнца.

14

Том заранее знал, что на летнюю экскурсию общества любителей истории поедут в основном пожилые и среднего возраста женщины из окрестных поселков — «исторические дамы Тома» называла их Дафна. Мэри, Дженет, Лейла, Дамарис, Эйлса, Мертл и Хестер — он знал их всех по именам, и они, несомненно, составляли костяк общества. Разумеется, будет и несколько дам из его собственного поселка: мисс Ли и мисс Гранди (которые не были для него Оливией и Флавией), жена доктора Шрабсоула Эвис и ее мать (Магдален?) и, наконец, надеялся он, Эмма Ховик, в ее роли социолога, изучающего сельскую жизнь. Две-три деревенские женщины тоже едут с ними, но не потому, что их интересует местная история, а просто чтобы проехаться в автобусе. В их числе и миссис Дайер, которая считала необходимым принимать участие в любом мероприятии, а может, и потакать ректору в его ребячьем увлечении стариной и людьми, захороненными в шерстяной одежде.

Единственным мужчиной в этой компании, не считая Тома, был Адам Принс, одетый в джинсы

(более удачно купленные, чем те, которые он пожертвовал на распродажу).

— В этом году у нас столько солнца, что вашей сестре вряд ли стоило так далеко уезжать, — сказал он Тому.

— Но Дафна ездит в Грецию не только из-за солнца, — отозвался Том. — Ей просто необходимо менять обстановку.

— Да, всем нам, а особенно женщинам, время от времени не мешает это делать, — согласился Адам. Он, по-видимому, до сих пор не забыл женщин, которые работали у него в ту пору, когда он был приходским священником, ибо загадочно улыбнулся, и Том решил, что сейчас он начнет рассказывать о каком-нибудь случае из своей прежней практики. Но Адам заговорил о погоде — как, мол, им повезло, что выдался такой чудесный день.

— Надеюсь, мы отыщем тенистое местечко, чтобы попить чаю, — заметила миссис Дайер, — не то не миновать нам солнечного удара.

— В нашем умеренном климате, миссис Дайер, вряд ли такое может случиться, — заверил ее Адам.

Том не был в этом убежден, но вспомнил, что на территории Сидихед-парка, куда они направ-

лялись, есть много деревьев, под сенью которых вполне можно расположиться на чай.

Миссис Дайер принялась рассказывать о «страшном происшествии», случившемся во время экскурсии, предпринятой ассоциацией пожилых людей («Бодрыми старцами») из соседнего поселка в такой же жаркий день. На обратном пути они заметили, что один из экскурсантов почему-то упорно молчит, не присоединяясь к общему хору.

— И знаете что? — Миссис Дайер ждала ответа.

— Он умер? — догадалась Эмма. — Или это была женщина?

— Нет, это был старый джентльмен.

— Так я и знала. Женщина как следует бы подумала, стоит ли доставлять посторонним столько хлопот смертью на экскурсии.

— О, мисс Ховик, не кажется ли вам, что вы несколько к нам несправедливы? — возразил Адам.

— Он сидел на своем месте, — продолжала свой рассказ миссис Дайер, чувствуя, что про нее вот-вот забудут, — сидел неподвижно, рот у него был открыт — они думали, что он спит.

— А он умер, — повторила Эмма.

— Они не знали, что делать — остановить ав-

тобус или нет.

— Да и где остановиться — вот в чем проблема, — подхватила Эмма. — Только и видишь объявления: «Автобусам останавливаться запрещается».

— В подобных обстоятельствах лучше всего вернуться домой, — сказал Адам. — Надеюсь, они так и поступили?

Вопрос, поставленный ребром, несколько смутил миссис Дайер, и она стала объяснять, что поскольку все это случилось в другом поселке, то откуда ей, мол, знать, как они там поступили.

— Уж петь-то они, наверное, перестали, когда увидели, что произошло, — заметил Адам. — Или, вполне возможно, история эту подробность не зафиксировала?

— Интересно, за какие промахи в описании событий будут ругать нас будущие историки? — спросил Том. — Все фиксировать невозможно. — Он припомнил, как несколько членов их общества ходили с магнитофонами по деревням в попытке запечатлеть «непосредственность» происходящих событий на месте, но результаты пока вызывали только разочарование. Им не хватало, чувствовал он, колоритности à Вуда, Обри и Хирна. Быть может, в силу роста благосостояния

и потребления общества в целом мы все сейчас живем более или менее одинаково и потому однообразно. Кроме того, о нас заботятся от колыбели до могилы, — не так ли? — а в силу этого…

Автобус подкатил к весьма живописному въезду, по обе стороны которого красовались какие-то непонятные каменные звери — не то львы, морды которых были стерты временем, не то странные мифические твари. Водитель сказал что-то привратнику, и автобус медленно покатился по аллее, затененной густой листвой, но неровной и в ямах. Владелец поместья лишь недавно открыл свой дом и парк для публики.

— Могли бы разровнять дорогу, — заметила миссис Дайер, когда автобус особенно сильно тряхнуло. — Пить чай будем здесь? — И она подозрительно вгляделась в темные кущи.

— Зато тени здесь, миссис Дайер, сколько душе угодно, — весело откликнулся Том. Стоя в конце автобуса, он испытывал чувство раскованности. Из опыта подобных экскурсий он знал, что далеко не все пожелают сопровождать его, когда поведут показывать дом, — одни предпочтут погулять в парке, другие — посидеть в тени деревьев, — а поэтому надеялся на возможность побеседовать с Эммой и был искренне рад, увидев, что она,

похожая на школьницу в своем синем с белым ситцевом платье, стоит и терпеливо ждет начала тура по дому.

Эмма же казалась терпеливой только потому, что мысли ее были заняты полученным накануне от Грэма Петтифера письмом с изложенной в нем довольно странной новостью. Он писал о своем желании «уйти от дел», чтобы иметь возможность «заняться» книгой, над которой сейчас работает. Он не упомянул о желании увидеться с ней, хотя удивительное известие в конце письма свидетельствовало о стремлении быть рядом, если не о большем, ибо он, словно мимоходом, заключал: «Оставшуюся часть лета я проживу в доме, который арендовал в ваших краях, — решил, обязан предупредить тебя!» Выражение это было несколько двусмысленным, ибо после пресного вечера в день праздника цветов она просто не представляла, какими станут в будущем их отношения. И где находится этот дом, который он арендовал? Почему он не попросил ее подыскать ему что-либо подходящее? Единственным пустовавшим домом, который она сумела припомнить, была лесная сторожка. Неужели именно она?

— У вас есть морозильник, мисс Ховик? — ворвался в ее мысли голос Магдален Рейвен.

Странный вопрос в ту минуту, когда они рассматривают вышивки эпохи короля Иакова I на занавесях, но что же тогда сказать по поводу размышлений Эммы о Грэме Петтифере?

— У меня? Морозильник? Нет, у меня нет морозильника.

— Мамочка, зачем ей морозильник, когда она живет одна? — раздраженно вмешалась Эвис. — В верхней части холодильника — как у тебя, помнишь? — можно держать продукты целых три месяца, что очень удобно, но нам этого мало. Нам нужен большой морозильник, чтобы хранить мясо, овощи и фрукты из нашего сада, и я всегда готовлю лишнюю кастрюлю, а пироги, а хлеб…

— Да что вы? — из вежливости удивилась Эмма. — Даже хлеб?

— О да. Замораживать можно все или почти все. Огурцы нельзя замораживать…

— …есть определенная связь с темой гражданской войны, — ворвался в их разговор голос Тома. — Нам покажут комнату, где, по преданию, встречались роялисты…

— По преданию? — переспросил Адам. — Разве это не известно?

— Утверждать подобное никто не решится, — ответил Том, — но предание существует. На

самом верху дома есть комната, которую называют королевской.

— Что само по себе еще ничего не значит, — возразила Эмма. — Неужели здесь бывал сам Карл?

Группа двинулась дальше, и Эмма с Томом остались вдвоем у подножия узкой лестницы.

— Этот человек, что был с вами на празднике цветов, — вдруг спросил он, спеша задать вопрос, пока они были одни, — он вам родня?

— Родня?.. — Эмме захотелось рассмеяться: «родня» — это термин, которым социологи пользовались в своих работах об общественной структуре. — Вы имеете в виду Грэма Петтифера? Нет, я знала его, еще когда работала в Лондоне.

— В Лондоне? Вам, наверное, приходилось по работе сталкиваться со множеством людей?

— Конечно. Я часто бывала в центре социологических исследований и обычно встречала там своих коллег.

— Коллег… — задумался Том.

— Людей, которые занимаются тем же делом, что и я. Так же, как и вы встречаетесь с другими служителями церкви или с теми, кто интересуется местной историей.

Том, казалось, пребывал в сомнении, но ничего не ответил.

— Кроме того, часто бывают встречи в библиотеках.

— А, в библиотеках, — повторил Том, и лицо его помрачнело, словно, признавая несомненную пользу и ценность библиотек, он вспомнил приятельницу своей сестры Хетер Бленкинсоп и ее повышенный интерес к проблемам разгораживания земельных участков.

Молчание, вызванное мыслью о библиотеках, было нарушено появлением явно взволнованных мисс Ли и Магдален Рейвен.

— Мисс Гранди… С ней что-то случилось…

— Наверное, от жары, — сказал Том. — Я так и думал, что нечто подобное произойдет. Сам виноват, — добавил он. Было гораздо легче принять вину на себя, от него этого и ждали.

— Да не в этом дело, — рассердилась мисс Ли. — Произошло совсем не то, что вы думаете. Она заявила, что видела кого-то, кто давным-давно умер.

— Привидение? — подсказала Эмма. — Или нечто, похожее на то, что видели мисс Моберли и мисс Джорден в Версале?

— Пошли к ней, — предложил Том, — посмотрим, нельзя ли чем-нибудь помочь.

Они нашли мисс Гранди в маленькой при-

хожей, где она сидела на складном стуле в окружении группы сочувствующих, но озадаченных туристок. Седовласая дама в цветастом нейлоновом халате склонилась над ней с чашкой чая в руках.

— Одна из домоправительниц, — шепнула Магдален. — Оказалась такой любезной.

«Следует ли в подобных обстоятельствах пить чай?» — подумала Эмма. Об этом, должно быть, подумали все, не могли не подумать.

— Что она увидела? — обратился к присутствующим Том, ибо мисс Гранди, казалось, утратила дар речи и сидела, напряженно глядя перед собой.

— Длинноволосого молодого человека в ярком одеянии, вроде, она сказала, в восточном стиле, она была как-то сбита с толку, а сейчас вообще не хочет говорить, — ответила Магдален. — Быть может, Эвис знает, что делать, но она куда-то подевалась.

— Беспокоить вашу дочь совершенно незачем, — возразила мисс Ли, раздраженная всей этой суматохой. — Флавия, по-видимому, увидела обычного молодого человека — вам известно, как нынче одеты молодые люди и какие у них прически. Пошли, Флавия, — твердо сказала

она, — будем пить свой чай.

— Да, чай — это лучшее решение вопроса, — согласился Том.

Этот маленький эпизод завязал узы взаимной симпатии между Эммой и Томом, и оба, по-видимому, это почувствовали. Том задумался о трудностях жизни с человеком, с которым не всегда сходишься во взглядах. Эмма рассуждала примерно так же и поймала себя на мысли о том, что, думая о Томе и Дафне, не понимает, почему он не попытался наладить более приемлемый для себя «образ жизни». Почему он, человек, несомненно, привлекательный и интеллигентный, не сделал попытки жениться вторично?

Некоторые члены их группы уже устроились под деревом на лужайке, а не в темных кущах, которые видели при въезде в парк. Эмма заметила, что миссис Дайер и ее приятельницы уселись поодаль от Тома и исторических дам, сгрудившихся вокруг него, но она была уверена, что Том тут ни при чем. Наоборот, он изо всех сил старался поддерживать равновесие, каких бы усилий оно ни требовало. Миссис Дайер изолировалась по собственной инициативе, а потом, наверное, будет винить в этом его.

Адам Принс опустился на землю с осторожно-

стью — его новые джинсы тоже были несколько узки.

— Надеюсь, вы не будете предъявлять к нам тех требований, которые предъявляете к ресторанам, — заметила мисс Ли, подавая ему чай в пластмассовой зеленой чашке и на самом деле вовсе не интересуясь его мнением. «Работа» Адама Принса служила поводом для шуток в поселке — неужто людям платят деньги за то, что они едят то в одном, то в другом дорогом ресторане?

— Я уверен, что и на этот раз чай у вас будет не менее вкусный, чем всегда, — отозвался Адам, сейчас скорее сладкоречивый служитель церкви, нежели ресторанный инспектор; в конце концов, ему довелось довольно долго питаться весьма скромно.

— А почему бы нам не устраивать пикники на территории нашей собственной усадьбы? — спросила Эмма. — То есть в рощах возле особняка?

— Мы ни разу не пробовали, — ответил Том. — Почему-то этот вопрос никогда не возникал. По-моему, нам это представлялось несколько неуместным — слишком близко к особняку.

— В прежние дни, — сказала мисс Ли, — в августе школьников приглашали в усадьбу на чай.

— Теперь в этом нет необходимости, — заявила

Эвис. — Люди не нуждаются в подобной благотворительности.

Конечно, раз существуют «Гордость матери» и тушеная фасоль Хайнца (спасибо, ма), подумала Эмма, владельцу поместья нынче ни к чему устраивать пикники для детей арендаторов.

— Так ли это? — спросил Адам. — По-моему, нынче люди нуждаются в помощи еще больше, чем раньше.

— Для этого есть социальное обеспечение, — ответила Эвис. — А личная опека или попечительство, называйте, как хотите, сметены с лица земли, и это отлично.

— Вместе с ними, возможно, сметены отчасти и люди, — осторожно вставила ее мать.

— А я скучаю по поместью, каким оно было когда-то, и по всему тому, что оно олицетворяло, — сказала мисс Ли. — У нас в поселке теперь нет единого центра.

— По-моему, место джентри сейчас заняли служители церкви и врачи, — отозвалась Эмма.

С этим Эвис готова была согласиться, хотя считала, что на первое место следует поставить врачей. Том молча улыбнулся. Он думал о своей встрече в мавзолее с доктором Геллибрандом и о том, как все мы кончаем одним и тем же, превра-

щаясь в прах или пепел, называйте, как хотите.

— Известно ли вам что-нибудь про мисс Верикер? — спросил Том у мисс Ли. Он вспомнил про последнюю гувернантку и про то, что она любила посещать мавзолей.

— Да, мы поддерживаем связь. На рождество я получила от нее открытку, бесплатную разумеется, с рекламой какого-то фонда. Не помню точно, но вроде имеющего отношение к охране природы. А на обороте она написала несколько слов.

— Я заметила, что такими открытками пользуются очень многие, чтобы не платить за марку, — заметила Магдален.

— Мисс Верикер съезжает с квартиры и будет жить вместе с племянником и его женой, — добавила мисс Гранди, заговорив впервые после своего «видения».

— Тогда ей суждено скучать по своей квартире, — отозвалась Магдален. — Если бы кто знал, как грустно лишаться независимости.

— Что ты говоришь, мамочка? — всполошилась Эвис. — Ты несправедлива к нам. Не знаю, что мы делали бы без тебя! Ты и в доме подмога, и с детьми посидишь. И разве ты лишена независимости?

— Я, пожалуй, выкурю сигарету, чтобы отогнать

комаров, — вдруг заявила Магдален.

— Тебе же известно отношение Мартина к сигаретам, — предостерегла мать Эвис.

— Да, на свежем воздухе неплохо покурить, — заметил Адам, доставая из кармана старомодный серебряный портсигар. — Попробуйте-ка моих, миссис Рейвен.

— А эта гувернантка, мисс Верикер, когда-нибудь приезжает к нам? — спросил Том. Он ни разу не слышал, чтобы она приезжала, но ему вдруг пришло в голову, что он мог бы воспользоваться ее воспоминаниями, а то и записать на магнитофон ее рассказ о жизни в поместье.

— Последнее время нет, — ответила мисс Ли. — Проезд ей не по карману, даже если она воспользуется льготами, предоставленными престарелым гражданам.

На мгновение воцарилось смущенное молчание. Нельзя ли в данном случае воспользоваться средствами из фонда приходского совета, расходуемого по усмотрению ректора, подумал Том, но предложить не решился.

— Лучше пусть сидит у себя в Лондоне, — сказала мисс Гранди, которая думала о том, какую церковь выберет мисс Верикер в Уэст-Кенсингтоне, где, помнилось, живут ее племянник с

женой.

— Скорей бы Дафна вернулась, правда? — спросила мисс Ли. Ей казалось, что, когда сестра Тома уезжает, он уходит из-под контроля, хотя в чем именно это заключалось, она определить бы не могла.

— Дафна решила взять собаку, — отозвался Том, представляя себе, как пес будет бегать по дому, нарушая давно устоявшийся порядок.

В другом автобусе в такой же жаркий день сидела Дафна, и взгляд ее покоился на серо-зеленых оливковых рощах — они тянулись бесконечно, милю за милей, километр за километром. Она упивалась музыкой, которая неслась из принадлежащего водителю транзистора, громкой, ревущей во всю мощь музыкой и песнями, в которых слышалось что-то восточное. Потом закрыла глаза, блаженствуя в шуме и жаре, и услышала вновь кваканье лягушек, как накануне вечером, когда они с Хетер гуляли по городу и видели, как в одной из боковых улочек жарились на вертелах целые овечьи туши. Еще раньше она была просто ослеплена уродливыми, похожими на белые кубы домами в деревне, залитой полуденным солнцем, — как это не похоже на сырость и серую скуку ее собственного дома. Она

сравнивала машинально, вся во власти настоящего, начисто выкинув из памяти прошлое. А увидев сгрудившихся под навесом в поле овец, по какой-то странной причине представила себе исторических дам Тома, но не задержалась на этой мысли, а наоборот, постаралась поскорее забыть ее.

В воскресенье, вернувшись с экскурсии, Эмма пошла в церковь. На вечерней службе присутствовало немного народу, но эта служба показалась ей более приятной, даже более «внушительной», нежели утренняя, «семейная», когда мешает детский плач. Из проповеди она ничего поучительного не вынесла, потому что слушала невнимательно, но у нее сложилось впечатление, что проповедь эта у Тома не из лучших, ибо он свалил в кучу прошлое и настоящее. По окончании она быстро ушла, не дожидаясь, когда он выйдет на паперть прощаться с прихожанами.

Напротив церкви был дом, который давно интересовал ее. Его сад был полон старых автомобилей. Владелец дома, приобретая новую машину, казалось, просто бросал старую, как змея, сменившая кожу. А старые автомобили напоминали ей старых животных, а то и старых людей, собранных в доме для престарелых. Было

что-то чарующее, даже прекрасное в этих машинах, одна из которых стояла закутанная от дождя в серый пластик еще с пятидесятых годов, и Эмма несколько минут не могла оторвать взгляда от сада с завалившимся забором, где среди деревьев виднелось нечто похожее на быкообразный «моррис», машину, ставшую уже достоянием истории. Интересно, знает ли об этом Том, хотя, по правде говоря, его занимает куда более далекое прошлое и для него старые автомобили — лишь бельмо на глазу, как и для многих других жителей поселка. Тем не менее это тоже история, и не знаменательно ли; не символично ли то, что кладбище машин находится прямо напротив кладбища при церкви? Нет ли здесь смешения двух религий — старой и современной — и нельзя ли отразить это, например, в статье «Влияние старых автомашин на Уэст-Оксфордшир»?

Дома она уселась за работу и забыла о том, что видела. Позже она снова взяла в руки письмо Грэма и задумалась над ним. С обычным человеком может случиться все что угодно, но в отношениях между мужчиной и женщиной разнообразия почти не существует. А потому было бы куда проще, если бы Грэм позволил себе выйти за рамки скупой информации, которая содержалась в его

письме, даже намекнуть о своих чувствах. Это могло бы помочь ей разобраться в ее собственных, ибо она далеко не была уверена, нужен он ей или нет. Между прочим, существует и телефон, думала она, глядя на молчащий аппарат. Его модный серый цвет, считалось, олицетворяет мир и покой (если, разумеется, не рассматривать, что тоже не исключено, серый цвет как цвет одиночества).

Когда же телефон зазвонил, она не удивилась, услышав голос Грэма и узнав, что дом, который он арендовал, это тот самый дом в лесу, который называли «разрушенной сторожкой». По-видимому, в нем можно жить, но будет ли молочник доставлять туда молоко? Пусть Эмма узнает. А кстати, и хлеб, картофель и кое-что еще из продуктов. Смеет ли он надеяться, что Эмма все уладит?

15

В то лето Том не уехал в отпуск, даже когда Дафна вернулась из Греции. Он с облегчением вздохнул, убедившись, что она не вспоминает о своем желании приобрести собаку, — возможно, застоявшаяся жара была не самым подходящим для этого временем. Что же касается его самого, то мгновенное путешествие в семнадцатый век на машине времени, которое Том предпочел бы любому отпуску, еще не было изобретено. Его не привлекала Испания, куда собирались миссис Дайер с сыном и снохой, или «Приют отшельника» — пансион ассоциации христиан в Уэст-Кантри, где решила пожить мисс Ли, и не хотелось даже в Лондон — мисс Гранди ехала туда на несколько дней с намерением посетить близкие по духу церкви. Середина лета — не время больших церковных праздников, к тому же ходить по церквам, как говорится, для души его давно уже не тянет. Семейство Шрабсоулов предполагало снять дом в Корнуоле, где матери Эвис предстояло проводить целые дни с детьми на пляже, в то время как Адам Принс переправился в своем ярко-красном «рено» в Дордонь и

разъезжал там в поисках трюфелей и момбазилика — самый изысканный способ проведения отпуска. Доктор Геллибранд с женой уехали в Шотландию, где остановились в замке у старых друзей. Том был доволен, что на этот раз не приехал присматривать за их домом брат доктора, викарий, ибо в один из своих приездов ему не терпелось оказать помощь в проведении служб, и было так неловко признаться, что они никогда не кадят и что у них нет ни кадила, ни ладана. Робби и Тэмсин Бэрраклоу оказались наибольшими любителями приключений, отправившись куда-то на восток, не то в Афганистан, как говорили одни, не то в Индию, как утверждали другие, — словом, в том направлении.

Эмма ждала мать и Изобел, которые собирались заехать ненадолго, а август провести у Изобел в Озерном крае. Интересно, почему директрисе школы так пристало иметь дом в Озерном крае? Здесь явно прослеживается какая-то связь с Вордсвортом и с любовью викторианцев к горам, ибо дом принадлежал еще деду Изобел.

За неделю до переезда Грэма в лесную сторожку, которую он арендовал, у Эммы гостила ее старая школьная подруга Ианта Поттс. Эмма всегда чувствовала себя виноватой перед Иан-

той, которая упорно старалась еще со школы не терять с нею связи, в то время как Эмма порой совершенно забывала про их дружбу. Ианта работала в музее и уже давно питала любовь без взаимности к одному из своих коллег. Из-за этого, а также из-за того, что Ианта жила в довольно мрачной квартире на пользующейся дурной славой стороне Килберн Хай Роуд, Эмма сочла себя обязанной пригласить ее, поскольку сама сейчас жила в поселке и погода стояла отличная.

Эмма заметила, что жизненные трудности заставили Ианту сосредоточить все свое внимание на собственном здоровье, дабы сохранить себя и для грядущих невзгод. Наличие двух врачей в поселке произвело на нее больше впечатления, нежели пленительный покой, исходящий от каменных строений медового цвета или по-летнему красочных цветочных клумб в садах. Они совершили несколько прогулок, в том числе мимо сторожки, куда скоро должен был приехать Грэм. Ианта обратила внимание на романтическое расположение дома, но добавила, что там должно быть сыро от такого количества деревьев вокруг.

— У тебя, кажется, когда-то был с ним роман? — спросила она таким тоном, будто то, что было между Грэмом и Эммой, осталось в прошлом

без какой-либо надежды на будущее. Эмму это разозлило, ибо, хотя она и не испытывала сильного чувства к Грэму, а по правде говоря, весьма сомневалась, испытывает ли она к нему вообще что-либо, не Ианте намекать на то, что между ними ничего нет. Но решила пропустить это замечание мимо ушей и начала расспрашивать Ианту про ее собственный роман. Все еще Иэн? До сих пор он?

— Да, — призналась Ианта. — Только, боюсь, надеяться не на что. Видишь ли, мне стало известно, что он голубой.

Ее грустный тон и печальная внешность павшего духом человека — она была высокой, с мышиного цвета волосами, висящими прядями вдоль лица, — чуть не заставили Эмму улыбнуться и высказаться по поводу не подходящего к случаю слова. Но она прекрасно знала, что говорят именно так. Иэн — вот уж не голубая личность, — оказывается, жил вместе с молодым человеком по имени Бруно.

В воскресенье утром они пошли в церковь.

— Ваш викарий довольно интересный мужчина, — заметила Ианта. — Он дал обет безбрачия?

— Нет, он вдовец, и он не викарий, а ректор.

У Эммы было время подумать над этим в вос-

кресенье вечером, потому что Ианте пришлось уехать сразу после пяти («Должна быть в музее в понедельник утром к девяти тридцати», — с угнетающей педантичностью объявила она), а это означало, что, проводив Ианту, Эмма снова направилась в церковь, где принялась рассматривать Тома с еще большей беспристрастностью. Что ни говори, а мужчина он и вправду интересный и, помимо того, «положительный», приятный, благожелательный. Нет, конечно, не очень энергичный, но кому это нужно? Пение гимна:

Ради красоты земли,

Ради красоты небес —

с его строфами о радостях любви (братской, сестринской, родительской, детской), которые неизменно вели к размышлению о других более увлекательных разновидностях любви, заставило Эмму подумать о том, что Тому нужна жена, а Ианте нужен муж. Не познакомить ли их? Глядишь, что-нибудь и получится, но разве нельзя найти кого-нибудь получше Ианты? Он ни в коем случае «не испытывал отвращения» к женскому обществу, решила она, довольная собственной формулировкой.

На этот раз Эмма задержалась, чтобы попро-

щаться, но ни словом не обмолвилась об Ианте, хотя та только что уехала, да и Том тоже не спросил про нее и не полюбопытствовал, куда она делась. Вместо этого, когда в их беседе наступило неловкое молчание, Эмма сказала ему, что в лесную сторожку приезжает Грэм Петтифер. «Работать над книгой», — добавила она, словно его приезд мог быть вызван какой-либо иной причиной.

— О, вам это будет приятно, — отозвался Том, изо всех сил стараясь не показать, насколько эта новость огорчила его. — Он внесет оживление в нашу общину, — добавил он по-духовному чопорно, сказав то, что от него ожидалось, но что совершенно ничего не означало, ибо как мог ученый-агностик, да к тому же человек довольно скучный, представлять интерес для их «маленькой общины»? Эмма была разочарована и отправилась домой, чувствуя, что Том и Ианта вполне заслуживают друг друга.

Когда позже зазвонил телефон, оказалось, что звонит вовсе не Грэм с последующими указаниями по налаживанию его хозяйства, а ее мама. У них в колледже устраивается ежегодная встреча бывших студентов, так не хочет ли она, Эмма, приехать? Пока Эмма размышляла, Беатрис до-

бавила, что, по ее мнению, на встречу явится и Клодия Петтифер. Неужели Эмме не любопытно хоть взглянуть на нее? «И надень что-нибудь красивое», — велела Беатрис, словно Эмма все еще была школьницей, неспособной выбрать именно то, что нужно.

16

На этих вечерах Эмме всегда казалось, что маме хочется, чтоб в глазах окружающих она, Эмма, представала бы иначе, в более выигрышном свете: дочь, которой можно гордиться, — замужняя, мать прелестных детишек, или незамужняя, но все же мать прелестных детишек, ну а если не это, то хотя бы очень преуспевающая в избранном деле, персонаж телевизионных встреч с интересными людьми, известная актриса или даже романистка, — словом, чтоб было в ней нечто особенное, выделяющее ее из толпы выпускниц и педагогов, которые попивали сейчас вино в жарком сумраке сада. А Эмма, помимо того что была всего лишь заурядным социологом, напечатавшим только несколько статей в никому не ведомых научных журналах, вдобавок и выглядела-то не слишком красивой или импозантной. На ней было одно из ее скучных хлопчатобумажных платьев с серо-черным рисунком, и даже прическу она сделать не успела. Контраст между ней и стоявшей рядом Клодией Петтифер, «хорошенькой свиристелкой», как ее определила Беатрис, вызывал ироническую улыбку.

Клодия, высокая, элегантная, в яркой цветастой свободного покроя тунике, вид имела, можно сказать, сногсшибательный. Глаза она прятала за темными стеклами очков, а волосы в соответствии с модой завивала мелко и пышно — прическа, казалось бы, не слишком подходящая жене серьезного ученого и лишнее доказательство того, что она «свиристелка». Но кто осудит ее, если вспомнить, как занудлив бывает Грэм. А поскольку он женился на Клодии после мимолетного романа с ней, Эммой, значит, как заключила она по размышлении, он нуждался тогда именно в свиристелке. (А что же теперь, его вновь потянуло на родную ему унылость? Нет, лучше так не думать.)

— Красное или белое? — Перед ними появились бокалы вина на подносе.

— Кардинальный вопрос, не так ли? — заметила Клодия, шутливо и добродушно. — Уж цвета-то нас различать научили, правда?

— Мы и сами в них достаточно разбирались, — сказала Эмма, беря бокал с чем-то бледным.

— Вы в каком году окончили? — спросила Клодия.

— Я училась не здесь, а окончила Лондонское экономическое. Изучала там социологию.

— Ах да, Лондонское экономическое! И вы знаете или знали когда-то Грэма.

— Да, я его знаю. — Почему-то Эмма не сочла нужным что-либо добавить, лишь подтвердив, что знает мужа Клодии.

— Он снимает лесную сторожку где-то в ваших краях. Говорит, что книгу кончает. — Клодия рассмеялась, словно желая показать, что правдой это быть никак не может, но ей это все равно. — Хорошо бы вы там за ним приглядели.

— Да, я, наверно, навещу его там, — сказала Эмма. Добродушно-дружеский, даже ласковый тон их беседы казался ей наигранным, словно Клодия, не заботившаяся о Грэме, считала его недостойным забот и всякой другой женщины, а потом она вообще заявила, что Эмма самый подходящий человек, чтоб приглядывать за Грэмом, потому что знала Грэма «еще бог знает когда».

— Не так уж давно это было, — сказала Эмма, задетая таким намеком на возраст. Интересно, сболтнула она это просто так или уже показывает коготки.

— Ах, годы бегут, а на таких встречах это особенно чувствуешь! — И Клодия, как бы в подтверждение сказанному, огляделась вокруг. Разбившись на группки, женщины самозабвенно

погружались в прошлое. — Все последующие события жизни кажутся такими незначительными, когда к тебе подходят и окликают по имени, которым ты звалась двадцать лет назад!

Тут к Клодии подошли («Боже мой, неужто Клодия Дженкс?»), и их с Эммой разлучили. И все же, что ни говори, знакомство состоялось. Было гораздо спокойнее и, конечно, не столь ответственно беседовать потом с одной из коллег Беатрис, занимавшейся математикой и, видимо, в какой-то степени и садом, а потому беспокоившейся, нет ли сквозняка и не вреден ли сквозняк для газонов. Эмма, поняв, что усилий отвечать от нее не требуется, приняла к сведению тревоги собеседницы и взяла с подноса еще один бокал бледного вина. Бледное и, как казалось, некрепкое, оно все же ударило ей в голову, придав ощущение легкости. Интересно, напиваются ли на таких вечерах, где преобладают женщины? На встрече присутствовало лишь несколько мужчин, по большей части мужей, и она прикинула, мог ли раньше посещать подобные вечера Грэм в таком качестве, ждал ли он с покорным видом, чтобы эта сногсшибательная Клодия представила его своим сокурсницам и преподавательницам. Не забыть спросить его об этом, когда будет разговор

о вечере и знакомстве с Клодией, если разговор этот будет.

— У тебя была интересная беседа? — спросила подошедшая к Эмме Беатрис.

— О да, она держится вполне по-дружески. Я даже думаю, что, если б надо было, мы бы с ней нашли общий язык. Между прочим, она решила, что я стану приглядывать за Грэмом.

— Что же ей еще остается говорить?

— Обычное супружеское подтрунивание, — иронически заметила Эмма. — По всей видимости, она, как и я, считает Грэма порядочным занудой.

— Вряд ли, — сказала Беатрис, которой не понравился этот Эммингтон, — а к тому же, думаю, голова у ней сейчас забита другим. Она рассказала мне, что занимается переездом в новый дом в Излингтоне, и это, наверно, отнимает у нее все время.

Грэм упоминал об этом, говоря, что для них вообще-то дом слишком велик, неудобен — на каждом этаже лишь по две комнаты, но Клодии замстилось туда переехать и потому с его мнением не считаются. Может быть, идея спрятаться на лето в лесной глуши и возникла из чувства протеста. А потом, на что бы там Клодия ни наме-

кала, ему ведь надо кончать книгу.

— Дом с видом на канал, — продолжала Беатрис. — Район, как я слышала, модный. Ну мы посмотрим, как пойдут дела.

Мы посмотрим? Обдумывая эту заключительную туманную фразу, Эмма недоумевала. Словно мама и тут всем заправляет!

— Грэм переезжает сегодня вечером, — сказала она. — Я зайду к нему узнать, не надо ли чего.

— «И есть ли все нужное в ванной», — процитировала Беатрис. — Так важно не забыть про все эти туалетные мелочи, а потом еще запастись консервами, суповыми концентратами, бобами… Но ты, думаю, иногда сможешь и сварить ему что-нибудь?

— Тащить по лесу кастрюлю? — возмутилась Эмма. — Да, думаю смогу.

Пойти навестить Грэма Эмма собралась только утром, но от волнения, с которым она предвкушала это накануне, не осталось и следа, когда она шла по знойной улице, и голова у нее немножко болела, а во рту пересохло, так как на встрече она, должно быть, чересчур увлеклась бледным и некрепким вином.

Улица выглядела незнакомой и пустынной, но, хоть Эмма заметила на ней лишь несколько ко-

шек и собак, спавших в подворотнях, ей казалось, что за ней наблюдают и видят, как она направляется к лесу. Все будут знать, куда она ходила, потому что, конечно же, всем известно, что Грэм (доктор Петтифер) снимает лесную сторожку, а зачем — это уже другой вопрос. Кое-кто даже полагает, что, будучи «доктором», он вознамерился составить конкуренцию доктору Геллибранду и Мартину Шрабсоулу, правда, с другой стороны, не станет же он принимать больных в лесу, не знахарь же он, в самом деле?!

Окруженный деревьями домик, несмотря на возможную в нем сырость, показался ей весьма милым, так как управляющий распорядился привести в порядок сад и расчистить от сорняков мощенную кирпичом дорожку. Видны были даже кое-какие цветы — самосеющиеся ноготки и вполне симпатичные лесные растения, но эффектнее всего выглядел сам Грэм, он расположился на траве возле пишущей машинки на складном столике и кипы карточек — типичный сухарь ученый, удалившийся в деревенскую глушь для работы. Вид он имел трогательный, даже до смешного, и Эмма почувствовала, что улыбка ее выражает не просто любезность и гостеприимство.

При ее приближении он поднял на нее глаза, а ее «привет, значит, ты добрался благополучно» было принято достаточно сердечно, но затем послышалось:

— Я ждал тебя попозже. Неужели ты по утрам не работаешь?

— Иногда работаю, но я хотела посмотреть, как ты устроился, и узнать, получил ли ты молоко и продукты из магазина.

«Неужели я когда-то любила этого человека?» — подумала Эмма, и тут же промелькнула мысль, не следовало ли им при встрече поцеловаться или хотя бы найти друг для друга какие-нибудь слова потеплее.

— Спасибо, молоко я получил утром, и утром же прибыла коробка с продуктами весьма странного ассортимента.

— Странного? Чем же странного? Я просто попросила их прислать самое необходимое: хлеб, масло, сыр и разных консервов на всякий случай.

Грэм улыбнулся:

— Мне показалось странным присылать мне сюда овощные консервы. Я собирался покупать здесь овощи с грядки, хотя бы, к примеру, с твоего огорода. И я не так уж люблю макароны коль-

чиками.

— Я не занимаюсь огородничеством, — сказала Эмма, почувствовав себя уязвленной (наверное, так можно охарактеризовать это чувство?). — А банка горошка или консервированной моркови тебе еще очень пригодится. Что же касается макарон кольчиками, то, видимо, миссис Бленд из магазина сочла их хорошим легким ужином.

— Значит, мы с ней по-разному понимаем, что такое ужин. Ах да, там еще был *нарезанный* хлеб!

— Ты придирчив, как Адам Принс.

— Я надеялся, что ты зайдешь вчера вечером и принесешь мне что-нибудь домашнее. У меня здесь есть запас отменных вин.

Последнее замечание Грэма хоть в какой-то степени выражало личную заинтересованность, и перед Эммой предстал их будущий вечер в сторожке за чем-нибудь домашним и бутылкой вина. Они с Грэмом вновь воскресят то, что связывало их в дни их первой встречи в Лондонском экономическом, как бы неопределенно оно ни было.

Но сейчас Грэм работал и, видно, не хотел, чтобы его отвлекали.

— По утрам я должен работать, — сказал он. — Мне ведь вправду надо кончить книгу.

— Конечно, ведь ты за этим и приехал сюда. Ты мечтал о тишине и покое, чтоб кончить книгу. Но почему бы тебе сегодня вечером не прийти ко мне в гости и не поужинать со мной?

Это несколько натянутое приглашение было затем развито и принято, после чего Эмма отбыла, не совсем уверенная, может ли она испытывать удовлетворение или нет. О встрече и разговоре с Клодией она не упомянула нарочно — это подождет до следующего раза. Уже в поселке она вспомнила, что Дафна Дэгнелл вернулась из Греции и вечером рассказывает о своей поездке в «Женском институте». Послушать ее было бы довольно интересно, и она пожалела, что пригласила к ужину Грэма, но возвращаться и переносить приглашение на другой вечер она уже не могла.

Заметив во дворе Тома, она стала размышлять, зайдет ли он навестить Грэма из любопытства или посчитав это своим пасторским долгом. Она не забыла глупое замечание Тома, сказавшего, что приезд Грэма внесет оживление в их маленькую общину. Пусть сам узнает, насколько он ошибался.

17

В эти долгие летние месяцы в поселке было совсем не плохо; даже в ректорском доме потеплело и в промозглых комнатах, где зимой тянуло холодом и стоял запах керосина, теперь царили приятная прохлада и свежесть. К тому же сознание, что дни ее здесь сочтены и срок истекает, придавало Дафне силы сносить то, что давно уже превратилось для нее в тягостное бремя. Они с Хетер успели подробно обсудить все, что им надлежало сделать, и теперь почти все было сделано, Хетер предстояло лишь съехать с квартиры, а Дафне сообщить Тому, что она покидает его. Конечно, их расставание вряд ли сопоставимо с разводом, когда муж или жена покидает свою половину, но все же с тех пор, как умерла Лора и она приехала к Тому, чтобы «поддержать гаснущий очаг», они прожили вместе не один год. Так что новость произведет на него впечатление неприятное и даже болезненное.

Для сообщения она выбрала утро, когда разделывала тесто на кухне. Только что она поставила в печь пирог с крыжовником и, не зная, что делать с остатками теста, придавала им то одну, то

другую форму, превращала то в цветы, то в зверюшек, а потом — не без умысла — в маленьких человечков, напоминавших ей кикладские фигурки, которые она видела в афинском музее. Том был с ней на кухне, околачивался возле стола, по своему обыкновению. Подходящий момент для разговора.

— Том, — начала она, — я скоро уезжаю.

— Что? Новые каникулы? Но ведь ты только-только приехала!

Вечно это поддразнивание, которое так ее бесит!

— Нет, не новые каникулы. Хетер обо всем договорилась, теперь все устроено.

— Ах, что же это будет — хижина на греческом острове, клочок земли на Пелопоннесе или квартирка с видом на Акрополь?

Он по-прежнему не хотел говорить с ней серьезно.

— Нет, ничего подобного, — твердо выговорила Дафна. — Хетер купила дом, и я собираюсь там с ней поселиться.

— Дом! Боже милостивый! Должно быть, она клад нашла! Дом в Греции стоит столько, что и вообразить невозможно, верно? Конечно, если только это не какая-нибудь развалина бог знает

где, но тогда вы с Хетер туда как-то не вписываетесь.

— Дом этот не в Греции, — терпеливо пояснила Дафна. — Он находится на окраине Бирмингема, в очень милом районе, и задумала я это совершенно серьезно.

— В Бирмингеме? — Том расхохотался. — Как это о нем говорится? Слова доброго не стоит или что-то в этом роде? Ты шутишь, наверное.

— Это очень милый дом в очень милом месте, — с вызовом повторила Дафна.

— Ну а как будет теперь с собакой, которую ты хотела завести? Ты же не станешь держать собаку в Бирмингеме.

— Почему же нет? Множество бирмингемцев имеют собак, а рядом с домом, где мы будем жить, есть пустырь и роща.

— Но непохожая на здешние леса, никакого тебе лисьего помета, серого и удлиненной формы!

— Возможно, лисы водятся и там. В наше время они часто селятся на городских окраинах и роются, как я слышала, в мусорных ящиках. Природа не стоит на месте.

— Когда же ты отправляешься? — спросил Том, решив поддержать игру и притворившись, что верит в этот, как ему все еще казалось, бредовый

замысел.

— На той неделе, — с готовностью ответила Дафна. — Мы сочли, что лето — хорошее время для переезда и устройства. Хетер уходит из своей библиотеки. Собственно, она уже ушла: вчера устраивала там прощальный чай.

— А как ты считаешь, она не согласится здесь пожить? — спросил Том. — Места достаточно. Она могла бы обосноваться в мезонине. Там, я уверен, несложно соорудить что-нибудь, на чем готовят, — можно купить удобную керосинку или даже примус, а ванная у нас была бы общая. Мебель бы она, конечно, перетащила свою, она столько лет снимала квартиру, что мебель у нее, надеюсь, есть.

Дафна не удостоила ответом эти смехотворные рассуждения, но лишь повторила, что рассчитывает уехать на будущей неделе. Она уже почти собралась, разложила то немногое, что у нее есть.

— А мебель какую-нибудь ты заберешь? — спросил Том.

— Разумеется, нет, ведь это твоя мебель, верно? Твоя и Лорина.

— Серьезно? Не помню, но если тебе что-то требуется, к примеру, твоя кровать…

— Моя кровать? Зачем она мне?

— Ну, обычно люди привыкают к своей кровати, в особенности люди пожилые. Иной раз бывает не так легко приспособиться к новой кровати.

— В жизни не слыхала ничего смешнее, особенно если вспомнить мои заграничные путешествия и кровати, на которых мне тогда приходилось спать!

Дафна опять скатала тесто в один ком — вместе с кикладскими фигурками и всем прочим. Она сделает тарталетки с джемом, они пригодятся Тому для какой-нибудь из будущих его трапез. Как станет он управляться один? — хладнокровно думала она. Возможно даже, что он вовсе не будет ощущать ее отсутствия, кроме как в хозяйственных мелочах, а с ее отъездом испытает облегчение. Сколько лет она убила на то, чтобы поддерживать гаснущий очаг для Тома, который и не замечал ее возле этого очага! Хетер всегда говорила, что этот ее порыв поддержать очаг после Лориной смерти был ошибкой. Если б не она, Том мог бы вторично жениться и, вероятно, уже женился бы, если вспомнить, как бегают женщины за священниками. Так смягчила ли она Тому жестокий удар или помешала его счастью?

Кто знает…

— Тарталетки с джемом… — сказал Том. — Это к чаю?

— Если хочешь, но тогда не многовато ли теста получится, если ко второму завтраку я пеку пирог с крыжовником?

— По-моему, ничего страшного. До чая я и забуду про пирог. Ты сказала миссис Дайер о своих намерениях?

Лицо Дафны омрачилось. Сообщить новость миссис Дайер было неприятной задачей, выполнение которой она откладывала, уверяя себя, что Тому, видимо, следует узнать об этом первым.

— Завтра скажу, — ответила она, — а раньше говорить не стоило. Не хочу, чтоб знал весь поселок.

— Вероятно, он и так знает, — кротко заметил Том. — Я, конечно, не стану пытаться удерживать тебя.

— Вряд ли ты и смог бы удержать меня, правда?

— Правда. Надеюсь, ты будешь счастлива, — добавил он серьезно, словно напутствуя ее перед свадьбой. — Ты и Хетер. В конце концов, вы знаете друг друга так давно, столько лет путешествуете вместе…

«И ты не я», — мысленно добавил он. Наверное, он был эгоистом, рассчитывая, что Дафна проведет все эти годы, здесь и не устроит свою судьбу. Но он не ожидал от нее подобного. Она появилась в его доме внезапно в то странное смутное время, которое последовало за смертью Лоры, а теперь, так же внезапно, исчезает. Пока он еще не в состоянии оценить, чем грозит ему эта перемена. «По крайней мере, собаки теперь не предвидится» — такова была его первая, не совсем адекватная реакция. Он решил пойти в церковь или даже лучше побыть в мавзолее, предаться там размышлениям о бренности всего сущего, но была опасность столкнуться там с доктором Геллибрандом, а такого рода встреча ему в это утро показалась нежелательной. Дело кончилось тем, что он удалился в кабинет к своим историческим хроникам. Он и сам не раз начинал вести дневник-хронику частной жизни семидесятых годов, которая могла бы соперничать с произведениями знаменитых клириков-хроникеров прошлого — Вудфорда или Килверта. Ну а что написать о событиях этого утра? «Моя сестра Дафна спекла пирог с крыжовником и сообщила мне, что поселяется на окраине Бирмингема». Может ли такая запись представить интерес для

читателей будущего века?

18

Эмма чувствовала, что в поездке в город автобусом было нечто унизительное — начиная с того, что она не знала, сколько надо платить, и долго рылась в поисках необходимой мелочи. Автобусом ехала она не впервые, но билеты в последнее время вздорожали.

— За двадцать пять центов вы теперь далеко не уедете, — заметила миссис Дайер, наслаждавшаяся, как показалось Эмме, ее смущением, когда выяснилось, что Эмма хотела заплатить по старой таксе.

Сюда бы, в этот автобус, Тома с магнитофоном или других любителей местного колорита, — думала Эмма, — вот где наслушаешься всяких речений и диалектизмов — всего, что может быть интересным будущим поколениям. Но разумеется, путешествовать на здешнем автобусе Тому было бы крайне неловко. Да и ей это не совсем ловко, и дело тут вовсе не в цене билета, а хотя бы в том, что миссис Дайер тут же обратилась к ней с вопросом:

— Не на машине сегодня, мисс Ховик?

— Нет, она на обслуживании.

Почему-то такой ответ крайне позабавил миссис Дайер и ее соседку. Эмма подумала, не могли ли эти слова навести их на воспоминания о каких-либо деревенских ритуалах, причем в голове ее мелькнуло что-то о коровах и быках, но она предпочла в эту материю не углубляться.

Не меньше смутил ее и второй вопрос миссис Дайер.

— Как поживает этот ваш друг в сторожке? — спросила та. — Повезло ему, раз вы ему туда еду таскаете.

Разумеется, она намекает на тот случай, когда Эмму видели с кастрюлей. Эмма не знает, кто ее видел, но, несмотря на то что кастрюля была наполовину скрыта тогда корзиной, она все время чувствовала ее смущающее присутствие — и миссис Дайер, конечно, обо всем разнюхала. Идти по лесу с кастрюлей — какая глупость! Эмма не смогла сдержать улыбку, но прежде чем она нашлась, что ответить на выпад миссис Дайер, автобус остановился у въезда в поселок и в него вошла женщина, которую она встречала за кофе у мисс Ли. Воспользовавшись благоприятным случаем, Эмма с радостью ухватилась за нее и напомнила ей, что они знакомы, заодно вспомнив сама, что зовут женщину миссис Ферс, что это

именно она не пьет, но и не осуждает пьющих и что на лотерее вместо бутылки вина, пожертвованной Адамом Принсом, эта женщина выбрала зеркало с безобразным орнаментом из листьев и фруктов.

Миссис Ферс уселась напротив Эммы, а миссис Дайер и ее приятельница углубились в разговор, причем Эмма слышала, что разговор у них шел о том же, о чем сейчас же заговорила и миссис Ферс, вполголоса заметившая:

— Что же будет делать ректор, когда теперь…

Эмма притворилась, что не сразу поняла о чем речь, хотя отлично все поняла. Странным образом она ощутила смутное желание уберечь Тома от местных сплетен и пересудов, так что миссис Ферс пришлось пояснить свою мысль:

— …с его сестрой кончено…

— Но она жива-здорова!

— Нет, не в этом смысле кончено, но ведь она уехала, правда? Покинула ректорский дом.

— Да, покинула, — согласилась Эмма.

В поселке видели Дафну, ехавшую на машине на станцию «с кучей вещей», как сочли некоторые.

Тут автобус подъехал к следующей остановке, и в него вошли еще несколько человек. В

ту же самую минуту показалась старенькая малолитражка Тома, направлявшегося в противоположную автобусу сторону.

— Господи боже! — воскликнула миссис Ферс с должной мерой удивления, с какой обычно говорят «легок на помине!» или наблюдают воскрешение из мертвых те, кого удостоили этим зрелищем. — Не ожидала увидеть его за рулем.

— По-моему, ему следует вести себя как обычно, — сказала Эмма. — Посещать прихожан в поселке, а потом, ведь церковь — это не единственная его забота.

— Все историей своей занимается, — с неожиданной горечью сказала миссис Ферс. — За этим, видно, и сейчас покатил.

Ищет остатки средневекового поселения, разъезжая в автомобиле? — подумала Эмма, но промолчала.

— Что он есть-то будет? И сможет ли сам делать покупки?

— Ну, не думаю, что он окажется уж таким беспомощным, — сказала Эмма. — В наше время мужчины легче справляются с подобного рода делами.

И все же в глубине души она не была уверена в Томе. Но не носить же ей кастрюли еще и в

ректорский дом!

— А потом, ведь у него будет миссис Дайер, — сказала миссис Ферс.

— О, разумеется, — сказала Эмма, чувствуя присутствие миссис Дайер у себя за спиной. Та тоже, по-видимому, говорила о Томе. Фраза «рис — просто объедение, только воды прибавить и разогреть» должна была относиться к какому-то блюду, приготовленному и оставленному ей для него.

— Наверное, мы тоже должны вмешаться, — сказала миссис Ферс, — или приходский совет, я имею в виду дам из приходского совета. Мне кажется странным, что мисс Ли бездействует.

— Он мог бы питаться с мистером Принсом, — сказала Эмма, которую внезапно осенила эта блестящая мысль. Хоть подобное и не принято, но разве не естественна была бы такая кооперация двух холостяков?

Тому также это приходило на ум, но больше как шутка, ибо он не забыл еще принадлежащий Адаму рецепт «спагетти на скорую руку» (интересно, сколько минут надо убить на это?) и его привычку наведываться в винный погреб за очередным «сюрпризом».

После отъезда Дафны Том забрел в пивную, не

столько желая выпить — при всем его интересе к местной истории он не принадлежал к числу священников, легко водящих компанию с прихожанами, — сколько для того, чтоб повидать мистера Спирса, хозяина пивной, ведавшего стрижкой травы на кладбище возле церкви. Трава там так разрослась, хоть сено заготавливай. Надо принимать меры.

— Здравствуйте, — сказал Том.

— Здорово, ректор.

— Время приспело траву скосить, — сказал Том, как ему показалось, весело и беспечно. По пути в пивную он репетировал, как скажет эту фразу. Он заказал маленькую кружку эля, хотя и знал, что эль считают «дамским напитком», пристроился с краю, после чего и произнес заготовленную фразу насчет травы, на которую ответа не последовало. Он упустил из виду, что мистер Спирс глуховат. Том отхлебнул глоток и сделал вторую попытку.

— Как с травой быть, не знаю, — сказал он погромче.

— Чудная вещь трава, — заметил мистер Спирс. — Вот и в гимне о ней поется.

Том вспомнил строки:

У старой церкви на холме

Печальный ряд могил,
Иные с камнем гробовым,
Бурьян иные скрыл.

Наверное, это и есть тот гимн, о котором говорит хозяин, только сейчас его не поют: слишком унылый, молодежи не подходит, да и вообще никому не подходит.

Мистер Спирс еще что-то говорил насчет травы — не то, дескать, что он собирался скосить, но у него косы не было, не то, что руки никак не доходят. Том отвлекся, погрузившись в размышления о гимне миссис Александер, и так и не понял, что же все-таки ответил мистер Спирс, а потом его отвлекло другое: в бар вошел Адам Принс.

— С сожалением услыхал о вашей сестре, — начал он. — Полагаю, она оставила вас, чтобы уехать в Грецию?

— Нет, не в Грецию, — сказал Том.

Ему надоело объяснять каждому про Бирмингем и слышать в ответ неизменные шутки.

— Но у вас есть опытная домоправительница? — спросил Адам, как будто понятия не имел о домашней жизни ректора.

— Только миссис Дайер, для так называемой «черной работы», хотя иной раз она мне и остав-

ляет еду, которую надо лишь разогреть.

— Знаете, что вам следует сделать? — сказал Адам.

Том помнил за ним особенность легко давать советы, причем обыкновенно советы такого сорта, которые невозможно было воспринимать всерьез. Однако на сей раз к нему прислушаться, может, и стоит.

— Вам следует… — Тут Адам прервал разговор с Томом, чтобы проинструктировать мистера Спирса относительно заказанного им розового джина. Он учил Спирса, как смешивать коктейль и сколько горькой настойки добавлять, чтобы напиток не был похож на vin rosé[16], как это произошло с первым стаканом. — Вы должны призвать на помощь здешних дам.

Том улыбнулся:

— Но каким образом? Ведь им известно, что Дафна уехала. Что же еще мне остается делать? Поместить в приходском журнале объявление? — Это была шутка.

— Вот именно! Ведь скоро там должно появиться ваше ежемесячное послание? Говоря высоким слогом, когда оно «идет в печать»?

---

[16] Примечания: 16
розовое вино *(фр.)*.

— В начале той недели. Мне пора уже переписать его начисто.

И тогда, совсем как в случае с мистером Спирсом и розовым джином, Адам начал обучать Тома изготовлению соответствующего обращения, предназначенного, как он выразился, «тронуть дамские сердца». Обращение получилось совершенно не таким, каким его хотел бы видеть Том, которому бы и в голову не пришло уповать на чью-то милость, не говоря уж о милости приходских дам, или взывать к «добросердечию и кулинарному мастерству» последних, но в результате он вынужден был признать, что в этой идее, возможно, что-то и есть. Не исключено, что ему и стоит упомянуть отъезд Дафны и «затруднения», лет, наверно, не «затруднения», лучше назвать их «перемены», которые ее отъезд вызвал в ректорском доме. И разумеется, надо постараться не обидеть миссис Дайер, что также немаловажно.

Таким образом, в послании, появившемся затем в журнале и прочитанном Эммой, значилось буквально следующее:

«Как уже известно теперь большинству из вас, моя сестра покинула меня, дабы

разделить очаг свой со своей подругой мисс Бленкинсоп, знакомой многим по неоднократным ее наездам в наши края. Они будут жить на окраине Бирмингема, неподалеку от прелестного зеленого пустыря, где сможет резвиться их собака. Я уверен, что моя сестра всегда будет живо интересоваться делами нашей общины, что она, равно как и мисс Бленкинсоп, станет частым гостем моего дома. Но, и это „но“ весьма существенно для меня, отъезд ее означает, что я остаюсь один и должен, по мере моих сил и при неусыпном попечительстве миссис Дайер, справляться со всем хозяйством. Разумеется, почему бы мне изредка и не попробовать приготовить обед. Говорят, что лучшие повара — это мужчины. Однако, не принадлежа к почтенному клану умельцев такого рода, я уповаю на милость дам и не теряю веры в их добросердечие и кулинарное мастерство. Надеюсь, вы окажете мне снисхождение, приглашая меня время от времени к вашему очагу, дабы я мог разделить с вами скромную трапезу в семейном кругу и дружеской обстановке».

Здесь интересная часть послания оканчивалась, и Эмма не дала себе труда продолжать чтение. Почему это его сестра с подругой «делят очаг», вместо того чтобы делить дом или квартиру? Вероятно, этим «очагом» и всем, что он символизирует, Том рассчитывал растрогать читателей, отсюда и просьба быть приглашенным именно «к очагу», и «прелестный зеленый пустырь», также вызвавший у нее улыбку. Что же касается «скромной трапезы в семейном кругу», то нетрудно вообразить смятение, которое вызвал бы в таком семейном кругу неожиданный визит Тома, или же тщательные приготовления к «скромной трапезе» в случае, если о таком визите было бы известно заранее. Бедный Том, несмотря на все эти ухищрения, надеяться ему особенно не на что. После нескольких приглашений он опять будет предоставлен себе самому и собственным своим запасам — готовому рису — «просто объедение», незаменимым «рыбным палочкам» и мясному пирогу с почками, разогреваемому прямо в упаковке. В противном случае ему придется довольствоваться нечастыми обедами с Адамом Принсом и ожиданием ее, Эммы, перебегающей улицу с кастрюлей в руках. Но на Тома одновременно с Грэмом ее не хватит, возможности

оказать Тому практическую помощь она для себя не видит. Нет, мнение о том, что мужчины беспомощны, ошибочно и старомодно, и процветать оно сейчас может лишь в таком богом забытом захолустье. Но как бы там ни было, Тома ей жаль и даже обидно за него, а раз испытав подобные чувства, не знаешь, куда они могут завести.

19

Направляясь к лесной сторожке, Эмма решила, что не будет каждый раз приносить Грэму еду. Иногда ему придется довольствоваться лишь ее обществом, беседой с ней и всем тем, что он может теперь ждать, а она предоставить. Еще раньше, обдумывая это, она решила надеть новое платье цвета, который, возможно, был ей более к лицу, чем ее всегдашние тусклые серо-черные тона. Ведь знакомство с Клодией и контраст между ними забыть было трудно. Вот она и выбрала цветастое сине-зеленое платье необычного для нее молодежного фасона и модной расцветки. Чувствовала она себя в нем довольно неловко, в особенности после того, как встреченный ею Адам Принс при виде нее чуть было не присвистнул. Она надеялась, что Грэм не решит, будто она нарядилась специально для него, и вместе с тем понимала, что, если он так решит, средства разубедить его у нее в запасе нет.

Но когда она подошла к сторожке и увидела, как Грэм в садике читает газету (похожую на «Гардиан»), ей стало ясно, что он чем-то поглощен и не в том настроении, чтобы обращать внимание

на ее наряды. Подняв глаза от газеты и заметив ее, он сказал:

— А ты слышала, что умерла Эстер Кловис?

— Мисс Кловис? Умерла? Нет, конечно, я не слышала… В газете написано? Некролог?

— Да, и весьма обстоятельный.

Эмма тоже присела на траву, чувствуя потребность разделить с ним приличествующую такой новости паузу, подумать о кончине всемогущей Эстер Кловис, великой женщины из их социологического прошлого. Лохматой Эстер Кловис с ее твидовыми пиджаками больше не существует.

— Разумеется, будет панихида, — сказал Грэм. — Я велю Клодии пойти.

«А прилично ли использовать для этой цели покинутую жену?» — подумала Эмма, но промолчала.

— Наверно, и мне следует пойти, — сказала она. — Мисс Кловис когда-то помогла мне со стипендией. А ты разве не пойдешь? — О своем знакомстве с Клодией она ему так и не сообщила, а теперь, похоже, момент упущен.

— Да некогда мне, ты только взгляни, — Грэм показал на кипу папок и кучу разбросанных машинописных листов.

Эмма потупилась. Могла бы и сама сообразить.

— Как идет книга? — спросила она, чувствуя некоторую наивность вопроса.

— Строго говоря, она вообще не идет, — ответил он, — так что, как видишь, я не имею права по любому поводу срываться в Лондон.

— Причислять мисс Кловис к «любым поводам» не совсем справедливо.

— Ну, ты понимаешь, что я хотел сказать. Во всяком случае, смысл моего приезда и пребывания здесь в том, чтобы я продолжал работать над книгой. Ты сегодня очень соблазнительна, — сказал он, внезапно обратив на нее внимание. — Новое платье?

— Почти, — сказала Эмма. Ей не очень понравилось, как он выразился, а вспомнив реакцию Адама Принса, она подумала, что, видимо, платье выбрала не слишком удачное. Не забыть объяснить это маме, перед тем как опять облачиться в свое каждодневное скучное одеяние.

— Я тоже подумываю о книге, — сказала она, чтобы переменить тему, — на материале нашего поселка хочу сделать нечто вроде обзора. Тут благодатная почва для исследования, и тема открывает большие возможности, не то что мой очерк о городах-новостройках.

— Тема не новая, — лениво и равнодушно бро-

сил Грэм и пододвинулся к ней поближе. — А люди здесь ходят? Нас могут увидеть?

С каким-то рассеянным видом он принялся целовать и обнимать ее. А Эмма думала о мисс Ликериш и о том, что было здесь во время войны.

— Надеюсь, мы услышим, если кто-то появится, — сказала она.

— Хорошо, правда? — сказал он и добавил: — По-моему, я заслужил маленький перерыв в занятиях, — как будто быть с ней могло означать для него лишь это и ничего более.

Адам Принс во время своей послеполуденной прогулки (предпринятой исключительно для здоровья, так как гулять он не любил) вышел к сторожке и увидел, как, по его выражению, «тискались» на траве Грэм и Эмма. Зрелище это вызвало у него отвращение. Кто бы мог ожидать такого от мисс Ховик, хотя теперь понятно, зачем это она вдруг надела новое платье. Картина эта подействовала на него, как он посчитал, раздражающе, и он повернул обратно, дабы обрести равновесие с помощью стаканчика успокоительного.

Эммино старое платье из серой хлопчатобумажной ткани в высшей степени подходило

для панихиды по мисс Кловис, а так как жара спала, Эмма надела еще и плащ, тоже вполне подходящий для панихиды; такие плащи, хотя Эмма этого и не знала, были униформой мужчин-социологов 50-х годов. До начала службы она не столько любовалась строгой красотой церкви XVIII века, сколько выглядывала вокруг знакомых. Она углядела профессора Дигби Фокса, который должен был выступить с речью, его жену Дейрдре, престарелого доктора Эпфелбойма, чья спина теперь согнулась, но характер, судя по всему, сохранил несгибаемость, а также сухощавую седую даму, разговаривавшую со священником (неужели это Гертруда Лидгейт, подруга мисс Кловис?). Множество других людей, менее заметных в толпе, пришли сюда, видимо, испытывая потребность почтить усопшую, потребность не менее сильную, чем страх, который она внушала им при жизни. Но где же Клодия Петтифер? Пока что Эмма ее не заметила, но можно было еще поглядеть по сторонам во время речи Дигби Фокса, которую она слушала вполуха. Дигби Фокс говорил, что элегантную и продуманную обстановку этой церемонии сама Эстер для себя вряд ли выбрала бы, но что эта обстановка уместна здесь, как созвучная той высочайшей

взыскательности, которой мисс Кловис требовала от своих подопечных… вряд ли возможно забыть ее советы молодым ученым, стоявшим на пороге самостоятельных исследований, равно как и замечания, казавшиеся зачастую слишком резкими, и ту суровую критику, которую она обрушивала на те работы, которые не отвечали меркам высочайшей взыскательности… Здесь Дигби запнулся, начал как-то мямлить и мяться, словно боялся, что мисс Кловис может заглянуть через его плечо в написанный им текст или же слышать его откуда-то сверху. Эмме было жаль его, тем не менее, пока он барахтался так, она отвлеклась и увидела, что с краю, почти напротив нее, сидит Клодия. На ней было черное пальто из какой-то блестящей материи, темные очки, а мелко вьющиеся волосы прикрывала маленькая, плотно облегающая голову шляпка.

«…Единственное, что, как мы уверены, — продолжал Дигби, — пришлось бы ей по вкусу, это такая кончина — кончина внезапная, можно даже сказать, беспардонная в своей внезапности, так отвечающая ее собственному стилю, этой ее манере неожиданно прекращать то, что, по ее мнению, затянулось».

Речь окончилась. Присутствующие встали и за-

пели «Кто доблестен»; голоса поющих благодарно и облегченно взмыли вверх.

Эмма решила, что с Клодией она может перекинуться словом у выхода из церкви. Интересно, вспомнит ли она, что они встречались на вечере в колледже? Клодия стояла одна, возможно поджидая кого-то, и, когда Эмма подошла к ней, недоуменный взгляд за темными стеклами очков обескураживал, но Эмма превозмогла себя.

— Мы встречались этим летом на вечере в колледже, — напомнила она.

— Ах да, конечно! Красное или белое на выжженной лужайке! Не то что сегодня…

Дождь лил как из ведра, и обе дамы раскрыли зонтики. Потом, к изумлению Эммы, Клодия вдруг ухватила ее за руку и быстро-быстро потащила за собой прочь от церкви в переулок напротив, к маленьким ресторанчикам.

— Хотите выпить со мной или закусить? — сказала Клодия. — Так мы уже и до завтрака дотянули. Зайдем сюда?

Она почти втолкнула Эмму в дверь, за которой их встретил и провел к столику улыбающийся грек.

— Надеюсь, вы терпите греческую кухню? — спросила Клодия. — Мне необходимо было

куда-то деться, а тут как раз это подвернулось…

— Вы увидели кого-то, кого вам не хотелось видеть?

— Вот именно! Я еще в церкви его заприметила. Мне очень повезло, что вы ко мне подошли. Вам шерри? Что касается греческих напитков, день и без того отвратительный… Вы знали Эстер Кловис? А меня отправил на панихиду муж. Она поморщилась, сняла темные очки — в ресторанном полумраке было очень плохо видно — и заговорщически улыбнулась Эмме.

— В такую погоду у меня волосы вьются, как у барана, — сказала она, снимая шляпку. — Хотя, казалось бы, куда уж больше…

Значит, модная прическа ее естественна: у нее просто такие волосы. Дружеская откровенность ее тона была для Эммы неожиданной, но может быть, она так держится со всеми и не видит причины вести себя с Эммой по-другому. Лестно это или унизительно? Неясно, потому что если не считать того эпизода на траве, разве они с Грэмом не просто добрые друзья?

— Возьмем муссаку, или вы хотите мясные тефтельки, кебабы, или как их там?.. — Клодия обращалась к ней с вопросом.

Эмме вспомнилась Дафна, которая сейчас, воз-

можно, готовит какое-нибудь греческое блюдо где-то на окраине Бирмингема или завтракает «на прелестном зеленом пустыре» (нет, в такую погоду вряд ли), и она поймала себя на том, что улыбается.

— Сестра нашего ректора каждый год ездит в Грецию, — сказала она, как бы оправдываясь, — но сейчас она поселилась со своей подругой на окраине Бирмингема.

— Бирмингем… — повторила Клодия. — Грэму предлагали однажды работу в Бирмингеме. По стаканчику винца?

Эмма не удивилась тому, что поначалу Клодия проявила некоторую безучастность. Разговор о «сестре ректора» хоть кого озадачит. Но слово «Бирмингем», видимо, задело в ней какую-то струну, и Эмма подумала, не принадлежит ли Клодия к тому типу женщин, для которых мир существует лишь в плане личных ассоциаций.

Прибыла еда — муссака («так будет вернее») со стаканом красного вина.

— Бедный старый Дигби Фокс! — заметила Клодия, принимаясь за еду. — Его речь была не слишком вдохновенной.

— По-моему, он выразил общее к ней отношение, — сказала Эмма. — Мне мисс Кловис

казалась фигурой несколько устрашающей.

— Это, должно быть, когда вы с Грэмом учились в Лондонском экономическом, — совершенно спокойно заметила Клодия. — Ну, как ему живется в сторожке?

— Думаю, превосходно, — сказала Эмма, как о вещи ей не слишком известной. — Я заходила к нему разок-другой.

— Сладкое закажем? Наверное, и выбирать-то особенно не из чего… Ванильное мороженое или консервированные фрукты с кремом… обычная история. А может, пахлаву? Рискнем?

— Нет, спасибо, мне больше ничего не надо, — сказала Эмма. Как неприятно, однако, что Клодию, кажется, больше интересует сладкое, чем отношения Эммы с ее мужем!

— А что это — пахлава? — спросила Клодия у склонившегося к ней официанта.

Ответ «это очень вкусно» ничего не прояснил.

Клодия поглядела вокруг — не ест ли кто-нибудь пахлаву. В конце концов она решилась, но когда пахлаву принесли, тут же начала сокрушаться.

— Она выглядит в точности как муссака, — пожаловалась она. — Ведь правда же? Может, она и есть муссака, только с другой начинкой. Похоже,

это моя ошибка, — весело заключила она тоном компанейской школьницы. — Как предусмотрительно вы ничего не заказали! Неужели вы предусмотрительны, я имею в виду — вообще предусмотрительны, в других вопросах?

Эмме показалось, что серьезного ответа, даже если бы она и захотела его дать, Клодия вовсе не ждет от нее — просто она болтает, а предусмотрительна Эмма или нет, ей в высшей степени безразлично. Помолчав, она ответила:

— Я не вышла замуж, из чего вы можете делать собственные выводы.

Но Эммино безмужие также по-настоящему не заинтересовало Клодию, которая и здесь немедленно перевела разговор на личный свой опыт.

— Иногда я думаю, что вышла замуж слишком рано, — сказала она. — Правильнее было бы сначала обеспечить себе карьеру, а потом уже думать о замужестве. По-моему, проще будет поделить счет надвое, — добавила она, изучая поданный счет. — В конце концов, ели мы одно и то же.

«Только ты ела пахлаву, а я нет», — подумала Эмма, но дело кончилось тем, что счет был скрупулезнейшим образом поделен, а достаточная сумма чаевых обговорена.

Когда они выбрались со своими зонтами на

улицу, дождь все еще шел. Выяснилось, что идти им в разные стороны, поэтому они расстались, пробормотав все положенные любезности. Так неожиданно они встретились и так мило провели время. Однако Эмма понимала, что, хотя она и помогла Клодии избежать какой-то нежелательной встречи, сама она от их беседы не получила ничего. Но неужто она и вправду воображала, что они затеют серьезный разговор о Грэме?

Лишь пройдя по улице так далеко, что возвращаться было бы уже затруднительно, Эмма поняла, что в припадке какого-то непонятного волнения она вместо своего взяла зонтик Клодии. А зонтик у Клодии был хуже. Интересно, что бы могла значить такая ошибка?

20

— Завтрак голодающих? — переспросил тещу Мартин Шрабсоул. — Сегодня?

— Да, у мисс Ли. Это куда меня приглашали тогда на утренний кофе, — сказала Магдален. — Мне очень хочется пойти. У нее всегда так вкусно.

— Ну, вероятно, сегодня чересчур вкусно не будет, — сказал Мартин тоном спокойным, доброжелательным, так что легкий упрек в нем был почти неразличим. — Ведь предполагается завтрак в поддержку голодающих третьего мира, верно?

— Разумеется. Там и не будет ничего, кроме хлеба домашней выпечки, сыра, фруктов и кофе, — очень скромный завтрак.

— Моя любимая еда. И намного питательнее той, что потребляет население некоторых областей Африки или Индии.

— Ах, Мартин, но что-то есть нам же все-таки надо, — сказала Эвис, также собиравшаяся на этот завтрак. С каких это пор Мартин так сочувствует голодающим третьего мира? Видимо, заботится он не столько о них, сколько о здоровье мамы. — А потом, мы ведь вносим деньги.

— Да, кладем деньги в миску, — пояснила Магдален, — и мисс Ли возместит свои расходы. Это только справедливо.

— По-настоящему вам следовало бы есть там какое-нибудь пюре из бобов или рис, а запивать его водой, — уныло упорствовал Мартин, но Эвис заметила, что бобов подходящего сорта все равно, наверно, не достать.

Но завтрак у мисс Ли и вправду оказался не столь восхитительным, как обычно. По каким-то там неясным причинам мисс Ли не смогла спечь домашний хлеб и заменила его покупным, белые, волглые и мягкие, как вата, ломти которого, разумеется ничуть не похожие на пищу голодающих третьего мира, как это ни странно, были ей сродни своей отвратительностью.

Хлеб ели молча, потом кто-то спросил, какие вести от Дафны и хорошо ли устроилась она в новом доме со своей подругой.

— Смеем надеяться, что хорошо. А если и нет, нам об этом не сообщат.

— Мисс Бленкинсоп немножко любит командовать, правда? — сказала Эвис. — Она вечно хочет все делать по-своему.

— Ну а Дафна из таких, что вечно станут уступать, — сказала мисс Гранди, которая и сама не

раз оказывалась в схожей ситуации. — Оно и удобнее.

— По крайней мере, Дафна обрела самостоятельность, — сказала Эвис. — Ей так необходимо было почувствовать себя независимой, выбраться из ректорского дома.

— Возможно, жизнь с ректором в этом огромном доме действительно не была пределом ее мечтаний, — сказала Магдален, в качестве новенькой отважившаяся на обобщающее замечание, — и возможно, я не знаю каких-то обстоятельств, но что же теперь он, то есть ректор, будет делать, если она уехала?

— Сегодня, например, он придет к нам на завтрак, как мы условились, — сказала мисс Ли. — Всего лишь завтрак голодающих, понимаю, и все же для него одной заботой меньше.

— Это послание в приходском журнале… — сказала Магдален, — неужели кто-нибудь…

Но тут появился Том в сопровождении Эммы и «этого человека из лесной сторожки».

— Двое мужчин, — шепнула матери Эвис. — Если бы знать заранее, мы бы уговорили Мартина прийти… Господи боже! — Последнее относилось к доктору Геллибранду и его жене Кристабел, с чьим приходом завтрак, грозивший вылиться в

заурядное собрание местных дам, превращался в событие светской хроники: старший доктор, ректор, заезжий ученый…

— Мартина не будет? — спросил у Эвис доктор Геллибранд.

— Нет. Ему сегодня надо быть в клинике перинатальной патологии, а перед этим я всегда стараюсь его посытнее накормить, вот я и оставила ему жаркое в духовке.

— А мне, по мнению Кристабел, завтрак голодающих не повредит, — сказал доктор Геллибранд. — Как вы управляетесь без вашей сестры? — обратился он к Тому.

— Спасибо, вполне сносно, — сказал Том и добавил заученно:

— Все проявили ко мне такое участие. — Он чувствовал, что должен это сказать, даже если бы ничего подобного и не наблюдалось. Просьба его, помещенная в приходском журнале, до сих пор ни на кого не оказала действия.

— Полагаю, — словоохотливо продолжал доктор Геллибранд, — для вас не редкость завтрак, состоящий из хлеба с сыром. Но ведь мы платим за это, правда? — возгласил он затем несколько громче, чем следовало. — Кидаем монетку в кискино брюшко?

— Миска возле двери, — сказала мисс Ли голосом гораздо более тихим. — Обычно мы устанавливаем взнос в двадцать пять пенсов, что покрывает расходы и оставляет кое-что на наше общее дело.

— Двадцать пять пенсов, — удивился главный доктор. — То есть, по-старому, пять кругленьких, не так ли? За ломтик непропеченного хлеба и кусочек мышиной приманки не сказать чтоб дешево!

— Никто и не ждал настоящего завтрака, — резко возразила Кристабел. — А вечером ты сытно пообедаешь, — ввернула она, словно уговаривая ребенка.

— Ты обязана участвовать во всех здешних мероприятиях? — спросил Эмму Грэм. Они встали поодаль от других, и когда все, получив по ломтику хлеба и кружке слабого кофе, удалились в сад, где принялись стоя или сидя их поглощать, Грэм с Эммой тоже вышли в сад, отойдя подальше.

— Не обязана, — ответила Эмма, — но без меня не обходится. — Когда Грэм согласился сопровождать ее сюда, она сначала удивилась, но потом поняла, что он видит в этом повод «продемонстрировать себя обществу» и дать всем понять, что нет ничего предосудительного ни в его лес-

ном затворничестве, ни в общении с Эммой. Поэтому и «амурный эпизод на траве», как про себя называла его Эмма, не возымел продолжения, что не смущало, а скорее раздражало ее — напрасно он так осторожничает, — как раздражало ее и отношение Грэма к ее знакомству с Клодией и их завтраку в греческом ресторанчике. Казалось, что его больше занимало ресторанное меню, чем возможность выяснить, о чем они тогда говорили, или определить, что связывает их троих. А услыхав про путаницу с зонтами, он всерьез вызвался съездить в Излингтон с зонтиком Клодии и обменять его там на Эммин.

— А можно человеку еще ломтик хлеба? — капризно спрашивал голос доктора Геллибранда. — Я есть хочу. Между прочим, Адам Принс сюда и носа не кажет.

— Мистер Принс работает, — внушительно сказала мисс Ли, — и он очень извинялся, что не сможет быть. Он должен обследовать ряд ресторанов в Скалистом краю — для него это такое утомительное путешествие.

К Эмме и Грэму подошел Том.

— Вам удобно в этой сторожке? — спросил он. — По-моему, она давно уже пустовала.

— Мисс Верикер всегда хотела там поселить-

ся, — сказала мисс Ли. — Сколько раз, бывало, она говорила, что мечтает об этом. Она ведь так любила здешний лес.

— А теперь живет в Лондоне с племянником и его женой, — сказала мисс Гранди, — мало напоминает лес, согласитесь…

— Вот и Дафна живет в Бирмингеме, а всю жизнь мечтала о Греции, — сказал Том.

— Ну, мы не можем рассчитывать получить все, чего хотим, — веско заявила мисс Ли. — Мы знаем, жизнь не так проста. — Все невольно повернулись к Тому, словно надеялись услышать от него подтверждение словам мисс Ли. Почему считается, будто у священника всегда должно быть в запасе нечто благостное и умиротворяющее? Старомодное представление.

— Я бы съел еще кусочек хлебца, — раздумчиво заметил доктор Геллибранд. — В прежние времена мы не устраивали таких завтраков. А разве туземцы тогда не голодали?

Теперь все взгляды обратились к Грэму, который, что ни говори, побывал в Африке. Кому же, как не ему, знать ответ!

— Тогда мы больше заботились о своих соотечественниках. Вот в чем дело, — сказала мисс Ли. — А теперь все иначе.

— Да уж, нечего сказать! — воскликнул доктор Геллибранд. — В прежние времена, подумать только, пациенты со всей округи приходили к врачу пешком, и это считалось естественным, а ведь что может быть полезнее пешеходной прогулки. А теперь все приезжают на своих автомобилях, а не на своих, так на чьих-нибудь еще. Люди желают, чтобы их везли, даже дети перестали бегать в школу, а сидят себе развалясь в автобусах, в то время как двухмильная прогулка принесла бы им неоценимую пользу.

— По-моему, на дорогах сейчас такое движение, что ходить пешком детям было бы опасно, — осторожно заметила Эмма.

— Одни надписи на этих автобусах чего стоят, — продолжал доктор Геллибранд. — «Поддержите учителей», «Внесите свой вклад в дорожный ремонт», «Охраняйте природу», «Экономьте воду», — могу назвать десятки подобных!

— Интересно, какую бы надпись выбрала мисс Верикер для своего автомобиля, — тихонько вставила Эмма.

Расслышал это только Том.

— В прежние времена, — сказал он, — женщины машин не водили. Помнится, первый автомобиль в этих краях приобрел сэр Джайлс.

— Сэр Джайлс де Тэнкервилл? — осведомилась Эмма.

— Да, друг Эдуарда Седьмого, — сказала мисс Ли, — я, конечно, не была знакома с ним лично… как, впрочем, и с Эдуардом Седьмым, — со смехом добавила она.

— Интересно, не помнят ли мисс Ликериш этот первый автомобиль, — задумчиво заметил Том. — Надо бы у нее разузнать, хотя обычно ее воспоминания так далеко не простираются. — Коллекция фотографий, которую она ему однажды продемонстрировала и где самым эффектным снимком было изображение сидящего за столом гуся, также, помнится, разочаровала его.

Более интересных тем для обсуждения не предвиделось, есть было нечего, и собравшиеся стали расходиться. У двери Эмма заметила грубую керамическую миску для сбора денег, ту же, что стояла на этом самом месте во время достопамятного утреннего кофе. Эмма подумала, не заплатит ли Грэм за нее двадцать пять пенсов, но по всей вероятности, он не желал ради нее поступиться и подобной малостью. Интересно, вызвал бы такой его шаг пересуды в поселке?

Том, проследив, как после громогласных уве-

рений в том, что «работа не ждет», они отбыли вместе, понуро побрел домой. В этот день ему надо было посетить больницу — занятие не из самых его любимых, да и толку в нем не так уж много, тем не менее посещение больницы входит в его обязанности, а есть в этом толк или нет, кто знает… Как бы там ни было, он чувствовал голод, что, собственно, и требовалось, и зависть к Мартину Шрабсоулу, которому перед его клиникой перинатальной патологии предстояло еще съесть жаркое.

21

Эмма с матерью собирали куманику на обочине дороги при въезде в поселок, стараясь, чтобы появившаяся на дороге и направлявшаяся в их сторону миссис Дайер их не заметила. Эмма вся внутренне сжалась, услыхав громогласное и торжествующее «вы здесь много не насобираете, мисс Ховик, на этом участке я все облазила».

Хорошо бы сделать вид, что она просто гуляет, но у нее, как и у мамы, в руках различные емкости, так что факт сбора куманики налицо, деться некуда и миссис Дайер, конечно же, видела, как они нагибаются за ягодами.

— Правда, подходящий фон для появления какого-нибудь персонажа в духе Вордсворта — чудаковатой старушки, мальчика-идиота, а может, и священника вроде бедного Тома, или кого-то наподобие твоего друга Грэма Петтифера? — сказала Беатрис, когда миссис Дайер с полной корзинкой прошествовала мимо.

— Мужчины за куманикой не ходят, — сказала Эмма. — Дети и подростки еще, возможно, и ходят, а взрослые — нет.

— А Грэм к тому же, конечно, так занят…

— Да, он действительно очень много работает.

В молчании она выискивали ягоды, оставшиеся после миссис Дайер. Теперь, когда Грэм поселился в поселке, Беатрис рассчитывала получить от Эммы более развернутую информацию.

— А Клодия приезжала? — спросила она.

— Приезжала? — удивилась Эмма. — Мне, по крайней мере, ничего не известно… — Лесная сторожка — не то место, куда хочется приезжать, оставляя дом в Излингтоне.

— Ты случайно встретилась с ней в Лондоне, ты говорила.

— Да, на панихиде по Эстер Кловис. День был такой дождливый. Мы зашли в греческую харчевню, а потом я по ошибке схватила ее зонтик — глупое такое недоразумение, из тех, что сразу превращает все в фарс…

— Вы говорили о Грэме?

— Немного и о нем, конечно. И она опять попросила меня за ним приглядывать.

— Тут что-то крылось, как ты думаешь? А может, она злорадствовала? Она знает о тебе и Грэме?

— Что тут особенно знать? Я и сама не знаю, как отношусь к нему.

— А как он к тебе относится?

— О, мы с ним ладим, — уклончиво ответила

Эмма, — и, конечно, у нас много точек соприкосновения в плане работы…

Но голос ее звучал как-то неуверенно, и Беатрис немедленно ухватилась за это жаргонное «точки соприкосновения». Что она подразумевает и имеет ли это какое-то отношение к любви между мужчиной и женщиной?

— Ах, к любви, — нетерпеливо перебила ее Эмма. — Я не думала о любви.

— В викторианском романе, — сказала Беатрис, — такая коллизия была бы невозможна. И герой там вряд ли мог иметь такие «точки соприкосновения в плане работы» с гувернанткой.

— Надеюсь, к «Городку»[17] это не относится? Но я не о том говорила, и годы в Лондонском экономическом вряд ли можно сопоставлять…

— Если бы ты сделала желе из куманики, то могла бы отнести его Грэму, — сказала Беатрис, спустившись на землю к вещам более практическим. — И, смею думать, Том также был бы не прочь получить баночку желе.

— Я не могу разносить банки желе всем одиноким мужчинам в поселке, — сказала Эмма. — И

---

[17] Примечания: 17

Роман английской писательницы Шарлотты Бронте (1816–1855), где речь идет о духовной близости героя и гувернантки, впоследствии перешедшей в любовь.

почему тогда, если на то пошло, ты забыла об Адаме Принсе? И как ты себе это представляешь: я с банкой желе шествую к ректорскому дому? Да Том не будет знать, куда глаза девать от смущения. А вот и он, легок на помине, идет себе по дороге, неизвестно зачем, а на ягоды даже внимания не обращает.

При виде двух женщин Том, казалось, смутился и принялся объяснять что-то невнятное про бересклет — не различают ли Эмма или Беатрис случайно его листьев и не знают ли места, где осенью можно было бы отыскать его плоды, ведь это может оказаться важным, с исторической точки зрения, для определения бывших границ земельных участков.

Но какие у бересклета листья, они не знали, и Том двинулся дальше, сказав, что вообще-то ему пора возвращаться — ведь у него столько дел.

— Бедный Том, по-моему, он скучает по Дафне, — сказала Беатрис, — несмотря на всю сложность их отношений. Теперь ему дома не с кем и словом перемолвиться, кроме как с миссис Дайер, когда она приходит убирать. Тебе придется проявить к нему участие.

— Не знаю, в чем бы оно могло выразиться, — сказала Эмма, — а потом, никому не нравится,

когда его жалеют.

Беатрис покосилась на дочь, пораженная горячностью, с какой это было сказано. Неужели и Эмму в поселке жалеют? Если учесть несомненную старомодность представлений здешних жителей, то, наверное, да. И Тома жалеют тоже — два сапога пара. Она улыбнулась. Но не про всякую жалость можно сказать, что она сродни любви.

«И жалость, верный рыцарь страсти», — процитировала она. — Помнишь?

— Кто это? Какой-нибудь косноязычный викторианец?

— Нет, елизаветинец: Сэмюел Даниел[18]. Поэт, как я считаю, не первого ряда, но некоторые из его сонетов ты, должно быть, знаешь…

Она запнулась, подумав, что Эмма вряд ли знает их. Жаль, что дочь мало начитана в английской литературе — ведь это так скрашивает жизнь! А два-три меланхолических стихотворения Харди, кое-что из Элиота и какая-нибудь строка Ларкина — багаж слишком малый и утешение вряд ли принесут.

— Вечером мы собираемся на прогулку в

---

[18] Примечания: 18

Сэмюел Даниел (1562–1619) — английский поэт, драматург, племянник Филипа Сидни.

усадьбу, — сказала Эмма, как будто имя Тома неожиданно напомнило ей об этом. — Ты, наверно, тоже захочешь пойти?

Она сосредоточенно глядела на горку только что собранных темных глянцевитых ягод, среди которых заметила вдруг маленького белого червячка.

— Я засыплю куманику сахаром, и мы сможем есть ее сырой, — сказала Беатрис. — Да, я бы пошла. — Здания, представляющие историческую ценность, пускай и пришедшие в упадок, все же отвечали ее литературным склонностям.

На прогулку в усадьбу пошла обычная компания под водительством мисс Ли, «знавшей владельцев» и как всегда с большой охотой отмечавшей все то, чем современность не походила на прошлое. Даже кипа книг на низком кофейном столике в одной из комнат сэра Майлса и его домашних вызвала ее неодобрение.

— Лошади, да, это было бы понятно, но подобной дребедени сэр Хьюберт возле себя не потерпел бы, — пробурчала она и указала на зазывно яркую бумажную обложку последнего романа известного американского писателя. — И мисс Верикер никогда бы не разрешила девочкам читать подобное.

Она, по-видимому, забыла, что в те достопамятные времена беллетристика такого рода оказалась бы недоступна, но никто не потрудился ей об этом напомнить.

— Одна из девочек составляла букеты, — продолжала она, — а в зале букеты ставила мисс Верикер.

— Не леди Тэнкервилл? — спросила Беатрис.

— Нет, ее светлость никогда не увлекалась цветами. А у мисс Верикер был такой оригинальный вкус. В любой сезон она использовала дикорастущие травы, зимой в засушенном виде, конечно, и очень интересно применяла еловые шишки.

— А вот часовня, — сказал Том, пытаясь отвлечь общество от мисс Верикер и составления букетов. — Прекрасный образец архитектуры конца семнадцатого века.

Покупая усадьбу или, говоря иначе, «вступая во владение собственностью», сэр Майлс на часовню никак не рассчитывал, поэтому, чтобы не использовать ее для целей сугубо мирских, что, как он подозревал, могло навлечь на семью несчастье, он часовню запер. Конечно, удобно было бы превратить ее в бильярдную или, на худой конец, в библиотеку, хотя особой склонности к чтению ни у кого из членов семьи не наблюдалось, можно

было бы ее и разрушить, но выяснилось, что она числится в списках «памятников» или еще каких-то списках, потому что резьбу в ней предположительно выполнил Гринлинг Гиббонс[19], а пол был выложен мрамором какого-то редкостного сорта. Не хватало еще, чтобы какой-нибудь доброхот-пенсионер или настырная дама средних лет, что-нибудь там разнюхав, принялись бы угрожать ему «санкциями», собирать подписи и прочее. Поэтому часовня стояла под замком, но группы экскурсантов могли посещать ее, как посетила ее и эта группа, собравшаяся здесь сентябрьским вечером, когда дни уже становились короче и в половине восьмого было уже почти темно. Часовня казалась мрачной, промозглой, и Том не без сочувствия вспомнил рескрипт от 1678 года — примерный год возведения часовни, предписывающий хоронить усопших в шерстяном, — обычай, о котором он и рассказал собравшимся. Мистер Суэйн, управляющий, официально проводивший экскурсию, держался на заднем плане, чувствуя, что ректор знает историю этого места гораздо лучше, чем он, хотя и не так хорошо, как мисс Ли, которая первенствова-

[19] Примечания: 19

Гиббонс Гринлинг (1648–1720) — знаменитый английский резчик по дереву, скульптор.

ла во всем, что касалось современной истории усадьбы.

— При сэре Хьюберте, — объясняла она, — семья собиралась здесь для ежедневной утренней и вечерней молитвы.

— Сэр Хьюберт в мавзолее похоронен? — спросила Эмма, и голос ее в наступившей тишине прозвучал неожиданно громко и звонко.

— Ну конечно же! — с радостной готовностью отвечала мисс Ли. — Надо мне когда-нибудь показать вам место.

— А девочки, то есть дочери, и мисс Верикер тоже здесь похоронены? — с жадным любопытством спросила Магдален Рейвен.

Вопрос этот поверг присутствующих в смятение, и среди неловкого молчания мисс Ли разъяснила все про девочек, одна из которых была убита в 1941 году в «Кафе де Пари» во время воздушного налета, а другая пребывала сейчас на юге Франции, и мисс Верикер, которая находилась в добром здравии и обреталась в семье племянника и его жены в Уэст-Кенсингтоне.

— Здесь, конечно, использовалось дерево, — сказал Том, — а кроме того, мистер Плот — и это единственное его упоминание об усадьбе и саде — нашел здесь интереснейший камень… «формой

своей напоминающий влагалище», — добавил он мысленно, но вслух этого не сказал.

Беатрис хотела было попросить Тома рассказать еще что-нибудь из истории усадьбы в XVII–XVIII веке, но только она открыла рот, как разговор опять обратился к каким-то пошлостям и кто-то спросил Тома, что слышно о его сестре.

— О Дафне? Она, кажется, чудесно устроилась, — с готовностью отозвался Том. — Она и ее подруга мисс Бленкинсоп — помните, она еще часто приезжала сюда — теперь завели собаку.

— И какую же собаку они завели? — сухо осведомилась Беатрис.

Казалось, Том затрудняется с ответом.

— Какую-то большую, по-моему. Дафна говорила мне, какой породы, но я, к сожалению, забыл.

— Они смогут выгуливать ее «на прелестном зеленом пустыре», — сказала Эмма, и они с Томом обменялись сочувственными взглядами. Возможно, все же она отнесет Тому баночку желе из куманики, если следующая порция выйдет удачной.

— Вы много куманики тогда набрали? — спросила Магдален. — Я видела, как вы возвращались. Зять рекомендует мне ежедневную прогулку, и я хотела тоже пойти, но потом решила подождать

денек-другой, на случай если ее всю выбрали.

— Мисс Верикер славилась своим умением делать наливку из куманики, — сказала мисс Ли. — Старый сэр Хьюберт всегда говорил, что эта наливка превосходит… — она запнулась, забыв, как точно называется знаменитое французское вино, чьи качества превосходила наливка. — Шато какое-то, что-то в этом роде, — заключила она. — Не думаю, однако, что в Уэст-Кенсингтоне для нее найдется много куманики.

— Если это резьба и не самого Гринлинга Гиббонса, — говорил в это время Том, — то она принадлежит резцу его несомненного ученика, стоит взглянуть на эти цветные гирлянды…

Но на гирлянды никто не глядел. Было холодно («промозгло»), и оттого, что часовня находилась под замком, в ней пахло плесенью. Все хотели воспользоваться предоставленной возможностью и осмотреть спальни, что было значительно интереснее. К тому же вечер должен был закончиться кофе у мисс Ли, который собравшиеся с нетерпением предвкушали. Тем же, кто не любил кофе или же разделял распространенный предрассудок, будто от кофе плохо спится, был обещан чай.

— Словно кофе такой крепости может кому-то

помешать заснуть, — шепнула матери Эмма.

— Жаль, что Грэм не пошел с нами, — сказала Беатрис. — При нем беседа могла принять другой оборот.

— Действительно, — сказал Том, — присутствие доктора Петтифера было бы весьма кстати, но, конечно, если он работает над книгой…

— Ах, ваш друг пишет книгу! — воскликнула мисс Ли. — А на какую тему?

— Боюсь, что тема не слишком интересная, — сказала Эмма, совершая предательство по отношению к Грэму, но разве она обещала ему верность?

И все же, сказав так, она почувствовала на себе взгляд каноника Гранди, глядевшего на нее из своей серебряной рамы на фортепьяно. Свет падал на его высокий воротник священника, и ей стало неловко.

— …то есть тема сугубо специальная, — поправилась она.

— Ах, понимаю, значит, она не для широкого читателя, — промурлыкала мисс Ли, будто узнав, что читать эту книгу ей не придется, она испытала облегчение.

А Эмма с Томом снова обменялись сочувственными взглядами — второй раз за этот вечер.

22

Чем вернее лето близилось к концу, рождая предощущение осени и утренними туманами, и первыми опадающими листьями, и неумолимой краткостью дней, тем явственнее понимал Грэм, что в отношениях с Эммой он, как говорила его мама, применяя это выражение, помнится, даже и к его ученым занятиям в Лондонском экономическом, «откусил больше, чем в рот влезает». Правда, в данном случае он ничего не откусывал, ему все навязала сама Эмма, отправив письмо после той телевизионной передачи с его участием. Хотя, если уж на то пошло, он мог ей и не отвечать, притворившись, что никакого письма не было. Почему он послал ей тогда открытку? Из тщеславия, а может, из любопытства. Письмо Эммы ему льстило, и было интересно посмотреть, во что она превратилась. Вот он и посмотрел, теперь загадки тут нет. Их встреча не вылилась в забавное романтическое приключение, как он это себе воображал, — романтического в ней, во всяком случае, не было ничего, да и забавной, пожалуй, ее не назовешь, хотя в своеобразном юморе Эмме не откажешь. Забавной оказалась

лишь мысль поселиться в лесной сторожке, где ему удалось неплохо поработать, значительно продвинув книгу, несмотря на бурную светскую жизнь в поселке и Эммину явную вовлеченность в нее, что, как ни странно, тормозило его работу. Вообще во всем виновата Клодия. Ведь если б телевизионная передача и отклик на нее Эммы не пришлись на период его недовольства Клодией, никакой Эммы сейчас рядом с ним и в помине бы не было. И не гулять бы им по лесу этим знойным сентябрьским днем после несытного завтрака.

— Этот край леса я, по существу, знаю мало, — говорила Эмма, — хотя меня всегда интриговало его название — роща Сенгебрил. Как ты думаешь, откуда могло здесь появиться такое название? Ректор считает, что оно восходит еще к тем временам, когда здешние земли принадлежали общине святого Гавриила.

— Весьма вероятная вещь, — скучным голосом отвечал Грэм. Он не хотел этой прогулки и теперь чувствовал, что он, используя другое выражение, почерпнутое из его детства, «еле плетется».

— Жаль, что ты не ходил с нами в усадьбу, — сказала Эмма. — Интересный был вечер.

— Я пытался тогда кончить черновик, — сказал Грэм, — и не хотел прерываться.

На самом деле он не присоединился к экскурсии, предвидя общество и разговоры те же, что и на «завтраке голодающих». А потом ему вовсе неохота прослыть в поселке неразлучным спутником Эммы или ее «ухажером».

— А здесь, по-моему, живут, — переменив тему, сказала Эмма. — Погляди туда, за деревья.

За деревьями виднелась низкая кровля, за ней еще одна, и третья, обнаруживая несколько хижин с аккуратной коробочкой гаража возле каждой.

— Какой безобразный вид! — воскликнула Эмма, — совсем не то, чего можно было ожидать или на что рассчитывать, отправляясь в рощу с таким звучным названием.

— Ну, должны же люди где-то жить, — запальчиво возразил Грэм, хотя к чему было спорить? Совершенно очевидно, что хижины, которые свободно можно было бы назвать хибарами, безобразны и неуместны.

— Прощай, моя мечта о романтической роще Сенгебрил, — печально сказала Эмма.

Они шли по разбитой дороге, которую обитатели хижин использовали для сообщения с поселком, а потом по тропинке, поросшей по краям невысокой травой и хилым кустарником и

ведущей к еще одному приземистому строению поодаль. И тут вдруг повеяло каким-то ужасающим запахом. Сначала они вообще не могли его ни с чем связать, хотя, приблизившись к источнику запаха, Грэм вдруг вспомнил поездки к бабушке в деревню и запах птичника, который он помогал там чистить. Что бы это могло быть? Ни Грэм, ни Эмма сначала не сказали ни слова, словно сочтя запах этот какой-то непристойностью, которую они, будучи знакомы друг с другом не так хорошо и находясь в отношениях не столь близких, обсуждать не могли. Грэму опять вспомнился бабушкин птичник, но откуда эта вонь в таком пустынном месте? Однако, когда они подошли поближе, все разъяснилось, причем Грэм оказался прав. Когда длинное унылое строение вполне обозначилось перед их глазами, молчание было нарушено.

— Боже милостивый, — воскликнул Грэм, — да это же и есть птичник, по всей видимости, пустующий, без птицы, но ведь запах так легко не выветривается.

— Конечно. Я припомнила, как Дафна Дэгнелл рассказывала мне, что у сына миссис Дайер была где-то здесь птицефабрика. Так это, верно, она и есть.

— Он прогорел?

— По-моему, да — прогорел, как водится, и занялся скупкой подержанных вещей, а сейчас у него лавка, которую сам он называет «антикварной». — Ей вспомнилась карточка «Одежда усопших принимается в чистом виде», но вслух она ничего не сказала. Слова эти вполне сочетались с их прогулкой, выражая, как это ни прискорбно, суть их отношений, теперь с концом лета также подходивших к естественному концу.

— Цыплята… ведь правда, они как-то ассоциируются с неудачей, несчастьем? — лениво, словно только для поддержания разговора, заметил Грэм. — Я имею в виду литературу — все эти истории о птичьих фермах и фермерах конца первой мировой войны.

— Но это не просто птичья ферма. В птицефабрике есть что-то противоестественное… эта скученность птиц… — пояснила она, сама удивляясь тому, какую чушь несет.

— Разумеется, это совсем другое дело, чем выращивание птиц в естественных условиях.

Интересно, помнит ли он историю с яйцами и как он заявился в церковь в день праздника цветов. Но запах заставил их поспешно ретироваться, и тема цыплят и яиц более не возникала.

— Я, конечно, подумываю об отъезде, — сказал он. — Теперь ведь моя книга практически закончена.

— Значит, твое пребывание здесь оказалось плодотворным, — сказала она, раздумывая о том, что подразумевал он под словом «практически».

— О да, результатами я, можно сказать, доволен.

— И излингтонский дом ждет твоего прибытия, — сказала она.

— Надеюсь, что да. В противном случае мне придется задержаться.

Они сделали круг и теперь направлялись к сторожке. Грэм пригласил Эмму зайти к нему пропустить стаканчик. Он решил вечерок отдохнуть.

«Может быть, хочет переспать со мной», — подумала Эмма, но когда вместе с бутылкой шотландского виски он поставил на стол четыре стакана, она поняла, что, похоже, ошиблась в своих предположениях. Она выразила свое недоумение относительно числа стаканов.

— Да, я ожидаю чету Бэрраклоу. Знаешь, они ведь вернулись.

— А они были в... — начала она, но в этот момент прибыли Бэрраклоу, переполненные

впечатлениями от Афганистана и всевозможными планами на будущее в связи с этой поездкой. Борода у Робби разрослась и удлинилась, но длинная замызганная ситцевая юбка Тэмсин и ее мелкозавитые волосы оставались прежними. Они принялись говорить о своих ученых делах, так как Робби осенью заступал на новую должность, в связи с чем подверглись обсуждению или осуждению — как кто того заслуживал — кое-какие личности на факультете, где ему эту должность предложили. А Эмма пожалела, что осталась: лучше было бы спокойно удалиться, посмотреть телевизор, заняться чем-нибудь полезным по дому или, может, даже засесть за собственный свой научный труд. Скольких женщин, должно быть, терзали подобные угрызения, сколько женщин, как и она, были поставлены перед подобным выбором и, как и она, поступили опрометчиво. Потому что тоскливая процедура приготовления желе из куманики показалась ей вдруг куда занимательнее этой пустой ученой болтовни, и она даже заподозрила, не специально ли Грэм все подстроил — пригласил Робби и Тэмсин, так как не хотел остаться с ней наедине.

— А как подвигается ваша собственная работа? — вежливо осведомился Робби у Эммы.

— Судя по всему, направление ее меняется, — сказала Эмма, имея в виду не только свой социологический труд, но и желе из куманики. — Обнаружились некоторые новые аспекты, вполне достойные внимания. — Ответив подобным образом, она, несомненно, не погрешила против истины.

— Я и сама не раз подумывала о таком исследовании на материале поселка, — чистосердечно призналась Тэмсин, — но ведь область эта настолько хорошо разработана, что вряд ли возможно сказать тут нечто новое.

— Эмма новое найдет, — сказал Грэм, как Эмме показалось, тоном собственника, — а если не найдет, так выдумает.

— Но выдумывать мы не должны, — сказал Робби. — Мы же, в конце концов, не сочинители, — и высокомерно улыбнулся себе в бороду.

Внезапно Эмма почувствовала невыносимое раздражение и собралась уходить.

— Так рано? — удивился Грэм. — Но может быть, ты хоть выпьешь на дорожку?

Когда же Эмма отказалась, Грэм тоже поднялся с явным намерением проводить ее через лес. Такая внешняя благовоспитанность, не позволявшая ему отпустить даму одну по темной лесной

дороге, раздражила ее еще больше. Однако она понимала, что, поступи он иначе, и раздражение ее было бы куда сильнее. Такого равноправия женщины еще не достигли.

— Не беспокойся, пожалуйста, — сказала она, — я прекрасно доберусь. Да и вечер вовсе не темный.

— Может быть, но при чем тут это, — смущенно запротестовал Грэм.

— А если кто-нибудь выскочит из кустов? — заметил Робби с благодушием человека, чье дело сторона.

— Пожалуйста, не волнуйся, — повторила Эмма. — Я дойду прекрасно.

Они с Грэмом уже удалялись от переднего крыльца, но Эмма все еще спорила. Темноты, как и следовало ожидать, никакой не было, потому что стояло полнолуние. При других обстоятельствах в такой вечер можно было бы чудесно прогуляться, хотя, конечно, как это понимала Эмма, Грэму нельзя было оставить гостей.

Но вдруг из полумрака вынырнула какая-то фигура и медленно стала приближаться к ним. Эмма узнала Тома.

— Да это ректор, — сказал Грэм. — Вы ко мне путь держите?

Вид у Тома был несколько ошарашенный. Судя по всему, заходить он не собирался, но вопрос Грэма застал его врасплох, и он почувствовал какую-то смутную вину.

— Так ведь время, по-моему, не очень подходящее, — слабо возразил он. — Я просто вышел на вечернюю прогулку.

Эмма, оценив юмор ситуации, чуть было не спросила его, не на поиски ли средневекового поселения он отправился.

— Я иду домой, — сказала она, — не будете ли вы так любезны проводить меня? Только до опушки, разумеется.

— С удовольствием, — сказал Том.

— Если вы хотите проводить мисс Ховик, — вежливо предупредил Грэм, — то вам придется повернуть обратно.

— Вы действительно собирались домой? — спросил Том, когда они остались одни.

— Мне надоели эти Бэрраклоу. И надо заняться желе из куманики.

Том выразил вежливый интерес и надежду на то, что некоторая толика желе будет пожертвована ею для благотворительного базара. То, что баночку этого желе она собиралась подарить ему, Эмма утаила: желе может еще и не выйти и ни к

чему его обнадеживать.

— Вы часто гуляете здесь в лесу? — спросил Том.

— Гуляю иногда… как мисс Верикер.

Том рассмеялся:

— О, мисс Верикер… Мисс Ли готова рассказывать о ней бесконечно!

— Вы не заглянете ко мне на минутку? — спросила Эмма возле своей двери.

Том колебался, но не потому, что время было позднее или же он боялся слухов, — единственное, чего он боялся, это плохо заваренного кофе или, еще того хуже, чая, который ему могла предложить Эмма.

— У меня найдется что выпить, — сказала она, думая, не следовало ли ей вместо этого предложить чаю или кофе. Но она достала бутылку вермута, и они сели за маленький столик, водрузив бутылку между собой. Эмме было грустно: не так представляла она себе завершение этого вечера. Сок из ягод все еще стекал, поэтому делать ей было нечего, кроме как присоединиться к ректору, распивая с ним вермут и занимая его разговором о всякой всячине. Она намеревалась расспросить его о Вуде, о его пребывании в усадьбе в тысяча шестьсот каком-то там году, но

кончила тем, что, ступив на проторенную дорожку, завела разговор о Дафне и о том, нравится ли ей в Бирмингеме.

На лицо ректора набежала тень — вечно его спрашивают об одном и том же!

— Ее подруга Хетер, пожалуй, чересчур любит командовать и в отношении собачьего питания, и всего прочего. Дафна писала мне, как они повздорили из-за того, обязательно ли кормить собаку мясом и мясными консервами или же сгодится что-то там такое, лишь запахом и видом напоминающее мясо… — он нахмурился и добавил: — Не знаю, что бы это могло быть, — как будто ему крайне важно было знать, что это на самом деле.

Эмма назвала какую-то собачью еду, рекламу которой видела по телевизору, — там показывали собак, евших из разных мисок с одинаковым удовольствием.

— Да, должно быть, это оно и есть, — сказал Том с видимым облегчением.

— Вашей сестре ведь раньше приходилось жить с ней, не так ли?

— Да, она знает ее недостатки. Хетер ведь библиотекарь, — добавил он, как будто эта профессия ее недостатки как-то объясняла.

— Вы хотите сказать, что она привыкла прини-

мать решения и действовать соответственно…

— Вы это о собачьем питании? — удивился Том, и оба расхохотались.

Нервозность и скверное расположение духа, одолевавшие ее весь вечер, с самой встречи с Грэмом и их прогулки в рощу Сенгебрил, начали понемногу проходить.

— Вам не кажется, что роща Сенгебрил, — сказала Эмма, — это идеальная декорация для прощания с летом?

Том был склонен пуститься в исторический экскурс, подробно и даже с соответствующими цитатами из Вуда рассказать о далеком прошлом этого места, в то время как Эмму больше занимала история упадка и разрушения птицефабрики, принадлежавшей сыну миссис Дайер. Но не слишком оригинальные сетования Эммы на то, что лето кончается, напомнили Тому, что вскоре ему предстояла поездка в Лондон, где он собирался погостить несколько дней в доме у брата доктора Геллибранда, священника, о чем он и начал рассказывать Эмме.

— Часть времени я посвящу Британскому музею.

— Да?

Эмма не спросила, чем он будет заниматься в

Британском музее. Возможно, просто посидеть в читальном зале для него и то явится приятным разнообразием.

— Вы могли бы остановиться в каком-нибудь отеле неподалеку оттуда, но я подозреваю, что даже и в том районе отели сейчас крайне разорительны.

— Вы правы. Откровенно говоря, остановиться у ее деверя мне предложила сама Кристабел Геллибранд, когда я ездил в Лондон несколько лет назад.

— Удивительно! Никогда бы не подумала…

— Конечно, не подумали бы, — улыбнулся Том. — Ведь для нее Лондон ограничивался Онслоу-сквером и универмагом «Харродс», хотя теперь «Харродс» уже и не вызывает у нее прежнего энтузиазма. И чтобы представить себе, что кто-то захочет остановиться в другом районе Лондона, от нее потребовалась изрядная доля воображения. А этот отец Геллибранд — добрейшей души человек.

Если голосу ректора и не хватало воодушевления, то лишь потому, что он припоминал некоторое неудобство своего будущего пристанища, а также опасался необходимости, находясь там, принимать участие в праздничных службах.

Однако, сверившись с календарем, он пришел к выводу, что последнее маловероятно, так как в выбранную им неделю никаких особенных праздников не предвиделось — лишь обычные душные воскресные службы в зеленом облачении, как все эти месяцы после троицы, а никаких святых на эти дни не выпадает.

Для Адама Принса последние дни лета оказались огорчительными, и даже обескураживающе огорчительными. Во-первых, посещение придорожного кафе, где он в окружении посетителей более молодых, но куда менее взыскательных, чем он, продегустировал по долгу службы «ранний ужин с чаем», резко ему не понравившийся. Во-вторых, безличный антураж мотеля «Почтовая станция», где аппетит его был должным образом удовлетворен, но обнаружился леденящий дефицит человеческого общения. Никакой тебе милейшей пожилой дамы с вязанием в гостиной (во время своих разъездов Адам нередко наслаждался послеобеденными беседами с подобными дамами), никакого тебе сердечного «Buon giorno, signore»[20] от улыбчивого официанта с подносом на плече — приветствие, ностальгиче-

[20] Примечания: 20
Добрый день, сеньор *(ит.).*

ски оглашающее римский pensione[21] где-нибудь неподалеку от лестницы на площади Испании в часы, когда приносят завтрак. Завтрак Адама, «континентальный завтрак» в пластиковой упаковке, появлялся возле его дверей неукоснительно точно, таинственно и безлично, словно разносимый роботом, как это и вправду могло быть. Последнее небезынтересно для отчета, который ему предстоит написать по возвращении домой.

Но самое огорчительное — это его тоска по человеческому общению. Неужели это значит, что он стареет?

---

[21] Примечания: 21
Пансион *(ит.).*

23

Дни стали короче, но зато георгины, густо разросшиеся вокруг мавзолея, в закатных лучах представляли замечательную картину.

— Замечательная картина эти георгины вокруг мавзолея, — сказала Магдален своему зятю за завтраком, — такие удивительные краски!

— Вы были утром на кладбище, мама? — спросил Мартин.

Вопросом своим он вовсе не хотел сказать, что посещение кладбища считает занятием нездоровым или в какой-то мере нежелательным. Он выработал своеобразное разумное отношение к смерти, которое по мере сил старался привить как своим пациентам, так и любым собеседникам в летах. Сохранять хладнокровие, находясь в непосредственной близости от могильных камней, похвально, пройти через кладбище — так же вполне допустимо, нередко этим мы сокращаем путь, направляясь, к примеру, в пивную, но следует ли поощрять постоянные *прогулки по кладбищу,* блуждание по кладбищу, разглядывание памятников, словом, то, к чему, как видно, пристрастилась его теща?

— Да, была на кладбище, ректор просил нас изучить могилы, то есть посмотреть, из какого камня сделаны памятники, прочесть и расшифровать, где сможем, надписи. Конечно, не везде это возможно: на старых плитах надписи стерлись, а в других случаях памятники так осели, что разобрать ничего нельзя. Чтобы рассмотреть хоть что-то, приходится ползать на четвереньках, — Магдален хихикнула. — Наверно, если со стороны кто увидит, удивится…

— Ректор? Ректор просил пожилых людей ползать по сырой земле ради своей прихоти? — негодующе воскликнул Мартин.

— Но это не прихоть! Описание кладбищ необходимо для истории графства, а ведь известно, как увлекается ректор историей.

— По-моему, это крайне неловко… — проворчал Мартин. — Мог бы выбрать кого-нибудь помоложе или же заняться этим сам.

— Тех, кто помоложе, найти не так легко, а мне интересно узнавать, кто где лежит и у кого какое надгробье. Знаете, там оказались захоронения родственников мисс Ли! Хорошо ли прошел утренний прием, мой милый?

— Наверно, слово «хорошо» тут не совсем уместно. Прием был трудный, как всегда.

— Не даем разрастаться кладбищу? — прощебетала Магдален. — Хотя в новой части еще полно места. Но вы бы видели эти георгины возле мавзолея — просто прелесть!

Мартин встал из-за стола. Разговоры с тещей, притом что на нее они оказывали несомненное психотерапевтическое действие, для него нередко бывали пустой тратой времени.

— Прогулка в лесу или в поле была бы вам куда полезнее, чем это — ползанье в могильной сырости, — предостерегающе заключил он, — что бы там ни утверждал ректор.

— Наверно, нам стоило бы пригласить его как-нибудь к ужину, — сказала Магдален. — С отъездом сестры он, кажется, скучает.

— Ну, это решите вы с Эвис, — сказал Мартин. Не его дело все эти светские условности и мелкие хозяйственные заботы, вроде того, чем заполнен погреб или холодильник, что выставить на стол ректору и прочее в том же духе. Но сблизиться с ректором, чтобы потом прощупать почву, выведать, каковы его ближайшие планы и не собирается ли он подыскать себе дом поменьше, а если да, то не пахнет ли тут продажей ректорского дома, не лишено заманчивости.

«Доктор Мартин Шрабсоул, бывший ректор-

ский дом» — весьма недурно для многообещающего молодого врача заиметь такой адрес.

Когда он объяснил это Эвис, она, разумеется, согласилась с ним, и вскоре они уже обсуждали меню.

— Ты помнишь его послание в приходском журнале? — спросила Эвис. — Он мечтает разделить с кем-нибудь «скромную трапезу в семейном кругу», так что роскоши он не ждет. Хотя, поскольку это зависит от миссис Дайер, роскошью, как я думаю, в его жизни и не пахнет, так что потрудиться нам, может, и стоит.

Конечно, и у Эвис тоже промелькнула мысль, что хорошо подкормить Тома и привести его в благодушное расположение духа на случай, если встанет вопрос о продаже дома — идея стоящая. Но принадлежит ли Том к категории людей, путь к сердцу которых лежит через желудок? Не Адам Принс же он, в конце концов! Да и волен ли он самолично решать судьбу ректорского дома, даже если и соберется переехать в дом поменьше? Может быть, подобные вопросы находятся в компетенции церковных властей или какого-нибудь епископа?

— Кое-что придется приготовить заранее, — сказала Эвис. — Можно сделать пастуший пирог

— ведь пастырь тоже своего рода пастух — или муссаку, хотя, думаю, муссакой Дафна его закормила. Нет, пускай лучше это будет курица — курица блюдо испытанное.

— И какой-нибудь из твоих чудесных пудингов, — вставила Магдален. — По-моему, пудинг ему придется по вкусу: в кои-то веки отведает настоящего пудинга!

Обращение в приходском журнале и слова насчет «скромной трапезы в семейном кругу» совершенно стерлись в памяти Тома, а вид Мартина с ножом в руках, собирающегося разрезать курицу, перенес его прямо-таки в другую эпоху. Когда он был викарием, все его окружение считало курицу блюдом вполне подходящим для праздничных трапез, ну а в наше время она, похоже, стала пищей каждодневной, теперь вперед вырвалась индейка, которую рекламируют по телевидению, и, не только на рождество, но и на святой, показывают, например, семейство, члены которого с блаженными улыбками, ломоть за ломтем, уплетают индюшачью грудку. Том вспомнил, что миссис Дайер со своими домашними на пасху, а иногда еще и на духов день и на весенний День отдыха жарят индейку.

— Я полагаю, в последнее время греческих блюд

у вас в доме стало меньше, — шутливо заметил Мартин.

— Да, Дафна теперь совершенствуется в искусстве их изготовления на окраине Бирмингема.

— Как ей там нравится? — спросила Эвис.

Том замялся.

— Знаете, у них теперь собака есть, — сказал он как бы в качестве ответа. — Конечно, собака требует постоянных забот, но Дафна делит эти заботы с подругой.

— Мисс Бленкинсоп, кажется, библиотекарь? — спросила Магдален.

— Была, но теперь она на пенсии. Обе они вышли на пенсию. Дамы-пенсионерки… — Том улыбнулся. — Кажется, шла когда-то пьеса под таким названием… Несколько лет назад, если я не ошибаюсь?

Пьесу смогла припомнить одна только Магдален.

— Но она была рада переехать в город, правда? — упорствовала Эвис. — Мне всегда казалось, что Дафна здесь не в своей тарелке.

— Ну, я бы этого не сказал, — возразил Том, — просто ей не хватало Хетер, ведь до того, как Дафна поселилась у меня, они, кажется, жили вместе.

«Лесбийские наклонности? — в который раз спросил себя Мартин, чей клишированный ум безотказно извлек из ячейки нужное определение. — Нет, может это еще и не так».

— Но ведь ваша сестра мечтала жить в Греции?

— Да, наверно, мечтала, — сказал Том, — но мечта эта оказалась нереальной, как и многие мечты.

И, высказав эту крамольную мысль, грозившую нарушить мирное, похожее на монотонное перекачивание теннисного мяча течение беседы, он приостановился. Наступила легкая пауза — хозяева не знали, как отбить эту подачу, не желая ни углубляться в нереальные мечтания Тома, ни гадать, в какую сторону могли эти мечтания простираться.

— Наверно, вам скучно без сестры, — сказала наконец Магдален. — Один, в таком громадном доме…

Том, казалось, удивился: до сих пор отъезд Дафны он не воспринимал под этим углом зрения. «Один, в таком громадном доме» — что за провинциализм так рассуждать!

— Вы никогда не думали подыскать себе дом поменьше? — спросила Эвис.

— Да нет… Это дом, выстроенный для ректора, а я ректор и потому как-то считал себя обязанным в нем жить.

— По-моему, современное духовенство выбирает дома поменьше и даже строит себе такие дома, — продолжала Эвис. — Ведь женам священников трудновато хозяйничать в таких махинах.

— Серьезно? — вежливо переспросил Том. — Мне это не приходило в голову. Но так как жены у меня нет, то, думаю, ко мне это не относится.

— Напротив церкви строятся домики, — объявил Мартин.

— Да, там, где свалка старых автомобилей.

«Что это? Попытка съязвить? — подумал Мартин. — Ректор уподобляет себя негодному, выброшенному на свалку автомобилю? Да нет, ведь он такой милый, такой бесхитростный…»

— Не представляю вас в таком домике, — великодушно признал Мартин. — Я ведь не к тому сказал…

— Да, это было бы не слишком удобно. Ведь у меня столько книг, бумаг. Мне нужен известный простор. Но, с другой стороны, домики эти рядом с церковью и рядом с кладбищем, не так ли?

— Это домики стариков, — внесла ясность Эвис обычным своим безапелляционным тоном, —

они предназначены для здешнего приюта.

— Так что, Мартин, если я поселюсь в одном из них, надгробья будут от меня еще ближе, — сказала Магдален. — Мой зять все ругает меня за то, что я слишком много времени уделяю кладбищу.

— О, это я виноват. Мисс Рейвен оказала нам такую неоценимую помощь в наших исследованиях, — сказал Том. — Надеюсь, это было не во вред ее здоровью!

Мартин улыбнулся успокаивающей улыбкой и подлил Тому вина.

— Как вам вино? — спросил он. — На мой взгляд, недурное.

— Восхитительное! — вскричал Том. Он вполне оценил хозяйскую щедрость Мартина в отношении вина — ведь Эвис с матерью пили очень мало. «Что так прекрасно в женщине»[22], хотя, произнося эту фразу, Лир, вернее Шекспир, имел в виду нечто иное.

— Его присоветовал мне Адам Принс, — сказал Мартин, — вот я и заказал целый ящик.

— У вас есть погреб? — спросил Том.

— Нет, к сожалению. По этой причине, в частности, мы и хотели сменить наш дом на больший.

---

[22] Примечания: 22
Шекспир. Король Лир, V, 3. *Перевод Б. Пастернака.*

Хотя дело, конечно, не только в погребе.

И он бросил игривый взгляд на тещу.

Больше новые домики и возможность для Тома перебраться в дом поскромнее они не обсуждали. Намекнуть они ему намекнули, мысль подали, сомнение в душу, видимо, заронили — пока остается только выжидать, а там посмотрим.

С наслаждением потягивая замечательный портвейн Мартина, Том размышлял, как нелегко придется тем его прихожанам, которые вознамерятся оказать ему гостеприимство не меньшее, чем проявили Шрабсоулы. К счастью, слова его насчет скромной трапезы не были поняты слишком буквально. По дороге домой он поглядел на домики напротив церкви и мысленно улыбнулся идее переселиться в один из них (Энтони à Вуд в приюте!), а затем поймал себя на том, что прикидывает, от кого может поступить следующее приглашение. Некоторые наиболее совестливые уже успели пробормотать нечто похожее на приглашение, а не так давно он угощался яичницей в обществе мисс Ли и мисс Гранди, кося одним глазом в телевизор, где показывали передачу о заповедниках. Адам Принс также пригласил его на один из дней будущей недели. Но от Эммы он так ничего и не дождался, если не считать вер-

мута, который они распили в тот день, когда он провожал ее по лесу. А все этот доктор Петтифер из лесной сторожки. Интересно, скоро ли ему отправляться восвояси? И главное, что у них там с Эммой? Никто вроде ничего не знает, однако миссис Дайер, по своему обыкновению, однажды позволила себе намеки. Он не захотел тогда слушать, перевел разговор на другое, попросив ее вспомнить песни ее детских лет. Но вклад миссис Дайер в его копилку выразился лишь в «Беги, кролик» и «Мы на ваших брустверах развесим портянки» — песне начала войны, хотя он-то имел в виду совсем другие песни.

В то самое время, когда ректор уже направлялся к своему дому, сестра его Дафна выгуливала собаку, вспоминая при этом благотворительный базар и продававшуюся на нем картинку «Собака — слуга человека». На самом деле разве не мы служим всем этим собакам и кошкам, — думала Дафна, ожидая возле кустов на заднем дворе, когда собака сделает свои дела. Вечер был сырой, промозглый, из тех, что заставляли ее особенно недоумевать, почему же все-таки они с Хетер не поехали в Грецию, не осуществили свою давнишнюю мечту. А может быть, мечту эту хранила лишь она одна, лишь она одна грезила

о греческой деревушке, пусть даже современной — с гаражом, залитыми солнцем безобразными блочными домиками-коробками и маленьким пыльным квадратиком деревенской площади с одним-единственным корявым деревом посередине. В этот вечер они достали вилки для салата, купленные во время прошлогодней поездки на Метеору, а потом Дафна мыла посуду, а Хетер выговаривала ей за то, что она положила эти ложки в горячую воду — краска облупилась, а новых им уже не купить. «Не в последний же раз мы ездили в те края!» — спорила тогда Дафна, однако теперь, в темноте и сырости карауля собаку, она уже не была в этом так уверена. Но если не по монастырям, так, может быть, в другие тамошние места они все же поедут? Хетер поговаривает теперь о том, чтобы на следующее лето снять дом в Корнуэлле, — приятельница-библиотекарь знает там дом, который вместит четверых — ее саму с подругой и Хетер с Дафной, — такая вот складывается компания. Дом недалеко от Тинтагела, чудные скалы, а какие там пейзажи, когда море неспокойно! Прошлым летом в Греции было, пожалуй, чересчур жарко, и о замечательной экскурсии в Афины Хетер, кажется, сохранила в памяти лишь то, что у нее

там распухли лодыжки.

— Идем же! — раздраженно сказала Дафна, обращаясь к Брюсу, их собаке. — Теперь все наконец?

В гостиной Хетер уже накрыла чай.

— Интересно, как там Том поживает, — словоохотливо начала она. — Могу себе представить, как вьются возле него тамошные дамы!

— Да, наверное, члены общества любителей истории присмотрят за ним, — согласилась Дафна. Он, как и она, может жить теперь «своей жизнью», как бы эта жизнь ни складывалась.

— А ты заметила, что чай другой? — спросила Хетер.

— Вроде бы слабее, да?

— Слабее? Попала пальцем в небо? Пакетики другие! С прежними пора кончать. Надоела эта грошовая экономия.

24

Георгины возле мавзолея были еще в полном цвету, но Грэм Петтифер, как и намеревался, уже закончил книгу и готовился теперь к отъезду в Лондон. Вскоре цветы начнут опадать и вянуть, потом совсем почернеют от первых заморозков, а Грэма здесь уже не будет. Дом в Излингтоне готов принять его, так что в поселке его теперь ничто не держит. «Приятно будет опять вернуться к цивилизованной жизни», — сказал он. И тут же поправился, поспешив добавить, что сторожка, конечно, была в своем роде прелестна, но зима не за горами и прелесть эта в любой момент может обернуться удовольствием весьма сомнительным и даже явными неудобствами.

Прощаясь, он обнял Эмму с нежностью и теплотой гораздо большею, чем проявлял к ней все это время (если не считать того эпизода на траве, когда их и застал Адам Принс), — он словно всячески показывал ей, каким горем является для него их разлука. Он так ей благодарен за все — и за крупы, и за жаркое, даже за тот нарезанный хлеб. И конечно, скоро они увидятся опять. «Да, все трое», — подумала Эмма, хотя в разговорах

Клодию он никогда не упоминал, разве только косвенно, — та уж, наверно, ждет не дождется в своем излингтонском доме. Он еще сказал что-то про гардины, купленные для его кабинета, вроде бы узор на них — те же золотые лилии, что и на покрывале в Эмминой комнате для гостей. Видно, и Клодии понравился этот узор.

Стоя на выложенной кирпичом дорожке его садика, Эмма думала о том, как чудесна дружба мужчины и женщины. Она проделала этот путь по лесу, чтобы взглянуть на сторожку, может быть и в последний раз, а заодно проверить, зреют ли помидоры, которые она посадила перед домом в горшках. Порывшись в листьях, она убедилась, что Грэм обобрал их все подчистую, даже зеленые. Неужели Клодия будет делать томатную приправу из незрелых томатов?

Она подошла к двери, подергала ее — замок всегда барахлил, поэтому открыть дверь и проникнуть внутрь труда не составляло. Гостиная прибрана, только в мусорную корзину заткнуты старый номер «Гардиан» и пустая коробка от овсяных хлопьев, а на кухне брошены какие-то консервные банки.

Эмма опустилась в мягкое кресло с безобразной красной обивкой и вылезающими кое-где клоч-

ками ваты. На каминной полке она заметила листок бумаги — расписание церковных служб на текущий месяц. Неужели Том или кто-то другой специально шел через лес, чтобы принести сюда такую дребедень? А может быть, этот бесполезный листок был лишь предлогом для попытки проникнуть в сторожку в надежде выведать что-нибудь сенсационное? Теперь Эмме уж этого не узнать.

Она встала, поднялась в спальню. И здесь ничего. Том удручающе аккуратен; однако вот оно — на шатком бамбуковом столике возле кровати лежит книга — антология поэзии XVII века. Не мог ли он намеренно оставить здесь эту книгу, а если так, то что он хотел этим сказать? Книга открывалась не лирическим произведением, а опусом Ричарда Крэшоу, забавно озаглавленным «На посылку сэром Крэшоу двух незрелых абрикосов поэту Каули». Сколько она ни вчитывалась, причудливые метафоры ничего не рождали в душе, кроме смутного и горького подозрения, что все это говорится о ней с Грэмом.

Внизу в передней послышался какой-то шум, кто-то вошел в сторожку.

— Кто там? — окликнула вошедшего Эмма, на минуту ей показалось — чем черт не шутит, —

что это вернулся Грэм.

— Управляющий сэра Майлса Брэмблтона, — уверенно и громко отозвался голос. — А вот что вы здесь делаете? Сторожка должна быть заперта.

— Вот именно! — сказала Эмма, выходя на площадку. — А замок сломан. Чудо еще, что после отъезда доктора Петтифера сюда не забрались грабители!

— О, мисс Ховик, извините, пожалуйста! — От Эммы не укрылось, как сразу же сбавил тон управляющий. Он заговорил почтительно, значит, она поступила правильно, смело бросившись в атаку и сказав ему насчет замка, то есть выступив в роли ретивой и сварливой защитницы имущественных прав сэра Майлса.

— Ничего, — милостиво отвечала Эмма, — но замок действительно нуждается в починке. Может быть, кто-нибудь из ваших плотников…

— Вы шутите, должно быть, — сказал управляющий, уже не так почтительно, — прошли те времена…

— Наверно, вы правы. Раньше, должно быть, здесь жил лесничий?

— Да, и помнится, сюда частенько захаживали молодые леди с гувернанткой.

— Ах, мисс Верикер с девочками… Я так и вижу

их перед собой…

— Доктор Петтифер рассчитывает вернуться? — спросил управляющий тоном более деловым.

«Никогда он не вернется», — подумала она, но сказала лишь, что не знает и что замок следует починить.

— Разрешите отвезти вас обратно в поселок? — предложил мистер Суэйн, указывая на стоявший возле калитки, «лэндровер».

— Нет, спасибо, мне будет полезно пройтись. «А остаток дня посвятить работе», — добавила она мысленно. Грэм уехал, лето кончилось, и пора подумать о будущем. Чем бы ей сейчас заняться? Из дел практических вспомнилось ей лишь одно — необходимо пригласить к ужину Тома, что давно уже было на ее совести. Но сегодня ужин и впрямь возможен лишь как импровизированная «скромная трапеза в семейном кругу». Однако, в конце концов, теперь они, как два одиноких человека, должны держаться вместе.

Она угостила Тома остатками холодной баранины и картошкой в мундире с яблочной приправой домашнего приготовления, купленной еще на распродаже, затеянной мисс Ли. На десерт был рисовый пудинг из пакетика (то, что он из пакетика, Эмма скрыла) с желе из куманики. За

столом они пили вино — бутылку, початую много месяцев назад, в тот вечер, когда она увидела Грэма по телевизору. В последнюю минуту Эмма вспомнила о сыре, но выглядел он так неаппетитно, что оба они к нему не притронулись.

Том хотел было сказать ей, как он рад, что ужин не потребовал от нее никаких особенных усилий (что и вправду ему было весьма приятно), но испугался показаться неучтивым.

— Итак, вашего друга нет с нами, — сказал он за кофе. И тут же педантично поправился: — Доктор Петтифер отбыл, — хотя и сомневался, что сформулированная таким образом фраза звучит лучше.

— Да, он вернулся в Лондон.

— Он не отдал мне книгу.

— Там у него лежит забытая книга, антология поэзии семнадцатого века. Это она и есть?

— Да. Однажды он зашел ко мне, хотел проверить по этой книге какую-то цитату, и я одолжил ему ее.

Судя по теме, над которой работал Грэм, объяснение было малоубедительным, как малоубедителен был и визит Грэма к ректору. Ей Грэм про него не рассказал.

— Он получил письмо от жены, — объяснил

Том, — наверное, она там что-нибудь процитировала…

Помня Клодию и посещение греческого ресторанчика, Эмма усомнилась в этом, но в браке все возможно. Чувствуя себя так, словно вторглась на чужую территорию, она предалась пошлым размышлениям о том, что, как видно, общение Грэма и Клодии не ограничивалось обсуждением гардин для кабинета. Да и стихотворение могло быть вовсе не о зеленых абрикосах.

— Лоре нравилась эта книга, — услыхала она. — Она любила метафизиков.

Впервые он заговорил с ней о жене, и Эмма не знала, как себя вести. Он не принадлежал к категории людей, недавно перенесших утрату, опасности разбередить свежую рану возникнуть не могло. Но Лора, как, по крайней мере, она слышала, умерла больше десяти лет назад, а он с тех пор не женился. Значит, Лора могла, быть его первой и единственной любовью.

— Наверно, вы все еще тоскуете по ней, — сказала Эмма, чувствуя, что при всей суховатости такого замечания, прямота в данном случае лучше вежливых и невразумительных выражений сочувствия. Что подтвердил и спокойный, честный ответ Тома.

— По-моему, да, в какой-то степени, — сказал он. — Но вообще-то ко всему привыкаешь, даже тосковать привыкаешь, а как реальный человек она теперь словно отдалилась от меня. Иной раз я и вспоминаю-то ее с трудом.

— А какая она была?

Том замялся. Может быть, описать этот поселок, каким он был в конце XVII века, ему было бы проще, чем описать Лору. Но все же из его слов Эмме удалось ухватить, что они с Лорой вместе учились в Оксфорде, что была она умной, занятной и пользовалась успехом куда большим, чем когда-либо выпадал на долю ректора. Составить себе из этих слов представление о Лоре, понять, могла бы Лора ей понравиться, трудновато. Может, она была вовсе не такой уж милой, не то что Том — умная острая женщина, окрутившая добряка. Отчего она умерла? Ну а отчего сейчас умирают? От чахотки не умирают, от викторианской болезни тифа или скарлатины — тоже, но вот рак и различные сосудистые заболевания по-прежнему остаются нашим бичом и проклятием, так что, вероятно, умерла она от какого-то из этих недугов.

— У нее развилась лейкемия, — сказал Том, — а лечить лейкемию в то время не умели. Возможно,

сейчас все окончилось бы иначе.

«И была бы у тебя сейчас достойная жена», — подумала Эмма.

— А жениться — со временем, конечно, — вы так и не решились? — спросила она.

— Ну, как вам известно, приехала Дафна.

Эмма почувствовала, что вряд ли в состоянии вынести еще один разговор о Дафне и собаке, но, к ее облегчению, ректор принялся рассказывать о периоде, последовавшем за смертью Лоры, причем он как будто оправдывался в том, что не женился вторично.

— Случая не представилось или не встретил никого подходящего.

Наверное, он и сам понимал, какими жалкими выглядят эти оправдания. Не родилась еще та сестра, что может помешать мужчине и тем более священнику сойтись с женщиной, если уж он это задумал!

— Но разве в вашем приходе, здесь ли, в Лондоне ли, не было…

— О, были, разумеется… В каждом приходе найдутся особы, и вполне достойные особы, но как-то, знаете… Вы ведь тоже не вышли замуж, правда? — обратился он вдруг к Эмме, словно бросаясь в атаку. — Это из-за доктора Петтифера?

Это он?

Эмма расхохоталась:

— Когда-то, во времена нашего первого знакомства, я считала, что он, но все у нас окончилось ничем, а он потом женился на другой. Мы надолго потеряли друг друга из вида, пока в один прекрасный день я не увидела его по телевизору и не написала ему. Сейчас много говорят о том, какой вред приносит телевизор детям, а об опасности его для совершеннолетних думают как-то меньше.

— Вот оно что: старая любовь не ржавеет!

— Ну, можно назвать это и так.

— Когда вы с ним только познакомились, он, наверно, был интереснее.

— Что вы имеете в виду?

— То, что мне он всегда казался блюдом несколько пресным — в те несколько раз, что мы с ним общались.

Такая характеристика — Грэм в качестве блюда — заставила Эмму опять расхохотаться. Не обещавший ничего хорошего день завершался для нее даже весело. Они прикончили бутылку вина, и с Грэма разговор перекинулся на темы более безопасные, одной из которых, как ни странно, оказался мавзолей. Тома беспокоила судьба мав-

золея. Мисс Ли настаивает, чтобы он отыскал людей, на чьем попечении находится мавзолей. Кто-то же должен его «обслуживать», как «обслуживают» машины, а уж сколько времени никому до него дела нет.

«Что бы сказала мисс Верикер, если б только увидела все это!» Не согласиться с таким доводом было невозможно.

25

Когда фургончик Терри Скейта наконец появился возле мавзолея, стало ясно, что на Терри «накатило». Том испугайся, что Терри хочет попросить еще денег или объявить о забастовке или о том, что вообще прекращает работу. Сейчас такое в порядке вещей. А может быть, он хочет «работать нормированно», что бы это ни значило в применении к мавзолею и работе в мавзолее. Но оказалось, ничего подобного. Терри Скейт не желал больше возиться с этим мавзолеем, потому что потерял веру.

Том был так удивлен и даже потрясен этим известием, что первой его реакцией был нервный смех, хотя, конечно, дело было нешуточное. Видимо долг его разобраться во всем и даже попытаться вернуть утерянное. Припертый к стенке Терри признался, что в религии его кое-что перестало устраивать, причем довольно давно.

— Может быть, вас смутила какая-либо книга? — спросил Том. Помнится, в последнее время вышел ряд книг, которые могли оказать влияние, подобное тому, какое в начале 60-х годов оказывала «С чистым сердцем», но вряд ли Терри

их читал.

— О нет, это не книга, — сказал Терри, — это все телевизор.

Они стояли в мавзолее, окруженные ледяными мраморными фигурами, в чьем присутствии вести подобный разговор казалось неловким.

— Я имею в виду выступления всяких там университетских профессоров и прочих в том же роде, а один из них даже имел сан какой-то, что-ли… А одет он был в зеленую водолазку, подумайте только!

Эта зеленая водолазка, как видно, повлияла на Терри больше, чем все священнические сутаны вместе взятые, он все не мог успокоиться и жаловался на «таких вот типов», которые через средства массовой информации лезут к тебе в переднюю гостиную, чтобы заставить усомниться во всем, чему ты привык верить.

Том, не умевший ни телевизора, ни передней гостиной, совершенно растерялся. Потом он вспомнил, что сомнения такие не новы. У всех они бывали. Адам Принс тоже в свое время усомнился в догматах англиканского вероучения, хотя дискуссия на эту тему вряд ли облегчит душу Терри. Он постарался утешить его, уверить, что период сомнений скоро окончится, к вере он

вернется и вера его будет крепче прежнего. «В конце концов, — говорил он, — людей не чета нам с вами и то посещали сомнения, но они их умели побеждать».

— Ах, ну это когда-то, в прежние времена… Дарвин и все эти допотопные викторианцы… — прервал его Терри и засмеялся.

Наверно, смотрел по телевизору какой-нибудь спектакль на эту тему, подумал Том, решив, что Терри не так уж и беспокоят его сомнения. Он примирился с ними — люди в телевизионном ящике лишили Терри его чистой детской веры, а доводы ректора до него не доходят. В том, что говорила Эмма насчет опасного влияния телевидения на совершеннолетних, есть доля истины. Во всяком случае, мавзолеем Терри больше заниматься не будет, что он и пытался сейчас разъяснить Тому, зачем он и пришел, а вовсе не для того, чтоб поведать о своих сомнениях.

— Это, конечно, не значит, что мы не поможем вам со следующим праздником цветов и прочим в том же духе, — добавил Терри, — и свадьбы, как вам известно, мы оформляем… До скорого, ректор.

Том поглядел вслед отъезжающему Терри и возвратился в церковь, где мисс Ли «терла свою

бронзу», как она это называла, а мисс Гранди украшала алтарь цветами.

— Я подумала, что молодому человеку весьма не вредно было бы здесь появиться, — сердито сказала мисс Ли.

На ней были старые черные рукавицы, надетые, чтоб защитить руки от политуры, и вид у нее в них был довольно зловещий.

— Наверно, он вообще больше не придет, — вырвалось у Тома, хотя он и не собирался откровенничать с мисс Ли.

— О, вся эта молодежь слова доброго не стоит. Никто не желает работать, — сказала она с ожесточением.

Том отметил про себя, что бронза, несмотря на хмурый ноябрьский день, сияла как никогда — сказывалась тщательность полировки. Но углубляться в вопрос о том, кто желает и кто не желает работать, беседовать об этом с вышедшей в тираж камеристкой, разбиравшейся в современной жизни не лучше его самого, Тому не хотелось. И без того ему по долгу службы приходится тратить время в бессмысленных беседах.

— Думаю, что найти ему замену труда не составит, — сказал он невозмутимо и безапелляционно, хотя уверенности в этом он не чувствовал.

«Требуется опытный агностик, знающий основы садоводства» — все ли предусматривает текст подобного объявления? Или так: «Религиозные верования препятствием не являются». Такие объявления помещала когда-то «Черч-таймс»...

— Мисс Верикер всегда так гордилась... — начала было мисс Ли, но Том не выразил интереса к ее словам, и она умолкла. Ректор же поймал себя на том, что размышляет, не одолевают ли и ее когда-нибудь сомнения, не кажется ли ей порою, когда она начищает бронзовую голову орла на аналое, что все, чему она служит, может оказаться хитрым обманом, не спрашивает ли она себя, зачем воскресенье за воскресеньем и даже иногда в будни приходит она сюда, отдаваясь тому, в чем она не уверена. Осмелится ли он спросить ее об этом? — думал он, разглядывая внутреннее убранство церкви и обнаруживая повсюду следы и доказательства неустанной деятельности мисс Ли. Глядя пристальным взглядом на аналой и птицу на нем, всегда казавшиеся ему бронзовыми, он вдруг понял, что это вовсе не бронза, а дерево. Аналой был деревянный, более того, местная легенда гласила, что сделан он из дуба, росшего в усадьбе Тэнкервилла. Он, верно, его спутал с каким-то другим аналоем, может

быть, той церкви, куда его водили в детстве. Как же он, оказывается, рассеян и ненаблюдателен! И вопрос, который он задал мисс Ли, был вовсе не о вере и безверии, а гораздо проще.

— Вам не хотелось бы, чтоб в нашей церкви аналой был бронзовым, как в некоторых других церквах?

— О нет, ректор, — отвечала она, — мне нравится эта старая деревянная птица, нравится полировать ее. Аналой из бронзы, может быть, и лучше блестит, но зато дерево — это ведь такой благодарный материал, и потом, я льщу себя надеждой, что никто не отполировал бы этот аналой лучше меня.

Том, успокоенный, отвернулся от аналоя. Из слов ее насчет того, что бронза лучше блестит, а дерево зато такой благодарный материал, может получиться тема для проповеди. И конечно же, мисс Ли не ведает сомнений! А если и ведает, то слишком она хорошо воспитана, чтобы даже помыслить докучать ими ректору.

Он прошел к алтарю, где мисс Гранди делала последние штрихи, убирая алтарь розами.

— Розы в ноябре, подумать только! — сказал он с притворным восхищением. — Он всегда почему-то чувствовал себя виноватым перед мисс Гранди

и вел себя с ней неестественно. К таким людям, как она, вечно требуется проявлять участие, хотя и непонятно какое, а кроме того, он смутно догадывался о том, что она не принадлежит к поклонницам его проповеднического дара.

— О, у нас в саду розы еще цветут, — сказала она своим звучным голосом, — а эти, я думаю, неделю здесь еще продержатся. Надо будет только добавить листочков. Несколько зеленых листьев могут совершенно изменить картину.

«Вот и еще одна крупица для проповеди, — подумал Том, — и можно присовокупить ее к словам о благодарном дереве». Но подозрение, что эти пожилые дамы подсказывают ему темы для проповеди, действовало угнетающе. И он решил этих тем не использовать.

— Цветы и растения вас так любят, — сказал он, ухватившись за столь редкий дар мисс Гранди.

Возможно, она единственная смогла бы вырастить зернышки пшеницы, найденные среди погребальных покровов в древних могильниках. В какой-то местной хронике он прочитал, что в двадцати милях отсюда нашли такие зерна. Если б только удалось заполучить их. Уж тут-то мисс Гранди бы развернулась!

26

Лелея воспоминания о юных годах, проведенных в усадьбе в качестве гувернантки, мисс Верикер в своем уэст-кенсингтонском заточении решила, пока жива, съездить в последний раз в поселок и повидать дом, церковь, мавзолей и тех немногих, кто ее еще помнил. Для поездки она выбрала чудный ноябрьский день, когда сияло солнце и пахло почти как весной — такие дни нам дарит иногда взбалмошная английская осень. На Пэддингтонском вокзале она села на поезд, чтобы добраться до ближайшей к поселку станции, но ни племяннику, ни его жене она ничего о своем замысле не сказала. В конце концов, едет она только на день (за полцены по своему пенсионерскому льготному билету), а к вечеру вернется. В поселке она тоже никого предупреждать не станет — нагрянет неожиданно к мисс Ли, возможно к легкому завтраку, но утруждать кого бы то ни было она не собирается. Для нее сгодится и хлеб с сыром — «завтрак землепашца», как в шутку называют такую еду, — и хотя на землепашца мисс Верикер отнюдь не похожа, не больше нее похожи на землепашцев и завсегдатаи пивной,

которую облюбовал себе ее племянник, где подают такой завтрак.

Сидя в поезде, она размышляла о племяннике. Конечно, теоретически он был бы счастлив отвезти ее на машине куда угодно, но практически выбрать время для этого не так легко. Во-первых, ехать он может только в субботу или воскресенье, причем в субботу всегда найдутся дела поважнее, в воскресенье утром он моет машину, а днем скорее всего отправляется в гости к родителям жены. Ей еще повезло, разумеется, что ее так вот «приютили» — ведь большинство вовсе не считает заботу о тетке в числе первейших, но она была любимой сестрой умершей матери племянника, и поэтому к ней относились с суеверным почтением. Когда же ей стукнуло семьдесят и, хотя она прекрасно сохранилась для своих лет, если не считать подверженности бронхитам в холодное время года, она состарилась, что вполне естественно, ее стали почитать как относящуюся к категории людей, называемых «престарелыми». Так что, строго говоря, жаловаться мисс Верикер в ее теперешней жизни остается только на то, что эта жизнь теперешняя, а не прошлая.

После Оксфорда поезд, казалось, замедлил ход, словно торопиться больше было незачем: когда

придет, тогда придет. Поезд останавливался на станциях, которые мисс Верикер помнила с незапамятных времен, только находились они теперь в печальном запустении — аккуратных садиков возле них уже не было, а росли там лишь бурьян, сорняки и одичавшие потомки самых выносливых садовых растений. Ее «хозяева» всего этого бы не одобрили, подумала она, выходя на станцию и предъявляя свой льготный билет юноше, видимо исполнявшему тут обязанности начальника. Машина из усадьбы ее, конечно, не встречала, да и вообще никакой машины ей не попалось, хотя возле станции и было припарковано великое множество машин, гораздо большее, чем в прежние времена. Наверное, многие теперь ехали с этой станции на работу в Оксфорд или даже в Лондон, а вечером возвращались.

В поселок она отправилась пешком. До опушки леса меньше полумили — такое расстояние она пройдет с легкостью. А потом после приятной прогулки по лесу, насладившись видом усадьбы, она появится в поселке, к изумлению мисс Ли или даже самого доктора Геллибранда — ректора она, конечно, не удивит, так как с теперешним ректором она не знакома, — а кроме того, несомненно, в поселке еще найдутся люди, помнящие ее.

Утренний врачебный прием в поселке близился к концу — для доктора Геллибранда, как и для доктора Шрабсоула, он оказался весьма насыщенным. В приемной толпились люди, хорошо друг друга знавшие; встретившись в подобных обстоятельствах, они могли бы выразить удивление, если бы опустились до этого. Разговоры сводились к минимуму — в приемной врача отпадает охота к разговорам. Адам Принс и Эмма, очутившись друг напротив друга, он — с собственным номером «Дейли телеграф», она — с растрепанным «Дамским журналом» от прошлого года, взятым со столика в приемной, обменялись приветственными улыбками и тут же снова погрузились в чтение. Адам читал, все больше недоумевая и распаляясь гневом, об иностранных священнослужителях-женщинах в то время, как Эмма изучала письма, содержащие вопросы сексологу. Может быть, и ей стоило бы обратиться к участливой женщине-сексологу, чтобы посоветоваться о неудаче с Грэмом. Но там и советоваться-то, считай, не о чем. Полезнее будет обратиться к страничке кулинара, которая может подсказать ей кое-какие идеи насчет угощения для Тома, если она пригласит его вторично. Помещенные там яркие иллюстрации

тоже своего рода пища для размышления.

Доктор Геллибранд начал утро в чудесном настроении. Погода стояла яркая, солнечная, но воздух бодрил осенним холодком, да и дни заметно поубавились. Уютные прохладные ночи обещали к лету неплохой урожай младенцев. Однако при виде вошедшего к нему в кабинет Адама Принса, показавшегося ему живым воплощением здоровья — упитанный, гладкий, благополучный, как кастрированный кот, — доктор почувствовал разочарование. «К этому-то какая хворь могла прицепиться?» — раздраженно думал он, здороваясь с обычным своим радушием и расспрашивая пациента о самочувствии, в ответ на что последовало:

— Должно быть, это неврастения или стресс, как теперь говорят… Бессонница мучает… от всего на стенку лезу… — Адам улыбнулся, поймав себя на употреблении жаргонизма.

— Плохой сон, говорите? — признать это состояние бессонницей доктор не пожелал. — Какое-нибудь теплое молочное питье перед сном…

Уже давая эту неуверенную рекомендацию, доктор понимал, что самая мысль о чем-то теплом и молочном способна скорее отвратить, чем привлечь Адама Принса. К тому же советовать

взрослому мужчине, что делать перед сном…

— Ну думаю, что в моем случае… — начал Адам.

— Ну а что вас раздражает, отчего вы «на стенку лезете»? — спросил доктор Геллибранд.

— Видите ли… — Адам опять улыбнулся. Конечно, все это не так серьезно, как сомнения относительно истинности англиканских догматов, но он нервничает, раздражается, находится в постоянном стрессе — называйте как угодно… А попытаться рассказать об этом — и все будет выглядеть пустяком… сплошные булавочные уколы и только…

Он пустился в рассуждения о ни с чем не сообразном приступе бешенства, который вызвала у него перегретая (chambré) бутылка вина, хранившаяся вблизи отопительной батареи, о покупном майонезе вместо приготовленного, о хлебе ломтиками, плавленом сыре, о труднодоступной дижонской горчице, о свежемолотом кофе и, наконец, о чае в пакетиках — употребление последнего в особенности выводило его из себя.

Так как перечень грозил оказаться бесконечным, доктор Геллибранд прервал его, напомнив, что чайные пакетики сейчас используются в ресторанах повсеместно и что это вполне разумно

и удобно, облегчает труд женщины и даже, можно сказать, помогает им избегать собственных стрессовых ситуаций.

— Мне кажется, — заключил он, — что вы «на стенку лезете» из-за своей работы. Вам нужно отдохнуть от нее. Где бы вы ни были, эта череда завтраков, обедов, ужинов и отчетов о них…

Судя по всему, его представления о работе Адама отличались крайней поверхностностью.

— Согласитесь, это противоестественно, ведь правда? — речь его опять обрела грубоватость, напористость. — Итак, поменьше взыскательности, постарайтесь полюбить плавленый сыр, чай в пакетиках, растворимый кофе, бифштексы с булочкой и даже рыбные палочки; жители нашего поселка в огромном большинстве питаются этими продуктами, что их нисколько не умаляет. Ну а по поводу того, хорошо или плохо вы спите — вы это, кажется, назвали бессонницей, то и тут, как я уже сказал, поменьше взыскательности — перед тем как лечь, маленькая прогулка, а теплое молочное питье в постели прекрасно снимает напряжение. Я всегда рекомендую его. — Что рекомендует он его чаще всего беременным, он не счел нужным добавлять. Когда Адам заикнулся было о снотворном, доктор Геллибранд выписал

ему какие-то таблетки, действия скорее седативного, повторил еще раз свой совет не волноваться и отпустил его. В приемной он заприметил Эмму Ховик, а пациентка-женщина, уж конечно же, представляет собой более интересный и благодатный материал для врачебной деятельности, чем этот напыщенный зануда Адам Принс.

Но Эмма, пришедшая на консультацию к Мартину Шрабсоулу, прошла в соседнюю приемную, предоставив доктору Геллибранду возиться с утомительной дамой, которая хотела лишь одного — померить давление.

Для Мартина утро пока что выдалось хлопотливое. Одной пожилой пациентке ему пришлось сказать, что дни ее сочтены, поскольку его, как человека откровенного, правда никогда не пугала. Он считал, что скрывать правду от разумного человека — дело зряшное. Но пациентка отплатила ему вопросом, верит ли он в загробную жизнь. Поначалу он просто онемел от негодования. Однако потом он сообразил, что отвечать на подобные вопросы ему не положено, так как область эта в компетенции ректора. Тот факт, что все мы смертны, показался ему к делу не относящимся. Когда пациентка тихо выскользнула из кабинета, а место ее заняла Эмма, он почувство-

вал облегчение.

На одной руке у Эммы была легкая сыпь, вероятно аллергического происхождения, — это все стиральные порошки, а впрочем, может быть, причина тут и другая — какой-нибудь стресс… а что полагает доктор?

Едва заслышав про «стресс», Мартин насторожился. Хотя преимущественной областью его исследований и интересов была гериатрия, он в полной мере понимал важность внимательного отношения к каждому из пациентов, ибо даже относительно молодые со временем становятся стариками. А помимо этого Эмма его всегда интересовала и озадачивала как не укладывающаяся ни в одну из привычных ему категорий.

— За последнее время вам не случалось попадать в какую-нибудь особую стрессовую ситуацию? — спросил он.

Казалось, Эмма вот-вот расхохочется.

— Ну уж что касается стрессовых ситуаций, то с кем не бывало, — сказала она. — В жизни их полно, ведь правда?

— Да, напряженный ритм современности… — начал Мартин, хотя вряд ли Эмма имела в виду жизнь поселка, скорее всего, она намекала на что-то из своей личной жизни. Этот человек из

лесной сторожки, Грэм Петтифер (так называемый доктор Петтифер), однажды нагнавший на них такую тоску своими рассуждениями о Центральной Африке, не он ли причина этого ее стресса?

— Даже в жизни внешне спокойной, — продолжал он, — может присутствовать стресс.

С этим Эмма согласилась.

— Например, необходимость ухаживать за престарелым родственником. Мне так часто приходилось быть свидетелем подобных ситуаций.

— Да, наверно, приходилось, — участливо сказала Эмма. — Ведь вы раньше специализировались в гериатрии, перед тем как переселиться сюда, правда?

Мартин подтвердил это, хотя и подумал, что беседа их потекла по неверному руслу: пациент расспрашивал доктора. Но потом ему вспомнилось, что Эмма, кажется, социолог или во всяком случае кто-то, чья работа связана с опрашиванием и анкетированием, значит, не в нем тут дело. Тем более он должен проявить настойчивость и вскрыть основную причину ее недуга.

— Покажите руку, — сказал он.

Эмма положила на его руку свою, ладонью вниз.

— Рука довольно загрубелая, — сказал он.

Не обидело ли ее предположение, будто она не ухаживает за руками, не втирает в них крем после каждой стирки, как это делает его жена или теща? И какими разными на ощупь бывают руки женщин, детей, стариков…

— Часто стресс вызывается перипетиями неудачного романа, — отважно заметил он.

Подняв глаза, Эмма взглянула в склонившееся к ней молодое серьезное лицо. Он действительно старается понять причину болезни.

— Видимо, стирать надо в резиновых перчатках и все такое прочее…

— Да, попробуйте. — Приглашение к откровенному разговору отвергнуто, и может быть, так оно и лучше. — Я выпишу рецепт, и если дела не пойдут на лад, приходите ко мне недели через три.

Такая формулировка оставляла вопрос открытым и даже широко открытым. В случае необходимости она сможет быть с ним предельно откровенной.

А Мартин думал, не сумеет ли выведать все у Эммы его жена, и представлял себе их в лесу на прогулке: Эвис крушит палкой крапиву в то время, как Эмма изливает ей душу.

Эмма вышла из кабинета, сжимая в руке ре-

цепт, «бумажку», как называют его наркоманы, довольная уже тем, что он не спросил ее о ее половой жизни, вернее, отсутствии таковой.

В то же самое утро на окраине Бирмингема Дафна повела Брюса в ветеринарную лечебницу. Здесь приемная была совсем иная, отличающаяся от обычных приемных, где властвует тишина и никто друг с другом не разговаривает. Здесь атмосфера была дружеской, участливой, и каждый из присутствующих заинтересованно и даже дотошно расспрашивал соседа о недугах и хворях пациента, свернувшегося на руках у хозяина, закутанного в корзинке или спящего в коробке на мокрой подстилке (в тех случаях, когда животное нервничало и не смогло себя сдержать). Кастрирование и холощение, эффективные средства от глистов и уколы кошкам в период лихорадки, лекарства от поноса и удаление прибылых пальцев — все становилось предметом бесед и заинтересованных споров.

Когда подошла очередь Дафны, она увидела, что принимает самый молодой из ветеринаров (всего в лечебнице врачей было три), который вниманием и участливостью напомнил ей Мартина Шрабсоула. Услышав, как добродушно он обратился к Брюсу: «Один легонький укольчик,

ты ничего и не почувствуешь, приятель», — готовя собаку к уколу, она подумала, что врач мог бы с пониманием отнестись и к ее собственным бедам и даже дать ей хороший совет. Вот дар поистине редкий — бесценное качество для ветеринара и просто врача! Сколько раз, должно быть, приходилось этому юноше успокаивать и ободрять огорченных и обеспокоенных собако- и кошковладельцев и сколько лет самоотверженного служения ему еще предстоит! Но все-таки довериться ему, как доверялась она Мартину Шрабсоулу, невозможно, не может она обременять его рассказом о своих горестях: о том, что Бирмингем и даже зеленый пустырь неподалеку от дома, оказывается, не заменили ей пленительного белого домика на эгейском взморье. И о Хетер: какой нетерпимой она стала с годами, и о Томе: Дафна нередко беспокоится о нем, думает, как он там, хорошо ли она поступила, оставив его одного. Ничего из этого милому молодому ветеринару ведь не расскажешь…

— Давай, Брюс, — сказала она, — пусть доктор посмотрит лапу.

Ветеринар засмеялся.

— Забавно, — сказал он. — Я ведь тоже Брюс.

Это сообщение словно сблизило их, и она даже

почувствовала некоторое облегчение, будто и впрямь откровенно рассказала ему все. Но пожаловалась она лишь на понатыканные повсюду запрещения входить с собаками. Позор, ей-богу! Брюс такой воспитанный, он в жизни не позволит себе ничего неподобающего. Он же не кошка!

— Да, — согласился ветеринар. — Кошке закон не писан. У вас была кошка?

— Нет, — сказала она, а затем добавила: — Хотя брат, по-моему, любит кошек.

И при мысли о Томе лицо ее омрачилось.

«И станут ветхими они, подобно одеждам», — прочел Том. Lanatus — облаченный в шерсть. Шерсть же — материя органическая и, значит, подвержена тлению. Следовательно, никаких следов шерстяной ткани, в которой согласно указу от августа 1678 года полагалось хоронить умерших, сохраниться не могло или же почти не могло. Интересно, сколько лет надо шерсти, чтобы истлеть? При раскопках старинных захоронений ему ни разу не попалось ни малейших клочков или лоскутков шерсти. О случаях погребения в шерсти никому ничего не известно, если не считать истории с погребением ежа мисс Ликериш, а это, так сказать, статья особая.

Его донимало сосущее чувство голода, что вы-

нудило его прервать размышления. Кажется, миссис Дайер оставляла ему холодное мясо, и можно подогреть суп из банки. Уж миссис Дайер-то, наверное, знает, сколько времени истлевает шерсть, а также в чем сейчас хоронят и из чего делают саваны. Говорят, какой-то дальний родственник у нее служит в похоронном бюро. И об искусственных материалах она тоже должна все знать. Но лучше уж обойтись без нее.

За завтраком он читал последнюю страницу «Дейли телеграф», излюбленной газеты Дафны, все еще доставляемой в ректорский дом. Сколько извещений о смерти, но никого из этих покойников не хоронят в шерсти. Указ был отменен, как помнится, в начале XIX века, хотя и сейчас еще ничто не препятствует обычаю, если кто-то изъявит желание быть похороненным именно так — одно слово в завещании, и все будет в порядке… Он ел холодную баранину с хлебом, похрустывал маринованным луком, а глаза его машинально скользили по алфавитным столбцам извещений о смерти. Шофер Фабиан Чарлзуорт, — читал он, — преданный супруг Констанс и Джесси — странно как написано… Что же, значит, обе жены его живы? А смерть его их объединила? И кого похоронят рядом с этим усопшим — первую

жену или вторую? Ну а если внезапно умрет он, ректор, на кладбище при церкви место для него найдется. Ему не сразу вспомнилось, что Лора похоронена не здесь. Но он ведь может жениться вторично, как этот шофер, и как тогда этих женщин разместить?

27

В лесу было холоднее, чем в поезде, но день был по-прежнему ясным, а прогулка по дороге, полого поднимавшаяся от станции вверх по холму, бодрила. Замерзнуть мисс Верикер не замерзла, но от непривычных усилий — в Уэст-Кенсингтоне ей доводилось гулять главным образом по ровному месту — сильно разболелась спина и началась одышка. Утро казалось тихим, а сейчас между деревьями задувал пронизывающий ветер.

Она остановилась передохнуть. Без сомнения, перед ней та самая сторожка, где жил некогда лесничий Клегг, но теперь сторожка являла собой печальное зрелище: садик запущен, занавески в окнах, выходящих на фасад, нуждаются в стирке. Мисс Верикер глядела во все глаза, хотя при иных обстоятельствах посчитала бы это неучтивым, но не все ли равно, раз сторожка совершенно необитаема! Где же теперь живут лесничие? Наверно, в каких-нибудь коттеджах современной архитектуры или домах, принадлежащих общине. Видно, жены юс не дорожат лесным уединением. Стаканчик чаю или рюмка самбуковой настойки по рецепту миссис Клегг, которые бы ей предложили

здесь в старое время, оказались бы сейчас весьма кстати, но рассчитывать на них не приходится. И все равно ей надо идти вперед, «напролом сквозь все преграды», по любимому выражению племянника. До поселка, наверно, не так уж далеко, и лес скоро кончится. Часы показывали половину второго — для визитов время не самое удобное. Она удивилась, что так поздно, — должно быть, возле сторожки она простояла больше, чем ей думалось.

Она шагала вперед, как всегда, решительно расправив плечи, высоко держа голову. Тропинка была знакомая, хотя и заросла она порядком, куда больше прежнего. И все же это та самая тропинка, без сомнения, та самая. Вот только боль в спине усилилась, покалывать стало чаще, и ей вспомнилось, как она страдала плевритом, а доктор, выслушав ее стетоскопом, сказал, что шум в ее легких похож на шум сухой осенней листвы, такой же точно шум слышала она и сейчас при каждом своем вдохе, а может, это и в самом деле шелестят опавшие листья?

Она заметила, что начинает замедлять шаг. Наверное, поселок дальше, чем ей помнилось, а она сбилась с тропинки и идет теперь по грязной проселочной дороге, испещренной следами ко-

пыт, не то коровьих, не то лошадиных. Девочки когда-то ездили верхом по этой дороге, и, видимо, так же дорогу используют и сейчас. Она пожалела, что не догадалась захватить с собой палку — палка бы пригодилась, и не столько, чтобы облегчить ей ее неверные шаги, как иронически подумала она, сколько для того, чтобы отводить с дороги ветки и придерживать загораживающие путь кусты. Так давно она не бывала в этом лесу, и вообще ни в каком лесу, что и позабыла, какая полезная вещь палка.

А потом она очутилась на полянке, на которой были разбросаны камни и можно было присесть отдохнуть. Она не то чтобы устала — но ее мучила боль в спине и, что еще существеннее, неловкость визита к мисс Ли и мисс Гранди в два часа дня. Мисс Ли принадлежала к той породе людей, что имеют привычку днем «давать себе отдых», ей может не понравиться приход неожиданного визитера, даже если этот визитер ее старинная приятельница, с которой она не видалась тысячу лет.

— Мама всегда спит после второго завтрака, — верещала Эвис Шрабсоул, — хотя и клянется, что это не так. Слушает «Стрелков», а потом не успеет еще начаться «Женский час», а она уже

отключилась! — Эвис хихикнула. — Ну а я при первой же возможности отправляюсь гулять — тихонько шмыгаю на улицу и оставляю ее одну, хотя Мартин и маме все твердит, что погулять по лесу ей крайне полезно.

— Надо думать, — пробормотала Эмма.

Уж кого она не ожидала встретить в этом месте и в этот час и кого она меньше всего хотела видеть — так это Эвис, но притвориться, будто идет в другую сторону, она не сумела — не сообразила как-то, и потом, ясно было, что она вообще не идет, а стоит и, как говорится, «ворон считает», и Эвис, бросив на нее проницательный взгляд, тут же заявила, что стоять на одном месте холодновато (хотя для ноября погода выдалась чудесная), и сейчас они шли быстрым шагом, удаляясь от поселка, и Эвис сбивала палкой придорожную растительность.

— По-моему, вы с Мартином утром виделись, — добродушно, по-приятельски сказала Эвис. Конечно, показывать, что знаешь о чьем-то визите к врачу неприлично, но Мартин мог видеть Эмму и на заправочной станции.

— Да, я обращалась к нему по поводу сыпи на руках, — призналась Эмма.

— О, серьезно? Какая досада! Должно быть, это

стиральные порошки виноваты.

— Видимо, да. Или еще что-нибудь похуже: какой-нибудь стресс и всякое такое, знаете, как сейчас считается…

— Конечно, знаю!

Обе они рассмеялись, после чего Эвис нанесла по ни в чем не повинному пучку травы удар особо сокрушительный. Не раскрывая, разумеется, никаких врачебных тайн, Мартин намекнул ей, что Эмма нуждается в помощи и что Эвис, видимо, способна ей эту помощь оказать.

— Вы удивились, для чего я бесцельно брожу по лесу? — спросила Эмма.

Такой выпад ошарашил Эвис.

— Я решила, что для здоровья, — сказала она.

— Но вы, должно быть, думали обо мне и Грэме, гадали, было что-нибудь между нами или нет, или даже слышали разговоры.

— Да по-моему, и разговоров-то особых не было…

— А если не было, тем хуже: это еще унизительнее.

Кажется, Эмма собирается заговорить теперь о другом, осложняя тем самым оказание ей помощи, в которой, по словам Мартина, она так нуждается. Однако может стоит прицепиться к

этому «унизительнее», попробовать убедить ее не преувеличивать?

— Может быть, вы чересчур многого ждали, — рискнула заметить Эвис.

— О нет, я ничего не ждала, какое право я имела бы ждать! — в сердцах воскликнула Эмма.

На это ответить было трудно, и Эвис решила доложить Мартину, что Эмма страдает от отсутствия личной жизни или, вернее сказать, от неразделенной любви к человеку, который им всем казался довольно скучным, но о вкусах не спорят. Однако женское чутье подсказало Эвис, что, возможно, она несколько упрощает ситуацию. Не найдя что ответить, она ограничилась замечанием, что у каждого бывают свои разочарования, намекнув тем самым и на собственные огорчения. Откровенность может оказаться полезной.

— Я понимаю, — согласилась Эмма. — Женщина, даже если она счастлива в браке, имеет заботливого мужа и прекрасных детей, может чувствовать себя обделенной… Бывает, она жертвует дому открывавшейся перед ней карьерой пианистки, тележурналистки или даже общественной деятельницы…

Эвис показалось, что Эмма смеется над ней.

— Ну, даже имея семью, не обязательно забывать о себе и собственной работе, — с вызовом сказала Эвис, Вот она, в частности, оказывает большую помощь местным благотворительным организациям. — Но существуют ведь и другие проблемы, — продолжала она, — к примеру, проблема жилищная. Наш теперешний дом стал нам так тесен, в особенности после того, как мама к нам переехала.

— Да, наверное, ведь у вас, как я думаю, — Эмма сделала мысленный подсчет, — не больше четырех спален.

— Правильно. Наша, конечно, затем спальня мальчиков — они сейчас в одной, маленькая комнатка Ханны при входе и мамина — та, что была для гостей.

— Как раз четыре, — сказала Эмма. — Значит, у вас нет спальни для гостей, и если кто-нибудь приезжает…

— Разумеется! Его просто некуда деть!

— А спать в чужой гостиной среди мягких кресел и всех этих торшеров так неудобно…

— У нас в столовой есть раздвижное кресло…

— О, в чужой столовой — это еще неудобнее! Конечно, вы можете выставить маму — понятно, не в буквальном смысле. Как она отнеслась бы

к собственному домику в поселке, если бы представился случай, или к новому домику из тех, что строятся возле церкви? Это могло бы разрешить проблему.

Эвис улыбнулась, вспомнив о разговоре, который они затеяли, пригласив Тома на ужин.

— А знаете, как еще можно было бы разрешить эту проблему? — спросила она.

— Видимо, переехать вам в дом побольше, но ведь уезжать из поселка вы не хотите, правда?

— А уезжать и не надо было бы, если бы мы поселились в ректорском доме.

Эвис с такой яростью ударила по нависшей над дорогой ветке, как будто этим она сокрушала самого Тома.

— Но каким образом? Куда бы делся Том, куда бы он переехал? Ведь не в домик же возле церкви…

— Нет, конечно. — И Эвис пустилась в рассуждения об огромных размерах этих старых домов для ректоров и викариев и о предпочтении, которые теперь так часто оказывают священники домам поменьше и поудобнее. Теперь, с отъездом Дафны, для Тома можно подобрать какой-нибудь флигелек или даже что-нибудь в домах общественной застройки. Зачем считать,

будто викарии и ректоры неотделимы от этих специально предназначенных для них ветхих и опустелых строений? Это не в духе времени, потому что священники теперь стремятся к более тесной близости со своими прихожанами, хотят жить как все люди, а не изолированно, не обособленно. Господи, да она даже слышала о каком-то священнике в Лондоне, который живет в высотном доме! Эвис уверена, что для Тома счастьем будет переехать.

— Счастьем? Слово «счастье» к нему как-то не подходит, — начала было Эмма, но тут беседа, получившая такой интересный и содержательный поворот, прервалась, и Эвис, указывая на что-то палкой, вскричала:

— Глядите! Там на поляне старуха! Что она — спит? Или плохо ей? Кто это? Уж конечно, не бродяжка, судя по, одежде.

Насколько можно было судить, это была крупная женщина в длинном пальто из какого-то допотопного меха, купленном, видимо, задолго до того, как люди всерьез озаботились охраной пушного зверя, и когда ондатровую шубу можно было купить за каких-нибудь двадцать фунтов. Пальто было распахнуто и открывало для обозрения костюм-джерси сине-коричневой расцветки,

дорогой шелковый шарф от «Либерти», чулки из толстой шерсти и короткие, по щиколотку, коричневые сапожки. Под боком у нее была сумочка с перчатками, и то и другое на первый взгляд «весьма приличное»: не пластик, а коричневая кожа. Туалет, вероятно, дополнялся синей фетровой шляпой, но шляпа соскользнула с головы и валялась рядом. Поближе разглядев лежавшую, они увидели, что волосы у нее седые, на глазах очки и что она, кажется, спит. Когда Эвис и Эмма подошли к ней, она словно бы встрепенулась, попыталась отряхнуться и даже привстать, потянулась к сумочке и перчаткам и стала объяснять им, кто она такая и как очутилась в лесу. Однако при этом она выглядела смущенной, расстроенной и, видимо, нуждалась в помощи.

«Вот вам и престарелая для Мартина Шрабсоула, которой, кстати, и Эвис может оказать благодеяние», — подумала Эмма и отправилась за своей машиной.

28

Телефон зазвонил с пугающей внезапностью, как кажется всякому, кого отрывают от глубоких или неуместных размышлений. Том просматривал Евангелие, готовясь к проповеди, читаемой в последнее воскресенье перед рождественским постом, и думал о том, как управлялся Адам Принс в бытность свою англиканским священником с легендой о пяти ячменных хлебах и двух рыбешках. Что говорил он об этом чуде в своих проповедях и что сказал бы сейчас, так поднаторев в гастрономии.

Подняв трубку, Том услыхал в ней чей-то взволнованный немолодой голос. Доктора Гелибранда он признал не сразу, так как им не часто доводилось общаться по телефону.

— Я подумал, что вам это следует сообщить, — сказал голос. — В лесу нашли мисс Верикер, она заблудилась.

Заблудилась… Как чудесно прозвучало это слово, какой англосаксонской древностью повеяло от него! Но кто такая мисс Верикер, что ему за дело до того, что она заблудилась, и почему ему это следует сообщить?

— В лесу нашли мисс Лилиан Верикер, — повторил доктор Геллибранд, — она заблудилась.

— Да, я понял, — сказал Том, мучительно напрягая ум, — это та, которая…

— Я решил сообщить вам об этом как ректору, хотя вы ее здесь и не застали. Мисс Верикер, если помните, была гувернанткой в усадьбе.

— Ах да! Мисс Верикер обучала девочек, легендарных девочек, с ее помощью они и превратились в вундеркиндов.

— Мартин Шрабсоул там. Вдвоем с Эвис они справятся.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросил Том, чувствуя, что спросить он это должен. Может быть, мисс Верикер выразила желание повидать священника, может быть, там нуждаются в нем?

— Помощь требуется скорее по нашей части, — сказал доктор Геллибранд. — Мартин считает, что надо вызвать психиатра, вы ведь знаете, как помешана на психиатрах современная молодежь. Но мне мисс Верикер кажется абсолютно compos mentis[23]. Бронхи не совсем в порядке, как я думаю, вот и все. Видимо, сойдя с поезда, она пошла через лес. Ничего страшного я в этом

---

[23] Примечания: 23
В здравом уме *(лат.)*.

не усматриваю — давно пора приучиться ходить пешком! Там же поблизости оказалась и мисс Ховик, которая потом пригнала машину. Они с Эвис гуляли и, гуляя, наткнулись на мисс Верикер — поистине счастливая случайность…

Итак, все они гуляли в лесу… Доктор Геллибранд прав — надо нам побольше гулять. Он подавил в себе воспоминания о прогулке с Эммой, спутавшиеся с памятью о собственных скитаниях в поисках остатков средневекового поселения.

— Лучше уж я пойду туда, — сказал он.

У Шрабсоулов был сервирован чай, и теща доктора резала кекс с глазурью.

— Мисс Верикер нашли в лесу, она заблудилась, — сказала Эвис так, словно Том мог еще не знать этого.

— Вы гуляли? — вежливо осведомился Том.

— Совершенно верно! Согласитесь, что слово «заблудилась» тут совершенно не к месту. Я шла в поселок и просто хотела по привычке срезать путь, но сбилась с тропинки. С тропинки, но не с пути истинного! — И мисс Верикер, сидевшая очень прямо в кресле у камина, коротко хохотнула.

Тому пришли на ум слова псалма «Пусть добрый свет», но Ньюмен, как помнилось ему, создал

это произведение, положенное затем на музыку, вовсе не в английском лесу, а в проливе Бонифация, на корабле, попавшем в штиль.

— Я увидела камни — большие такие камни и решила присесть отдохнуть на один из них.

— В лесу полно камней, — сказала Эвис, желавшая предотвратить возможные расспросы Тома о точном местоположении камней и их виде. Было бы вполне в его духе заинтересоваться сейчас этими несчастными камнями, а не состоянием пожилой женщины, попавшей в такую переделку!

— Я думаю, мисс Верикер следует отдохнуть, — твердо сказала она, — после всех волнений.

Пусть попробует Том завести теперь разговор о камнях!

В этот вечер случилась авария на линии и с 6.30 до 9-ти не было света, что нарушило обычное течение жизни и помешало большинству жителей поселка предаться вечернему бдению у телевизоров. К счастью, почти все они уже приготовили свой по-старомодному ранний ужин.

Когда погас свет, Эмма еще не начинала готовку, и потому ужин ее составили джин с тоником, крутые яйца и хлеб, поджаренный на открытом огне в камине. «Что может быть лучше?» — по-

думала она, принимаясь за еду. Она хотела было позвонить Тому, узнать, как он там без света, но, вспомнив недавний опыт с Грэмом, отвергла столь опрометчивый замысел.

Том также нашел выход из положения, прибегнув к помощи спиртного — пригодились остатки виски, подаренного ему на прошлое рождество доктором Геллибрандом, а также хлеб и сыр, которые он гордо извлек из буфета, радуясь своей запасливости. Потом, шаря по полкам с фонариком, он обнаружил бутылку абрикосового бренди — запечатанную — интересно, откуда еще и это? — и сообразил, что бутылка может послужить подходящим подарком или взяткой органисту, дабы побудить того зимой играть на вечерних службах. Он улучит время и незаметно поставит бутылку под его дверью, а докладывать об этом приходскому совету вовсе не обязательно. Он зажег свечу и вытащил дневник, который вел со времени отъезда Дафны, намереваясь записать в него события дня, — а денек выдался насыщенный! — и прибавить к этому одно-два рассуждения. Он не собирался подражать ни Вудфорду, ни Килверту, но жаль будет, если современные священнослужители в сутолоке дел не оставят записей о повседневной жизни,

которые могут быть так интересны историку двадцать первого века. Он углубился в работу и дошел уже до своей гипотезы местоположения средневекового поселения, на которую его натолкнула история с мисс Верикер, как внезапно зажегся свет.

Авария на линии, когда лампочки погасли, а экран телевизора вдруг потух, огорчила и мисс Ли с мисс Гранди, но ненадолго. Переживания этого дня, полного предвкушения встречи с мисс Верикер, которая должна была состояться на следующее утро, совершенно выбила из колеи мисс Ли, и легкий ужин пришлось съесть еще до начала передачи «На перекрестке мнений». Однако вскоре они уже покорно сидели у огня с крючком и спицами. Старым людям легче приспособиться к подобным неожиданностям, чем молодым. Вскипятить в камине чайник не так уж сложно, а на керосинке можно даже ухитриться сготовить что-нибудь. В доме всегда найдутся свечи, а если вам скучно наедине с собственными мыслями, так включите радио.

Вероятно, самые большие неудобства авария могла причинить Адаму Принсу, который в этот вечер принимал у себя священника посещаемой им римско-католической церкви. Однако лосо-

севое суфле Адам успел приготовить заранее, а boeuf en daube[24] с печеным картофелем, традиционное блюдо англо-французской кухни, к тому времени как свет погас, уже два часа стояла в духовке и могла потомиться там еще чуть-чуть. Что же касается сыров, за которыми он утром специально ездил на рынок в Оксфорд, то им ничто не грозило, и можно было со вкусом и не спеша заняться спиртным. Что они и сделали, а когда подошел черед кофе, свет зажегся.

— Благодарение богу, свет вновь озарил нас, — воскликнул отец Берн звучным голосом актера «Театра Аббатства»[25] с напыщенностью почти профессиональной, — и мы невредимы!

А в соседнем домике мисс Ликериш даже и не зажигала света. Она вскипятила в камине чайник и села в кресло, захватив с собой чашку чая и кота, которого она усадила к себе на колени. Но в какой-то из этих темных часов кот оставил ее, укрывшись в тепле своей корзинки, потому что колени мисс Ликериш странно похолодели.

Мисс Верикер лежала в жесткой детской постели в незнакомой комнате у доктора Шрабсоула.

---

[24] Примечания: 24
Тушеная говядина *(фр.)*.

[25] Примечания: 25
Театр ирландского возрождения в Дублине, популярный в 20-е годы.

Со стороны Шрабсоулов было весьма любезно приютить ее, но она предпочла бы дом мисс Ли. Одному из детей доктора пришлось уступить ей место и устроиться на ночь в гостиной, так как дом был небольшой и не мог вместить еще одного человека. В прежние времена дом служил, конечно, одному из садовников, а теперь, даже с этой довольно-таки безобразной пристройкой, он все же был маловат для Шрабсоулов. Странно в наши дни поступают с домами: маленькие дома набиты людьми, а большие, как, например, усадебный дом, почти пустуют, заполняются лишь по субботам-воскресеньям или, еще того хуже, разбиваются на квартиры. А к тому же эта авария, как говорится, час от часу не легче, хотя миссис Шрабсоул, надо признать, оказалась на высоте, ухитрившись приготовить прекрасный ужин. Ей предложили прогуляться потом в усадьбу, но она не уверена, что действительно хочет этого: в усадьбе столько перемен произошло и такие воспоминания с нею связаны… Но одно несомненно — завтра она посетит мавзолей. В мавзолее все осталось по-прежнему.

29

Со смертью мисс Ликериш Том вновь обрел уверенность в себе. Если в происшествии с мисс Верикер он чувствовал себя как бы лишним, то теперь возникла одна из ситуаций, где главенствует священник. Доктора сделали свое дело и передали все в руки Тома. Он даже подумал, что если бы мисс Верикер нашли тогда среди камней не спящей, а мертвой, то доктора также предоставили бы действовать ему, а о психиатрах и речи бы не было.

«Мисс Ликериш скончалась!» — в тоне, каким миссис Дайер, встреченная ею на почте, объявила об этой смерти, Эмме послышались знакомые торжествующие нотки.

Эмма покупала на почте марки, и ей показалось, что миссис Дайер обратилась к ней точно таким же голосом, каким незадолго до этого уведомила ее и маму, что на облюбованном ими месте ягод они не найдут. Эмма уже встретила сына миссис Дайер Джейсона — жидкие волосы до плеч, кривые ноги обтянуты джинсами, — как коршун, кружил он вокруг дома мисс Ликериш. Видно, он надеялся поживиться тем немногим,

что осталось после старухи, так как почти все ее вещи продавались и раздавались.

— А родственники у мисс Ликериш есть здесь? — спросила Эмма.

Невинный этот вопрос также заставил миссис Дайер торжествующе хмыкнуть. Да поселок так и кишит ими — в домах общественной застройки у нее живут и племянники и племянницы. «Только попробуй затащи их к старой тетушке!»

Эмма считала, что присутствие ее на похоронах будет вполне уместным — в конце концов, в этом есть для нее даже профессиональная необходимость. Когда же выяснилось, что ее присутствия там в качестве символа (правда, какого именно, она так и не поняла) просто даже ждут, встал вопрос цветов. Прилично ли будет послать букет или ветку дикого растения, цветущего в это время года? Родственники мисс Ликериш, видимо, не станут ограничивать убранство похорон «цветами только садовыми» — в ноябре это было бы непрактично, как не станут и обращаться за помощью к благотворительным организациям. Впрочем, благотворительным организациям неплохо было бы позаботиться о животных мисс Ликериш. Вообще-то среди деревенских жителей не принято равнять животных с людьми. Видимо,

подобный взгляд следует считать характерным для более цивилизованных слоев общества.

Увидав в день похорон, как к дому мисс Ликериш тянутся люди с цветами, Эмма взяла свой купленный в цветочном магазине букет гвоздик и последовала их примеру.

В парадной комнате дома мисс Ликериш, помещении хоть и не очень уютном, зато свободном от кошек и ежей, две нарядные молодые особы — вероятно, племянницы мисс Ликериш — расчищали место для цветов. На женщинах были яркие платья, чему Эмма не удивилась: в наши дни траура не носят, а одна из них потихоньку курила сигарету, пряча ее между пальцами.

У Эммы милостиво приняли ее цветы и пригласили посмотреть другие подношения. Племянницы особенно восторгались венком из белых и желтых хризантем от владельцев усадьбы, доставленным управляющим, кроме того, был еще венок из лилово-розовых бессмертников и белых гвоздик от миссис Геллибранд и доктора Геллибранда; а Адам Принс прислал охапку белых и розовых гвоздик в полиэтилене.

В церкви Эмма углядела группу людей на передних скамьях, по виду похожих на родственников; видимо, держались кучно они намеренно, ес-

ли учесть, сколько свободных мест оставалось в церкви. Мисс Верикер, помнившая мисс Ликериш еще со времени своего пребывания в усадьбе, задержалась на несколько дней у мисс Ли и мисс Гранди, чтобы присутствовать на похоронах. Казалось, она совершенно оправилась от пережитого потрясения и поглядывала теперь вокруг, словно чувствовала себя здесь хозяйкой. Эмма примостилась в задних рядах, но так, чтобы видеть оттуда все происходящее. Когда возле гроба появился Том, она ощутила даже нечто вроде волнения, но, может быть, на нее лишь подействовала красота погребальной службы, импозантный вид Тома и как хорошо он все делал.

Пели проникновенно. Выбор псалмов, предложенный родственниками, был весьма банален, но Тому удалось убедительно доказать, что «Твоею волей, боже, не моей» с его пафосом рабской покорности никак не согласуется с чертами личности мисс Ликериш. («И дашь мне ближних ты, не кто иной» — вот ключевые слова этого псалма.) Том предложил вместо него «И в быстротечности удел земной» — вещь бесспорную — и включил еще «Пастырь, милостивый боже» в переложении Джорджа Герберта.

Вслед за процессией Эмма прошла на кладбище к вырытой могиле, постояла в кучке людей, глядя, как падают на гроб комья земли. Хорошо, что все это великолепие не предали огню в крематории. Груда цветов — венки и букеты — останется здесь и будет гнить, мокнуть под дождем, пока однажды ее не выкинут в проволочную корзину, предназначенную для засохших цветов из церкви. Цветы с похорон, наверно, не отсылают в больницы и дома престарелых, как это принято делать со свадебными цветами. Так вот варьируются обычаи, что интересно будет отметить в работе «Погребальные обряды сельских общин».

А потом, как это всем известно, естественная скорбь и волнение похорон растворятся в уюте всеобщего чаепития, за которым последует вскоре и более действенное утешение в виде алкоголя. Те из присутствующих, кто не намеревался участвовать в продолжении погребального ритуала, собрались возле мавзолея, причем Эмма видела, как в мавзолей прошествовала мисс Верикер. Сама она побрела домой, попутно отметив для себя, что домики возле церкви (неужели в одном из них поселится Том?) растут не по дням, а по часам, а зачехленные машины в саду больше проглядывают теперь сквозь поредевшую листву.

Еще одно продолжение похорон увидела она на следующее воскресенье в церкви, где на одной из передних скамей разместились родственники мисс Ликериш. Они сидели неподвижно, в ряд, теснее друг к другу, чем завсегдатаи церкви, и вместо того чтобы преклонять колени, все норовили склонить голову и прикрыть глаза руками. Очевидно, как потом и подтвердил ей Том, здесь было принято посещать церковь в первое воскресенье после похорон. Всех этих людей в церкви больше не увидишь — до следующих похорон, свадьбы или крестин. Когда Эмма возмутилась этим, Том, с присущей ему мягкостью и терпимостью, возразил ей, что это-то и придает размеренность деревенской жизни, наряду со сменой времен года, так здесь все и идет: сенокос, сбор урожая, а затем сев и новые всходы.

— Если б я узнала об этом раньше, — сказала Дафна, — сейчас-то, конечно, уже поздно, но если б Том сообщил мне об этом раньше, я могла бы поехать.

— Но она ведь не была твоей подругой, эта полоумная старуха? — сказала Хетер со всею резкостью, на какую была способна.

Она нередко считала нужным говорить с Дафной подобным тоном, чтобы вывести ее из

состояния подавленности и грусти.

— Нет, подругой не была, у мисс Ликериш не было друзей в нашем понимании этого слова. Только кошки и ежи, а однажды даже жаба. Вообще-то ее даже можно понять: животные никогда не разочаруют и не обманут, потому что на них не возлагаешь особых надежд. Правда, ведь не станешь же возлагать надежды на ежа или кошку!

— Я никогда, не была поклонницей кошек, — самодовольно заметила Хетер, — а у ежей, уж конечно, полно блох.

— В письме Тома полно новостей, — подхватила Дафна. — Подумай только, бывшая гувернантка, женщина, которая была гувернанткой в усадьбе, найдена в лесу, где она заблудилась, а Том считает, что не исключено, будто, заблудившись, она наткнулась на остатки средневекового поселения.

— С ума сойти! Он, конечно, на вершине блаженства! — А про себя подумала: «Скучный человек. А как перспективный вдовец — сплошное разочарование».

— Эта семья напротив, мать с дочерью, — сказала она затем голосом уже более веселым, — в среду вечером устраивают «механизированный пикник» и приглашают нас присоединиться, — и,

улыбнувшись, добавила:

— Я понимаю, конечно, что это развлечение не совсем в нашем духе, если вообще можно считать его развлечением, но почему бы и не проявить дружелюбия, тем более что у них две собаки и они, должно быть, в курсе всего, что касается школы собаководства. У них еще такая желтая машина с решеткой на заднем стекле.

— Да, да, я видела… — Дафна думала о том, чем развлекаются по вечерам в греческой деревне. Видимо, «механизированных пикников» там не устраивают, что не означает, конечно, будто греков не коснулся технический прогресс. Весь берег там буквально усеян пластиковыми мешками, а однажды ей встретился тамошний священник с голубым пакетом, но теперь это все кажется таким далеким, словно и не было этого вовсе.

30

На рождество к Эмме приехали Беатрис и Изобел, и потекли нешумные праздники в женском кругу за красиво сервированным столом с обильной едой и напитками. Других развлечений не предвиделось.

— Мы могли бы пригласить эту твою подругу Ианту Поттс, — сказала Беатрис, когда приглашать было уже поздно. — Ты была бы рада?

— Нет, — сказала Эмма, помнившая летний приезд Ианты.

Заговорив с ней о Грэме — наверно, встречает рождество с Клодией в их новом излингтонском доме, правда? — Беатрис тоже не улучшила ей настроения. Рождество всегда объединяет людей, так она, по крайней мере, слышала, — заявила Эмма обычным своим суховато-решительным тоном.

С утренней почтой Эмма получила открытку от Грэма. «С любовью», — приписал он от руки к напечатанному на открытке типографским способом пожеланию. Эмма стояла, щупая открытку, и раздумывала, случайно ли выбрал Грэм открытку с зимним лесом (в фонд лесного общества

и общества садоводов) и не робкое ли это напоминание о том времени, когда он жил в лесной сторожке? Но мужчинам подобная тонкость не свойственна, женщины склонны приписывать им такое, чего они даже понять не могут, не говоря уже о том, чтобы самим измыслить.

— Красивая открытка, — сказала Беатрис. — Не совсем рождественская, по-моему, но вполне симпатичная. Неужели Клодия ее выбирала?

Эмма тут же подумала, что это весьма вероятно. Жены всегда покупают открытки для своих мужей, а иногда сами и отсылают их.

— Мог бы и подарить тебе что-нибудь, при том, сколько ты для него сделала, — сказала Беатрис.

Эмме и самой это приходило в голову, но она предпочитала помалкивать.

— Не так уж много я сделала, — сказала она.

— Ты помогла отыскать дом, что помогло ему закончить книгу, ты утешала его, когда у него были нелады с женой, ты наверняка и готовила ему частенько. По-моему, более чем достаточно.

— Но ведь все относительно — вспомни, насколько больше сделала для Тома мисс Верикер, наткнувшись, сама того не желая, на место, где находятся остатки средневекового поселения.

— Да, он столько всего знает о вещах такого

рода, — принужденно заговорила Изобел. — А жена его, когда он был женат, историей интересовалась? Это должно было сближать их.

— Наверное, сближало, хотя, по-видимому, сближал их не только интерес к истории. К тому же он мог увлечься историей и после ее смерти, мы мало что знаем о бедной Лоре, правда? — сказала Беатрис, обращаясь к Эмме.

— Я знаю не больше твоего, — сказала Эмма даже с некоторым негодованием. — Она скончалась так давно, я думаю, что и сам он теперь с трудом ее вспоминает.

— Не так уж мало ты о ней знаешь, — сказала Беатрис, — похоже, вы говорили о ней.

— Ну как-то вечером, просто к слову пришлось, — сказала Эмма, как о вещи самой обычной.

— К слову пришлось… — повторила Беатрис.

— По-моему, со стороны его сестры было ошибкой так вот оставить его, — сказала Изобел. — Священнику нужен рядом женский глаз и в доме, и в приходе. Ведь он же вряд ли женится опять, правда?

— Как знать! — сказала Беатрис. — Когда умерла Лора, возле него тотчас же очутилась Дафна, так что у него даже времени не было понять,

чего он хочет, теперь же все может сложиться по-иному…

Изобел выглядела смущенной, словно сказанное каким-то образом касалось и ее, — но она промолчала.

— …ведь все вдовцы, как правило, женятся, — продолжала Беатрис.

— Я мало знаю вдовцов, — сказала Эмма, словно желая этим закрыть тему. Грэм не подходил под эту рубрику, а Тома, как ректора, по ее мнению, вряд ли можно было счесть достойной партией, хотя в некоторых отношениях он, несомненно, таковой являлся.

— Ты, должно быть, скоро завершаешь свой труд, — решительно заявила Изобел, словно интервьюируя Эмму о ее дальнейших творческих планах, — и смею надеяться, возвращаешься в Лондон, чтобы обдумать там новый замысел?

Эмма ничего не сказала. Загадывать, что будет после рождества, планировать нечто, относящееся к малопривлекательной категории «новых замыслов», — увольте! Нет-нет да и вспомнишь, что Изобел учительница, и учительница старого закала, — видятся глаза за стеклами пенсне, поблескивающие благожелательно, но строго.

— Если после рождества ты не собираешься

здесь оставаться, — сказала Беатрис, — то одна моя бывшая студентка будет счастлива снять этот дом. Ей необходимо прийти в себя после неудачного романа, а к тому же она пишет книгу.

Эмма засмеялась.

— Вот ей-то здесь самое место, — сказала она. — А если Дафна вернется, они подружатся с ней и станут поверять друг другу свои несбывшиеся мечты.

— О, не думаю, чтобы мы жаждали именно этого, — твердо заявила Беатрис. — Жизнь Тома теперь должна повернуть по другому руслу.

Оглядев собравшихся к рождественской заутрене (назвать это мессой он не рискнул бы), Том с радостью заключил, что народу в церкви больше, чем когда бы то ни было. Особенную радость это вызывало у него потому, что одна из рождественских открыток, присланных его старым другом и содержавшая добросовестный перечень успехов самого этого друга, его жены и пятерых детей, спровоцировала у Тома особо сильный приступ неуверенности в себе. А вот и владелец усадьбы сэр Майлс с домочадцами вплыл в церковь под первые торжественные раскаты органа — органист заиграл Мессиана. Будучи церковным органистом, Джеффри Пур не был человеком

верующим, хотя и ценил предоставленную ему возможность играть на прекрасном инструменте, уподобившись какой-нибудь героине Остен, возможно даже высокоодаренной Джейн Ферфакс[26]. Том, чувствуя, как забирает его Мессиан, подумал, не сыграло ли тут роль абрикосовое бренди, оставленное им в качестве рождественского подарка под дверью органиста. Вне всякого сомнения, орган звучал прекрасней, чем всегда, что придавало службе истинное величие.

Заметив владельцев усадьбы, Эмма принялась гадать, было ли раньше принято здесь угощать исполнителей рождественских гимнов подогретым вином и сладкими пирожками. Мисс Ли, конечно, осведомлена о том, соблюдался ли этот обычай. Сидя между матерью и Изобел, Эмма вдруг поняла, что хотела бы сидеть здесь с мужчиной, хотя Грэма на этом месте она не представляла. Ей рисовался кто-то туманный, но положительный, даже красивый, и она подумала о том, как неискоренимы романтические воззрения и как подвержены им, оказывается, даже самые циничные и искушенные из женщин.

— Ты, конечно, захочешь идти в церковь, —

---

[26] Примечания: 26
Героиня романа Джейн Остен «Эмма».

сказала Хетер, словно изобличая Дафну.

— Да, наверно, — без всякого энтузиазма согласилась Дафна.

Конечно, пойти на рождество в церковь она хочет, но ни одна из двух ближайших церквей, где ей доводилось бывать по разным поводам, ее особенно не привлекает. Первая из них была беззастенчиво «высокой»[27], там удушливо пахло благовониями, а служба проговаривалась неясной скороговоркой, так что и слова разобрать было трудно; другая была чересчур евангелической — вся из воздуха и света, и викарий улыбался там сладко до невозможности. У этого викария тоже была собака, и когда он изредка выгуливал ее на пустыре, никакой твид не мог скрыть его священнического сана. Таким образом, выбрать церковь было не таким уж легким делом. В конце концов Дафна выбрала рождественскую заутреню в темной, переполненной народом «высокой» церкви, а хмурая Хетер в халате и сеточке на голове осталась дожидаться ее возвращения, чтобы жаловаться потом, что она никак не могла заснуть до ее прихода. Она будет лежать без сна, пока не услышит звякания ключа в замке, а Брюс

[27] Примечания: 27

«Высокая» церковь — течение в англиканстве, близкое к католицизму и противостоящее «евангелической», или «низкой», церкви.

не зальется лаем.

На второй день рождества Дафна опять подумала об ошибке, которую, вероятно, совершила, оставив Тома «на произвол судьбы», как она это называла, особенно ввиду рождественских праздников. Разве это не долг ее, как старшей сестры, приглядывать за ним, не говоря уже о помощи в приходских делах. Надо бы съездить к нему после Нового года, когда погода станет получше. А Брюс прекрасно пробудет с Хетер несколько дней.

31

Новогодний приезд Дафны совпал как раз с заседанием общества любителей истории, собиравшимся в пятницу вечером в ректорском доме. Поэтому при виде сестры Том испытал даже не радость, — а облегчение, сообразив, что будет кому сварить кофе, обычно подававшийся в подобных случаях.

Дафна же, войдя в дом, испытала холод, тут же заставивший ее оценить удобство бирмингемского центрального отопления.

И почему это Том не включил в холле обогреватель?

— К завтрашнему дню тебе придется подтопить, — сказала она. — А кто докладчик?

— Доктор Геллибранд, — сказал Том.

— Он-то тут при чем?

— Он обещал рассказать кое-что из истории медицины, начиная с семнадцатого века и до современности, а потом ведь у него есть прекрасная коллекция старинных хирургических инструментов…

— Не думаю, чтоб кому-нибудь это пришлось по вкусу, — засомневалась Дафна. — Как тебе это

на ум взбрело?

— Я посещал больницу, что навело меня на мысли о смерти и о том, как умирали люди в старину.

В одно из таких посещений, еще возле постели больного, он вдруг вспомнил об Энтони à Вуде, страдавшем жестокой уремией. «Ежели невмочь тебе испускать воду, опустят тело твое в землю». Размышляя о Вуде и его болезни, он поговорил об этом с доктором Геллибрандом. Доктор был, казалось, рад приглашению выступить на заседании общества — такое приглашение явилось признанием его авторитета в поселке, о котором раньше Том словно не догадывался.

Адам Принс прибыл одним из первых и занял удобное место возле камина, который Дафна разожгла в гостиной. Затем появились Беатрис с Изобел и Эммой, мисс Ли и мисс Гранди и группа пожилых дам из соседнего поселка, обычно посещавших заседания и самоотверженно помогавших Тому рыться в приходских книгах. Магдален Рейвен прибыла поздно: в последнюю минуту возникли какие-то осложнения с детьми, но жена доктора Геллибранда Кристабел с мужем пришла еще позже, что не помешало ей усесться впереди всех. На ней единственной была длин-

ная юбка (бархатная, винно-красного цвета), видимо, поэтому она считала себя вправе критически оглядывать все вокруг — и не столько даже наряды других женщин, сколько убранство ректорской гостиной. Мебель при этом она признала добротной (правда, пополировать не мешает), но ваза с несколько подвядшими гиацинтами, по ее мнению, в это время года никак не являлась изысканным украшением. И это при том, что листья бука прекрасно сохраняются в глицерине, а осенью в садах и живых изгородях буковых деревьев так много, что собрать листья и посушить их к зиме было бы совсем несложно. Но Дафна уехала, хотя, конечно, луковицами гиацинтов до отъезда занималась она, и все последние месяцы ректорский дом лишен женского глаза, если не считать миссис Дайер с ее сомнительными услугами. По всему чувствуется, что женщины со вкусом здесь, конечно, не хватает, хотя, правду сказать, и бедняжка Дафна вкусом не отличалась…

У Беатрис как-то вылетело из головы, что к Тому приезжает сестра, и при виде Дафны, неуклюжей, в бесформенной юбке, одной из тех, что она приобретала на благотворительных базарах, по-хозяйски встречавшей гостей у входа, она испытала замешательство. Не к этому все шло.

Поднявшись с места, Том представил собравшимся доктора Геллибранда (которого все, разумеется, отлично знали), и доктор Геллибранд начал беседу.

Оглядевшись, он заметил, что аудитория его в основном пожилая, которая больше подошла бы Мартину Шрабсоулу, хотя последнего и не было видно. При этом он обрадовался, что не придется отвечать, как могло бы, на вопросы молодого коллеги или, по его выражению, «скрещивать шпаги» относительно спорных проблем. Ибо беседу свою он, вопреки ожиданиям Тома, посвятил не столько истории медицины, начиная с XVII века, сколько ностальгическим воспоминаниям о 30-х годах века нынешнего, до учреждения государственной службы здравоохранения и до того, как все обзавелись автомобилями и пациенты из близлежащих поселков перестали приходить к врачу пешком. Если бы мы больше ходили пешком, — говорил доктор, сев на своего любимого конька, — если б чаще выбирались за город, в лес, приемная врача практически пустовала бы. Так, например, он с радостью замечает, что среди молодежи популярен стал «бег трусцой», как, он слышал, называется этот вид передвижения; отрадно бывает встретить зимним утром бегущего

трусцой. Дамам также не возбраняется бег трусцой, им он не повредит, но не следует, разумеется, забывать о медицинском контроле. Мы же не можем допустить, чтобы дамы падали замертво и умирали от разрыва сердца, не так ли?

Услыхав тут смешок в аудитории, Эмма подумала, что доктор Геллибранд имеет право так шутить, поскольку ему, как человеку пожилому, и карты в руки.

— Итак, милые дамы, бегайте, но с оглядкой, — повторил доктор Геллибранд, заключая этой шуткой беседу и переходя к ответам на вопросы.

Первым поднялся с места Адам Принс. Идея бегать трусцой — в хорошую погоду, разумеется, — показалась ему привлекательной, но выставлять себя на посмешище, расспрашивая об этом докладчика, он не собирался. Вместо этого он задал вопрос о рациональном питании, как его понимали в прежние времена, после чего доктор Геллибранд сел на второго своего любимого конька, хотя из ответа его так и не было ясно, на пользу ли идет отсутствие в продаже замороженных продуктов и «полуфабрикатов» или во вред, приводя к некоторому однообразию рациона.

Том попытался увлечь доктора Геллибранда вглубь истории — даже викторианская медици-

на более приличествовала бы теме, но доктор Геллибранд не дал себя увлечь. Он услыхал, что Дафна и мисс Ли принялись греметь чашками в заднем углу, из чего заключил, что близится время кофе. Присутствующие могут ознакомиться с его коллекцией хирургических инструментов. Вот они, на столике возле окна, и если аудитории угодно, он будет рад продемонстрировать их в действии. Опять послышался смех, и собравшиеся занялись передачей друг другу чашечек кофе и тарелок с печеньями.

— Беседа была не совсем такой, как я себе ее представлял, — сказал Том Беатрис, — но мне кажется, все остались довольны, а ведь это самое важное. Разве есть что-нибудь важнее? — Последний вопрос его, конечно, был чисто риторическим.

Беатрис не нашлась что ответить и предоставила сделать это Изобел, которая заметила, что Том, вероятно, счастлив опять видеть рядом с собой сестру.

— Счастлив?

Том запнулся, словно обдумывая, что могло бы значить это слово, а затем ответил утвердительно — дескать, да, разумеется, он счастлив, что сестра опять с ним. Но честно говоря, он еще не разо-

брался в чувствах, какие вызвал у него приезд Дафны в ее прежний дом. Они еще не успели обсудить с ней цель ее приезда и подробности жизни в Бирмингеме, хотя она и описала ему две бирмингемские церкви и спросила, какую из них, по его мнению, ей следует посещать. Это означало, что пребывание свое в доме возле «прелестного зеленого пустыря» она рассматривала как постоянное, что он, собственно, и предполагал. Хотя где-то в глубине души его смущало подозрение, что в поселке все ожидают возвращения Дафны. А кроме того, вспоминалась кровать, которую она так и не взяла с собой.

— Ну и как вам теперь поселок? — спросила Беатрис у Дафны. — В феврале он после Бирмингема, наверно, кажется мрачноватым…

— О, в Бирмингеме мрачных дней тоже вполне хватает, — сказала Дафна. — По-моему, февраль плох везде, кроме как, может быть, под полуденными небесами. Этот поэтический штамп она употребила намеренно и в шутку, но за ним скрывалось ее решительное намерение отвергнуть снятый на лето возле Тинтагеля дом и отправиться снова в Грецию.

— Должно быть, ректорский дом встретил вас холодом, — спросила Беатрис, также ударившись

в поэтические штампы. — В Бирмингеме, наверное, у вас центральное отопление?

— Да, разумеется, но… — Дафна замялась, — здесь зимой так мило, эти блики на сером камне зданий — больших и маленьких…

— Вам этот камень кажется *серым*? — удивилась Беатрис. — Котсволдский камень обычно считается медово-желтым, правда, возможно, зимой…

— А потом, знаете, в саду ирисы появились. Я так их жду каждый год.

— Там, где вы сейчас живете, тоже, наверно, прекрасные сады, — рискнула заметить Беатрис.

— Да, многие там увлекаются садоводством, и все-таки там по-другому как-то все… Там ведь… — она запнулась и затем, понизив голос, выговорила: — *Пригород,* если вам понятно, что я имею в виду.

— Но возле вашего дома есть пустырь, правда? И все эти собаки носятся там…

С лица Дафны исчезла суровость, она улыбнулась.

— Да, пустырь… Брюс так любит там гулять, и мы выгуливаем его там два-три раза в день. Но, конечно, здесь…

Она, видимо, собиралась перечислить преиму-

щества поселка для собаки, но Беатрис быстро заткнула ей рот, напомнив, какое большое движение теперь на улицах поселка.

— Я могла бы брать его в лес, — сказала Дафна.

— Но вам пришлось бы водить его на поводке. Учитывая дичь сэра Майлса.

— Да, я и позабыла об этом.

— А потом ведь встала бы проблема овец и ягнят.

Беатрис мягко, но настойчиво пыталась внушить Дафне, что возвращение в ректорский дом не принесло бы ей счастья. Чувство, которое она испытала в начале вечера, увидев Дафну, теперь окрепло, и она знала, что готова сделать все от нее зависящее, дабы предотвратить возвращение Дафны в поселок. Подобно какой-нибудь негодяйке из викторианского романа, она не остановилась бы ни перед чем, хотя и не знала в точности, что собирается предпринять. Идея эта зрела в ней с рождества, с того самого момента, когда, увидев рождественскую открытку Грэма и осознав вероятность того, что выбирала ее Клодия, она поняла, что сейчас, как никогда, ее долг «сделать что-то» для Эммы, если та не в состоянии сама о себе позаботиться. С Грэмом, как это стало очевидным теперь, ничего не вышло (да и

стоил ли он, в самом деле, усилий, на него потраченных?), так не будет ли правильней, хоть это может показаться и невероятным, каким-нибудь образом свести Эмму с Томом?

— Говорят, что тут однажды нагрянула к вам мисс Верикер, — донесся до нее голос Дафны. — Интересно было бы с ней познакомиться, ведь я так наслышана о ней. Том рассказывал, что она заблудилась в лесу и что ее обнаружили возле того самого места, где когда-то находилось средневековое поселение. — Она усмехнулась. — Том, конечно, только этим и бредит, в особенности теперь, когда он остался один. Я все думаю, как он справляется без меня. Наверное, поэтому мне иногда кажется, что я обязана вернуться — ради Тома.

— Вам так кажется? — переспросила Изобел, встревая в разговор. — Я считаю, что возвращение — всегда ошибка. Это значило бы вернуться вспять к уже прожитому, верно? А мы должны двигаться все вперед и выше!

И для пущей убедительности она взмахнула рукой. Очевидно, она внезапно вспомнила о своем педагогическом призвании, что, однако, не прояснило смысла ее речи.

— Но Том всегда был таким беспомощным, —

возразила Дафна.

Беатрис преувеличенно расхохоталась, как будто самое предположение, что Дафна может в чем-то оказаться полезной Тому, не выдерживало критики.

— Я бы не стала беспокоиться о нем, — решительно заявила она, а затем пояснила: — Мужчины вовсе не так беспомощны, как хотелось бы представить это женщинам. Вы сами увидите, надеюсь, что Том…

Она хотела сказать «выбрал себе кусочек послаще», но отвергла такую гастрономическую аналогию, показавшуюся ей неуместной, и сказала: «Преследует несколько иной замысел».

— Замысел? — недоверчиво переспросила Дафна. — Но у Тома никогда не бывало никаких замыслов, если не считать замыслов относительно средневековых памятников и поселений. Никаким своим замыслом он со мной не делился.

— Беатрис хочет сказать, что он, может быть, задумал жениться, — сказала Изобел, решив играть в открытую.

— Надеюсь, вы не себя имеете в виду? — вскинулась Дафна, хотя подобное замечание вряд ли можно было счесть лестным для Изобел.

Изобел покраснела, хоть и промолчала, а Беатрис, в который раз, подумала, не имеет ли сама Изобел видов на Тома. А может быть, она уже начинает догадываться о плане Беатрис.

Три женщины — Беатрис, Изобел и Дафна — молча наблюдали, как Том беседует с Эммой. Разглядывая какой-то хирургический инструмент из коллекции доктора Геллибранда, те, похоже, смеялись.

Беатрис гадала, как отнесется Эмма к планам, которые готовила для нее мать. И конечно, интересно, что скажет Том — тоже вещь немаловажная. Однако его мнение тут не так существенно, поскольку обработать его будет легче, а вдобавок, как она считала, обрабатывать его, может, и вовсе не придется.

Рядом со старинными хирургическими инструментами доктора Геллибранда на столе, возле которого стояли Том с Эммой, были разложены и другие реликвии — некоторые изделия из дерева: совок для сбора падалицы, тарелка и блюдо, а также коллекция выцветших желто-коричневых фотографий, запечатлевших каких-то деревенских жителей за различными деревенскими занятиями, в которых не было ничего местного.

— Ваш друг доктор Петтифер закончил свою

книгу? — спросил Том. — Я подумываю пригласить его выступить когда-нибудь на нашем заседании.

Эмма так долго мялась и не знала, как ответить, что Том испугался, не сказал ли он бестактность, не сморозил ли что-нибудь, как это подчас случается со священниками, о чем ему было доподлинно известно. Может быть, воспоминания о Грэме для нее до сих пор болезненны?

— Не думаю, чтоб он смог рассказать что-нибудь уместное, — сухо заявила Эмма. Взяв в руки желто-коричневую фотографию, она внимательно разглядывала ее. — Это что, на лужайке в усадьбе, какой-то давно забытый безымянный праздник?

— Ну тогда, может быть, выступите вы? — спросил Том, словно вдохновленный неожиданным прозрением. — Вы ведь здесь не первый месяц и должны были сделать какие-то наблюдения здешнего житья-бытья, прийти к каким-то выводам; вы могли бы связать это с прошлым, — он покосился на фотографию в руках у Эммы, — или же поразмышлять о будущем, заняться прогнозами…

— Да, я могла бы выступить, — сказала Эмма, но не уточнила тему будущего выступления.

Она вспомнила, как мама говорила, что собирается сдать дом своей бывшей студентке, которая пишет роман и должна оправиться от несчастной любви. Не бывать этому: Эмма сама остается в поселке. Она тоже может написать роман или даже, как это ей теперь уже кажется, закрутить роман, причем необязательно несчастный.

